

ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ГРЕБЕНКИНА
ОЛЬГА СЕМЕНОВНА

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
МНОГОЗНАЧНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ
С ПОЗИЦИЙ КОНТРАДИКТНО-СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО
ПОДХОДА

Специальность 10.02.19 - теория языка

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор Н.Л.Мышкина

ПЕРМЬ - 2002

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
Глава 1. Теоретические основы исследования полисемантов в языке и речи.....	10
1.1. Полисемия как универсальная категория.....	10
1.2. Проблема выделения лексической полисемии.....	16
1.3. Категорематическая полисемия.....	22
1.3.1. Соотношение предложения и высказывания.....	22
1.3.2. Синтаксическая полисемия.....	27
1.3.3. Контекстуальная полисемия.....	35
1.4. Предложение-высказывание как смысловая единица.....	42
Выводы.....	54
Глава 2. Методы анализа и интерпретации многозначности высказывания.....	56
2.1. Структурно-семантический анализ предложения-высказывания и его элементов в лингвистике.....	56
2.2. Предложение-высказывание как объект моделирования в лингвистике.....	72
2.3. Применение контрадиктно-синергетического подхода для анализа и интерпретации многозначности высказывания.....	77
2.4. Средства функторизации смыслового пространства.....	88
2.4.1. Средства системной многозначности.....	89
2.4.2. Симметризация-асимметризация, вызванная референциально-обусловленной многозначностью высказывания.....	97
Выводы.....	98
Глава 3. Интерпретация и типологизация многозначных высказываний в коммуникативно-прагматическом аспекте.....	100
3.1. Коммуникативно-прагматический аспект многозначных высказываний.....	100
3.2. Коммуникативно-прагматические функции многозначных высказываний.....	105
3.3. Факторы реализации комического.....	111
3.4. Факторы реализации серьезного.....	119

3.5. Функционально-прагматическая типология многозначных высказываний.....	121
3.5.1. Комическое как критерий функционально-прагматической типологии многозначных высказываний.....	122
3.5.2. Серьезное как критерий функционально-прагматической типологии многозначных высказываний.....	135
Выводы.....	148
Заключение.....	150
Библиография.....	154
Список использованных словарей.....	170
Список иллюстративного материала.....	171

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа посвящена проблеме исследования коммуникативно-прагматической интерпретации многозначного высказывания с позиций контрадиктно-синергетического подхода и разработке функционально-прагматической типологии многозначных высказываний. По кругу решаемых вопросов диссертация относится к разряду работ по общей теории комплексных системных исследований языка и по общей теории высказывания в рамках лингвистики высказывания.

Контрадиктно-синергетического подход предполагает комплексный многоаспектный анализ и интерпретацию многозначного предложения-высказывания с использованием метода симметрии-асимметрии, функторного метода, метода динамико-системной интерпретации и метода структурно-семантического анализа с целью выявления скрытых смыслов высказывания.

Актуальность исследования обусловлена отмечаемой многими исследователями насущной потребностью в более глубоком изучении высказывания как полисемантического пространства, недостаточностью существующих исследовательских подходов, посвященных типологическому анализу многозначных высказываний в рамках коммуникативно-прагматического исследования, а также потребностью в разработке методики интерпретации многозначного высказывания.

Объектом лингвистического исследования в настоящей работе является многозначное высказывание (асимметрия формы и содержания), что неоднократно было объектом изучения многих отечественных и зарубежных ученых. Большое внимание уделялось изучению смысловой структуры высказывания, моделированию которой посвящено немалое количество работ в современной лингвистике. Существует несколько подходов к описываемому явлению, все они правомерны в той мере, в которой помогают раскрыть свойства многозначного высказывания или объекта, частью которого оно является.

В современной лингвистике проблеме многозначности уделяется довольно пристальное внимание. Наиболее успешно она решается на уровне лексики (S.Ullmann, Ю.Д.Апресян, Ю.С.Маслов, Ю.С.Степанов, В.Г.Гак, Д.Н.Шмелев, J.Lyons, М.В.Никитин, Th.Schippan, А.П.Чудинов, И.А.Стернин, И.С.Тышлер, Л.М.Васильев, А.А.Реформатский, Л.В.Малаховский. В грамматике асимметрия формы и содержания рассматривалась на материале морфологических глагольных форм (Е.И.Шендельс). Синтаксическая структура исследуется в рамках структурной (Н.Д.Арутюнова, Л.С.Бархударов, А.В.Бондарко, Дж.Катц, И.М.Кобозева, Ю.М.Малинович, И.А.Назарова, Ю.А.Найда, Е.С.Сотникова, А.А.Уфимцева, Н.Хомский, У.Чейф и др.) и когнитивной (G.Lakoff, R.Jackendoff, J.Taylor, А.Н.Баранов, Е.С.Кубрякова, М.Minsky, Ч.Филлмор и др.) лингвистики. Несмотря на различия, наблюдаемые в подходах описания синтаксической формы, ученые сходятся к одному - назначению синтаксической формы как конструкта, как схемы, отвлеченной от конкретного лексического наполнения и интонационного контура, как правило, многозначно.

Несмотря на немалое количество фундаментальных исследований синтаксической структуры и разнообразие развиваемых в них концепций, проблема описания многозначного высказывания для достижения коммуникативных целей в лингвистике до сих пор не поднималась, и именно ее раскрытие, т.е. описание функций прагматически направленного высказывания, становится **предметом** исследования в настоящей работе.

Целью работы является комплексное исследование и описание коммуникативно-прагматического и системно-семантического аспектов многозначности высказывания в рамках контрадиктно-синергетического подхода.

Выдвинутая цель базируется на **гипотезе**, что многозначность высказывания, проявляющаяся в асимметрии плана выражения и плана содержания, обусловлена рядом факторов коммуникации, позволяющих

сохранять и приращивать асимметричные свойства в зависимости от коммуникативно-прагматического назначения самого полисеманта.

Достижение поставленной цели и доказательство гипотезы потребовали решения следующих **задач**:

1. Уточнить основные характеристики полисемии с точки зрения семантики, синтактики, прагматики.
2. Раскрыть сущность высказывания, охарактеризовав его как полисемантическое пространство с множеством возможных смыслов.
3. Установить единицы анализа и интерпретации многозначности высказывания при контрадиктно-синергетическом подходе; выявить функторные свойства многозначных высказываний; описать методику моделирования и интерпретации многозначности высказывания.
4. Определить степень влияния языковых единиц, составляющих высказывание, на его семантику; описать факторы создания многозначности высказывания.
5. Разработать типологию многозначных высказываний на основе их коммуникативно-прагматических функций.

В зависимости от поставленных задач использовались следующие **методы исследования**: метод симметрии-асимметрии, метод функторного анализа, метод динамико-системной интерпретации и метод структурно-семантического анализа.

На **защиту** выносятся следующие положения:

1. Высказывание трактуется как коммуникативная единица, которая в процессе коммуникации способна сохранять и приращивать свои асимметричные свойства, в результате чего в нем в одно и то же время порождается и реализуется множество смыслов.
2. Контрадиктно-синергетическая методика интерпретации, применяющаяся в процессе исследования многозначных высказываний и определяющая приемы выделения единиц анализа и интерпретации данных высказываний, обеспечивает выявление явных и скрытых смыслов.

3. Смысловой потенциал многозначного высказывания определяется спецификой входящих в него лексических и грамматических единиц, представляющих собой факторы, обуславливающие возникновение многозначности в измерениях семантики, синтактики и прагматики.

4. В каждой отдельной коммуникативной ситуации многозначное высказывание предстает как функциональная единица, имеющая определенную прагматическую направленность.

5. Типологическое описание многозначных высказываний строится на основе их коммуникативно-прагматических функций с учетом целенаправленности многозначных высказываний и планов их реализации. Критерием типологии является оппозитивный признак "комическое - серьезное".

Научная новизна исследования заключается в том, что в диссертации впервые разрабатывается целостная типология, раскрывающая коммуникативно-прагматические характеристики многозначного высказывания с позиции контрадиктно-синергетического подхода, а также описываются средства создания многозначности, обуславливающие неоднозначное понимание высказывания. Новым является комплексное использование функторного метода, метода динамико-системной интерпретации и метода симметрии-асимметрии при исследовании явления многозначности высказывания.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что в нем представлена целостная методика анализа и интерпретации многозначности высказывания, которая позволяет определить проявление свойств и характеристик многозначного высказывания и выявить все его возможных смыслов. Теоретически значимыми являются также описание факторов создания многозначных высказываний и их типологии на основе коммуникативно-прагматических функций.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования результатов и материалов исследования в обучении различным

аспектам теории и практики языка. Полученные в работе данные могут быть использованы в практике перевода, анализа и интерпретации текста, в лекциях, спецкурсах, на семинарах по лексикологии, теоретической грамматике.

Материалом исследования послужили около 2000 примеров, отобранных методом сплошной выборки из произведений разных стилей и жанров на английском и русском языках: рекламных, научных, деловых и литературно-художественных.

Апробация работы. Основные положения диссертации были представлены на Всероссийской научно-практической конференции "Иностранный язык в системе непрерывного образования: проблемы преемственности" (Пермь, октябрь 2000 г.), на Всероссийской научно-практической конференции "Формирование гуманитарной среды и внеучебная работа в вузе, техникуме, школе" (Пермь, март 2001 г.), на Международной научно-практической конференции "Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах" (Челябинск, декабрь 2001 г.), а также отражены в 5-ти публикациях.

Структура и объем исследования. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав с выводами, заключения, библиографии, списка использованных словарей и списка иллюстративного материала.

Во **Введении** обосновывается выбор темы диссертации, ее актуальность, формулируются цель, гипотеза и задачи исследования, определяются методы исследования, а также теоретическая и практическая ценность работы.

В **первой главе** "Теоретические основы исследования полисемантов в языке и речи" многозначность рассматривается как лингвистическая универсалия, основанная на асимметрии формы и содержания. Сопоставляются термины, обозначающие в специальной литературе асимметрию формы и содержания на разных уровнях языковой системы. Понятие многозначности рассматривается с позиций разных подходов: контрадиктно-синергетического, коммуникативно-прагматического, деятельностного, процессуального,

"репрезентирующего", коммуникативно-функционального. Обосновывается применение контрадиктно-синергетического подхода.

Вторая глава "Методы анализа и интерпретации многозначности высказывания" посвящена методике анализа и интерпретации многозначности высказывания. В этой главе определяются единицы анализа и интерпретации многозначности высказывания при контрадиктно-синергетическом подходе; выявляются функторные свойства многозначного высказывания.

В третьей главе "Интерпретация и типологизация функционирования многозначных высказываний в коммуникативно-прагматическом аспекте" определяется прагматическая функция многозначных высказываний, описываются средства создания многозначности высказывания. В соответствии с задачами диссертации анализируется и систематизируется фактический материал, и на основе проведенного анализа разрабатывается типология многозначных высказываний.

Каждая глава содержит краткие выводы.

В Заключении в обобщенной форме излагаются результаты исследования.

ГЛАВА 1.**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПОЛИСЕМАНТОВ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ****1.1. ПОЛИСЕМИЯ КАК УНИВЕРСАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ**

Естественный язык представляет собой многоуровневую знаковую систему, отличительной чертой которой является асимметрия языкового знака, проявляющаяся в отсутствии полного соответствия между означающим и означаемым, между планом содержания и планом выражения.

Согласно открытому С.Карцевским закону асимметричного дуализма языкового знака "обозначающее (звучание) и обозначаемое (функция) постоянно скользят по "наклонной плоскости реальности". Каждое "выходит" из рамок, назначенных для него партнером: обозначающее стремится обладать иными функциями, нежели его собственная; обозначаемое стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак. Они асимметричны, будучи парными, они оказываются в состоянии неустойчивого равновесия" (Карцевский 1965, с.90). Стремление обозначаемого "выйти из своих рамок" ведет к возникновению синонимии, аналогичное же стремление означающего порождает полисемию. Следовательно, каждый знак одновременно синонимичен и многозначен. Один знак (одна единица выражения) может соответствовать нескольким элементам содержания, и, наоборот, один элемент содержания может быть выражен разными знаками. Несмотря на единство означаемого и означающего как двух сторон языкового знака, между ними нет прямолинейного однозначного соотношения.

В силу универсальности данного языкового закона очевидным становится и утверждение об универсальности полисемии. Как справедливо отмечал С.Ульманн, "полисемия есть, по всей вероятности, семантическая универсалия, глубоко коренящаяся в фундаментальной структуре языка. Иное положение трудно себе представить: это означало бы, что мы должны держать в мозгу

чудовищный запас слов с отдельными названиями для любого явления, о котором нам понадобится говорить" (Ульманн 1970, с.267).

Близкую к С.Ульману точку зрения высказывает М.И.Задорожный. Он подчеркивает, что полисемия с общесемиотической точки зрения есть "не что иное как проявление принципа экономии в языке, результат классифицирующей и обобщающей деятельности человеческого мышления". "Действительность, - отмечает ученый, - безгранична, возможности же памяти ограничены. И если бы в кодовом устройстве языка каждому явлению действительности соответствовала отдельная инвентарная единица, он превратился бы в бесконечный и бессистемный набор этикеток, удержать который ни одно естественное запоминающее устройство было бы не в состоянии. Именно ограниченность объема человеческой памяти и классифицирующая деятельность человеческого сознания и обуславливают полифункциональность языкового знака, то есть закреплённость не за одним каким-то явлением действительности, а за классами и классами классов явлений" (Задорожный 1971, с.9-10).

Мысль о полисемии как необходимом средстве экономии в языке характерна также и для Г.Гревендорфа (Grewendorf 1995). Он обращает внимание на то, что, располагая рядом омонимичных и полисемичных средств, одна и та же языковая форма в разных обстоятельствах может выражать несколько смыслов одновременно.

Объясняя природу полисемии, В.Г.Гак указывает, что знание ситуации позволяет прибегать к более экономным способам обозначения ее элементов. Он пишет, в частности: "экономия выражается в опущении некоторых компонентов либо формальной, либо семантической структуры наименования. В обоих случаях экономии происходит перенос наименования: слово употребляется не по своему собственному значению, но вместо иного, более полного обозначения, приобретая при этом контекстуальную многозначность" (Гак 1977, с.144).

В лингвистической литературе асимметрия плана выражения и плана содержания обозначается терминами полисемия, многозначность, омонимия, амбигуэнтность. Указанные термины применяются для описания многозначности на разных уровнях языковой системы.

Некоторые исследователи пытаются содержательно разграничить и противопоставить понятия "полисемия" и "многозначность" (Ковалик 1978). В этом случае многозначность слова рассматривается как атрибут системы языка, а полисемантичесность - как свойство слова (словоформы) при его функционировании в речи. В большинстве работ термины "полисемия" и "многозначность" употребляются как полные синонимы (Ольшанский, Скиба 1987; Реформатский 2000; Степанов 1975; Schippan 1984).

В данной работе термины "полисемия" и "многозначность" не разграничиваются.

В зарубежной лингвистической литературе для обозначения асимметрии плана содержания и плана выражения наиболее часто употребляется термин амбигуэнтность (двузначность). Г.Буссманн, Д.Фосс, Д.Хейкс, Д.Горфайн, К.Занг определяют амбигуэнтность как свойство выражений естественного языка, которым присущи несколько интерпретаций, как на лексическом, так и на синтаксическом уровнях (Bußmann 1990, p.75; Foss, Hakes 1978; Gorfein 1989; Zhang 1998, p.17). Они указывают, что в зависимости от того, основывается ли амбигуэнтность на употреблении лексем или синтаксических структур, различают лексическую амбигуэнтность (lexical ambiguity) и синтаксическую или структурную амбигуэнтность (structure ambiguity).

На наш взгляд, основным различием между понятиями амбигуэнтность и полисемия является лишь количество предполагаемых осмыслений одной и той же языковой единицы. Исследуя полисемию в рамках теории предложения, мы отдаем предпочтение термину полисемия, ибо он раскрывает суть явления асимметрии формы и содержания и не ограничивает число возможных интерпретаций.

Существует несколько подходов к проблеме асимметрии формы и содержания. Мы выделяем следующие подходы: деятельностный (А.А.Леонтьев, А.Н.Леонтьев, А.М.Шахнарович), коммуникативно-прагматический, или коммуникативно-функциональный (Г.В.Колшанский, Ю.М.Малинович, И.Г.Ольшанский, В.П.Скиба, Е.С.Сотникова, А.И.Стернин и др.), когнитивно-лингвистический (Н.Н.Болдырев, А.Вежбицкая, Т.Виноград, Е.С.Кубрякова и др.) и контрадиктно-синергетический (Н.Л.Мышкина).

Сторонники деятельностного подхода предлагают рассматривать знак (его материальную сторону) как превращенную форму тех отношений, в которые вступает человек в ходе воздействия на предметы и обстоятельства реальной действительности и которые отображаются в значении, т.е. значение зависит не только от самого предмета, но и в большей степени от той деятельности, которая была направлена на предмет.

А.Н.Леонтьев рассматривает значение как "предметное содержание, освобожденное от своей вещественности и обретшее новую форму бытия - идеальную. Образы сознания, сознательные образы предметов - это означенные образы, наделенные значением. В них "освобожденное от вещественности" предметное содержание существует в чувственной ткани образа, слито с ней" (Леонтьев 1975, с.189).

Согласно точке зрения А.А.Леонтьева, значение как психологический феномен "есть не вещь, но процесс" (Леонтьев 1971, с.8). Отмечая динамический характер функционирования значений, зависимость их от ситуативных, контекстных и иных факторов речи, Леонтьев связывает это явление с процессом психофизиологического порождения речевого высказывания. Предполагается, что в процессе осуществления речевой деятельности значение выступает своей динамической стороной, на уровне контроля за ее протеканием - статичной; психологическая структура значения определяется системой соотнесенности и противопоставления слов в процессе их употребления в деятельности (там же, с. 11).

Коммуникативно-прагматический подход к анализу языка свидетельствует о том, что в процессе коммуникации соотношение языковой формы и содержания определяется не как 1:1 (одна форма - один смысл), а как одна форма - несколько смыслов, и, наоборот, один смысл - несколько языковых форм репрезентации, а сам смысл отправителя информации может быть неоднозначно понят получателем информации (Малинович 1998, Сотникова 1999). В рамках данного подхода анализ языковых единиц проводится в условиях конкретных коммуникативных актов, а отправным звеном анализа языка рассматривается высказывание (текст) (Стернин 1985, с.6). По мнению Г.В.Колшанского, "высказывание и есть та реальная единица, которая совмещает в себе диалектику единичного и абстрактного, другими словами, имеет такую структуру, где форма и смысл (в их конкретном наполнении) определяются не только типом предикации, но и всей совокупностью коммуникативных (контекстных) условий" (Колшанский 1984, с.60).

Когнитивно-лингвистический подход основывается на исследованиях лингвистов, занимающихся изучением семантической репрезентации содержания высказывания. По мнению Е.С.Кубряковой, "когнитивный взгляд на природу естественного языка заставляет признать не только сам факт ментальной репрезентации мира в сознании человека, но и факт упорядоченности этой репрезентации, наличия в ней организующих принципов в представлении знаний и их существования в форме концептов, содержательных единиц сознания" (Кубрякова 1997, с.164-165).

В рамках контрадиктно-синергетического подхода проблема полисемии языковых единиц решается на основе функторного анализа и анализа симметрии-асимметрии. При этом подходе основное внимание уделяется многозначным текстовым единицам - функторам, которые сохраняют в тексте свою многозначность и в силу этого "иррадиируют в разные планы и измерения текстового пространства проекции-излучения множества смыслообразов, выступая точками ветвления смысла" (Мышкина 1998, с.133).

Рассмотренные выше подходы к языковой семантике имеют как общие, так и различающиеся черты. Общими для большинства из них являются следующие моменты: динамическая трактовка значения как процесса, как деятельности и повышенный интерес к мыслительным процессам, лежащим в основе процесса, признание особой роли субъекта коммуникации; центральное положение высказывания, текста, речевого функционирования языковых единиц и стремление к их всестороннему анализу. В то же время для каждого подхода характерна своя доминанта: психолингвистическое исследование процесса коммуникации, абстрактный уровень анализа когнитивных процессов и способы представления языкового и "реального" знаний, изучение реального функционирования языка в различных условиях коммуникации. Преимущество контрадиктно-синергетического подхода состоит в том, что он направлен не просто на констатацию реализаций нескольких значений языковой единицы в высказывании, а на выявление веера возможных путей развития смысла вследствие актуализации нескольких значений в точках ветвления смысла.

Из всего вышесказанного следует, что полисемия языковых единиц - это лингвистическая универсалия, основанная на отражательной и обобщающей способности мышления и языка, на асимметрии двух сторон языкового знака. Изучение полисемии проводится на двух уровнях - языка и речи. В зависимости от заданных целей полисемия может рассматриваться в рамках деятельностного, коммуникативно-прагматического, когнитивно-лингвистического, контрадиктно-синергетического подходов. Предпочтительность контрадиктно-синергетического подхода для решения задач данного исследования обусловлена тем, что он предполагает системный учет различных факторов, определяющих особенности функционирования полисемантических единиц в высказывании и обуславливающих многозначность самого высказывания в целом, а также позволяет исследовать процессы приращения смысла.

1.2. ПРОБЛЕМА ВЫДЕЛЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ПОЛИСЕМИИ

Изучение полисемии, как правило, связано с многозначностью слова. Так, А.А.Реформатский считает, что вопрос о полисемии - "это прежде всего вопрос номинации, т.е. перемены вещей при тождестве слова" (Реформатский 2000, с.81). Если под номинацией понимать, вслед за В.Г.Гаком, "обозначение всего отражаемого и познаваемого человеческим сознанием, всего сущего или мыслимого: предметов, лиц, действий, качеств, отношений и событий" (Гак 1977а, с.234), то в данном случае, на наш взгляд, полисемия - категория, в которой получают языковое обозначение не только какие-либо элементы внешнего по отношению к человеку мира, но и модально-эмоциональные явления.

Подчеркнем, что полисемия представляет собой и онтологическое, и функциональное свойство языка. Исследуя языковое соотношение формы и содержания, Ю.С.Степанов указывает, что "естественное функционирование языка приводит к сдвигам такого простого соотношения "один к одному" (одно слово с одним значением) и порождает иное соотношение - "один к более к чем одному", одно фонетическое слово в отношении ко многим предметам и значениям, т.е.полисемию слова" (Степанов 1975, с.20).

Из этого следует, что одна и та же звуковая оболочка, один и тот же комплекс звуков может служить для обозначения разных предметов и выражения разных понятий без разрушения тождества слова.

Отношение к полисемии различно в зависимости от того, рассматривается ли она в системе языка или речи.

По мнению И.К.Архипова, на уровне системы языка содержание материальной формы многозначного слова выступает в виде первого, номинативно непроеизводного значения либо семантического инварианта. На уровне актуальной речи отношение к полисемии, т.е. ее осмысление может быть неоднозначным. Так, называя человека "змеей" или сидящих за столом людей (Стол развеселился), или подаваемую еду (Стол у них роскошный)

словом "стол", коммуникант, очевидно, не может не замечать весьма значительных различий в содержании исходных и производных значений, т.е. образования "новых" значений (Архипов 2000, с.22).

А.Л.Новиков, занимаясь вопросом контекстуальной семантики слова, развивающейся по закону асимметрии лингвистического знака, изучает сферу вторичных семантических функций единиц, а также особых "применений" слов в контексте; он указывает, что "контекстуальные значения (актуальные смыслы) могут выходить за пределы языковой мотивированности в пределах лексической системы языка и могут восприниматься как своеобразные алогизмы" (Новиков 2000, с.71). Ученым приводится следующий пример: "Генерал Г.К.Жуков остановил фашистские войска под Москвой", где понятие "генерал", обладая не только реальной, но и потенциальной внутренней формой, имплицативно подчиняет себе понятие "войска, армия". Эта скрытая, заложенная в денотативной природе знака его потенциальная внутренняя форма становится основой контекстуального значения: генерал - "армия" и, по нашему мнению, содержит идеологический компонент: роль личности в истории.

Проблема описания полисемии всегда затрагивает проблему описания омонимии. Традиционным для языкознания является вопрос о разграничении полисемии и омонимии. Однако прежде чем попытаться решить его, необходимо определить сущность самого понятия омонимии. Омонимией обычно называют совпадение разных по значению слов, абсолютно тождественных в звуковом, орфографическом и грамматическом оформлении, но семантически не связанных друг с другом (см.: Апресян 1974, с.183; Ахманова 1957, с.104; Виноградов 1960, с.7, 17; Задорожный 1971, с.10; Маслов 1975, с.130; Плотников 1984, с.97; Тышлер 1988, с.35; Шмелев 1977, с.77).

Наиболее лаконичным представляется нам определение омонимов, данное Ш.Балли: "Омонимами называются два знака, имеющие тождественные означающие и различные означаемые" (Балли 1955, с.189).

Ю.С.Степанов выделяет два вида омонимии - омонимию по сигнификату и омонимию по денотату. "Омонимия по сигнификату является пределом, к которому стремится слово, в то время как его сигнификат развивается от ближайшего значения к дальнейшему. Омонимия по сигнификату характеризует отношение между словом общего языка и специальным термином. Омонимия по денотату возникает на основе метафорического переноса наименования с одного предмета на другой" (Степанов 1975, с.28).

Л.В.Малаховский определяет омонимы как "слова одного и того же языка в один и тот же период его существования, тождественные друг другу хотя бы в одном из компонентов плана выражения, т.е. совпадающие по звучанию и/или по написанию во всех или некоторых грамматических формах (и во всех или некоторых фонетических и графических вариантах) и при этом различающиеся хотя бы по одному из компонентов плана содержания - лексической и/или грамматической семантике. Под различием лексической семантики понимается отсутствие деривационной связи между означаемыми, т.е. такое положение, при котором ни одно из значений одного слова не находится в отношениях семантической производности ни с одним из значений другого, а под различием грамматической семантики - различие общелексемных грамматических признаков (применительно к современному английскому языку - различие значений части речи)" (Малаховский 1990, с.56).

Следовательно, согласно приведенному выше определению, одно лишь различие частеречных сем, даже при условии сохранения семантической производности между означаемыми, неминуемо ведет к признанию наличия омонимических отношений. Отметим, что сходные мысли о влиянии частеречных различий на развитие омонимии высказывают и многие другие ученые. Так, результатом конверсии или так называемого "перехода частей речи", сопровождающихся изменением частеречной принадлежности, как правило, признается создание омонимов (Jespersen 1946; Аракин 1958; Калечиц 1977; Марков 1981; Назаренко 1987; Кубрякова, Кизюкевич 1988). Думается,

однако, что в тех случаях, когда при конверсии сохраняется семантическая производность, говорить об омонимии едва ли правомерно.

Проблема соотношения полисемии и омонимии неразрывна связана с проблемой тождества слова. Здесь мы полностью согласны с Д.Н.Шмелевым, что основой тождества слова является его материальная закреплённость, его "звуковая оболочка" (Шмелев 1977, с.73-74). Когда же вопреки материальному тождеству "мы утверждаем, что перед нами разные слова, мы и должны обосновать именно это утверждение" (Шмелев 1973, с.96; Шмелев 1977, с.88). "У нас нет никаких оснований, - отмечает Д.Н.Шмелев, - заранее считать каждую номинативную функцию одной и той же единицы значением различных слов. Наоборот, нам нужно доказать, что такие-то значения, несмотря на то, что они выражаются той же материальной единицей, принадлежат не одному слову, а разным словам, т.е. омонимам" (Шмелев 1973, с.75; Шмелев 1977, с.88). "... в случае материальной тождественности мы исходим из презумпции тождественности слова, как такового. Если воспользоваться аналогией, ... можно пояснить это так: встретив знакомого в новой ситуации, мы, разумеется, прежде всего исходим из того, что это "то же" лицо, не предполагая сразу же, что имеем дело с близнецами или случайным сходством" (Шмелев 1977, с.89).

Действительно, ввиду присущего словесному знаку "асимметричного дуализма" логично предположить, что встретившиеся нам значения, обладающие одной и той же звуковой или графической формой, являются значениями многозначного слова. И только если проведенный впоследствии анализ покажет отсутствие какой-либо семантической связи между ними, слова могут быть признаны омонимами.

Таким образом, омонимы представляют собой самостоятельные слова, не связанные между собой семантической связью, характерной для разных значений полисемантического слова. Сходство между полисемией и омонимией заключается в том, что в обоих случаях одна и та же внешняя языковая форма связана с разными значениями, однако, при полисемии эти значения

семантически связаны друг с другом, при омонимии, явлении более редком, чем полисемия, у этих значений в синхроническом состоянии языка очевидная семантическая связь отсутствует, т.е. значения при омонимии отражают в себе те реалии, которые не имеют между собой устойчивых связей.

В вопросе о полисемии и омонимии с давних пор наметились две противоположные точки зрения. Согласно одной из них, омонимами признаются лишь такие одинаково звучащие слова, которые первоначально при своем возникновении различались по форме и только вследствие различных морфологических или фонетических процессов, а иногда и под воздействием случайных причин совпали друг с другом в процессе исторического развития в едином звучании, т.е. вследствие конвергентного развития звуковой формы слов. Это так называемые традиционные (этимологические, гетерогенные) омонимы. Все остальные случаи омонимии представителями данного направления (В.И.Абаев, Т.В.Зайцева, В.Н.Сидоров) признаются явлениями полисемии. Другие исследователи (О.С.Ахманова, В.Д.Аракин, Л.В.Булаховский, В.В.Виноградов, К.А.Левковская), наряду с этимологическими, признают существование и семантических омонимов (исторических, гомогенных), т.е. слов, возникающих вследствие дивергентного развития - распада полисемантического слова, в результате которого различные значения одного и того же слова расходятся настолько, что в современном языке воспринимаются уже как разные слова.

Однако в ряде случаев возникают трудности точного разграничения многозначности и омонимии даже при условии признания двух типов омонимии, так как материал, с которым приходится сталкиваться исследователю, может оказаться разнообразным и очень сложным.

Лексикографическая практика также свидетельствует о том, что разграничение слов-омонимов и полисемантических слов вызывает немало затруднений. Так, одни и те же слова в разных словарях могут рассматриваться то как многозначные, то как омонимичные. Это свидетельствует о сложности разграничения данных явлений.

Лингвисты предлагают различные способы, направленные на отграничение полисемии от омонимии. В принципе все методы разграничения полисемии от омонимии можно свести к двум основным: первые ориентируются на семантические, вторые - на формальные признаки слова.

К методам первой группы относится прежде всего субституция. Первый вариант субституционной процедуры - это подстановка синонимов к каждому члену омонимической пары или группы, а затем сравнение подобранных синонимов между собой. Если значения последних явно не совпадают, то слова толкуются как омонимы (см.: Ullmann 1951, p.48; Ullmann 1959, p.118-119; Новиков 1960, с.10-14; Lyons 1981, p. 147; Никитин 1983, с.35; Кузьменко 1987, с.143 и др.).

Второй вариант субституционной процедуры отличается от первого тем, что в качестве субститутов используются антонимы: наличие разных антонимов свидетельствует об омонимии (Балли 1961, с.66-67).

К методам второй группы относятся процедуры, связанные со словообразовательными связями и дистрибутивными свойствами анализируемых слов (Арсеньева, Строева, Хазанович 1966).

Положение о различных словообразовательных рядах у омонимов получило большое распространение в лингвистике, хотя известно, что и многозначное слово может создавать различные словообразовательные цепочки по отдельным своим значениям, что "особые словообразовательные ряды, связанные различными значениями слов, характеризуют не только омонимию, но и многозначность..." (Шмелев 1977, с.130).

Что касается дистрибутивного метода исследования "семантических омонимов", то некоторые исследователи, в частности Ю.Д.Апресян, считают его наиболее продуктивным: две лексические единицы считаются разными словами, если имеют разное значение и вступают в различные лексические сочетания и синтаксические построения (Апресян 1962).

Однако, как указывает Д.Н.Шмелев, словообразовательный показатель, как и синтаксический (различная сочетаемость) "нельзя признать решающим,

поскольку расхождение словообразовательных рядов не непременно связано с разрывом соответствующих значений, а реализация разных значений слова в различных синтаксических конструкциях также не всегда связана с их семантическим разрывом..." (Шмелев 1977, с.80). Поэтому для признания омонимии мы не считаем достаточными ни словообразовательные, ни синтаксические показатели. Основными признаками при отграничении омонимии от полисемии должны быть семантические.

Итак, полисемия - это онтологическое и функциональное свойство языковых единиц. Главным признаком полисемии в плане содержания является наличие семантической производности значений. Основным признаком омонимии выступает отсутствие подобной производности значений.

1.3. КАТЕГОРЕМАТИЧЕСКАЯ ПОЛИСЕМИЯ

1.3.1. СООТНОШЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Вопрос о соотношении важнейших лингвистических понятий "высказывание" и "предложение" актуален в современном синтаксисе. В зависимости от того, как решается этот вопрос, можно выделить две точки зрения.

Сторонники первой точки зрения противопоставляют предложение и высказывание, т.е. "высказывание не тождественно с предложением" (Хэррис 1965, с.217). Они считают, что предложение и высказывание должны составить объекты разных наук - соответственно синтаксиса предложения и теории высказывания. По их мнению, задача теории высказывания состоит в изучении супрасинтаксических средств, актуального членения, средств выражений эмоций и экспрессии, проблем письменной и устной речи. А в задачу синтаксиса входит изучение предложения как обобщенной схемы предложения (В.Матезиус, Ф.Данеш, М.Грепл, К.Хаусенблас и др.).

Представители второй точки зрения придерживаются мнения, что "предложение" и "высказывание" являются в сути своей одним объектом, но

рассматриваются с разных сторон, в разных аспектах (структурном и коммуникативном). Аргументируя такой подход, В.Г.Гак пишет, что: "... с методологической точки зрения различие высказывания и предложения вполне оправдано, так как не только частные понятия науки, но и сами научные дисциплины могут различаться не только объектом исследования, но и аспектом, в котором исследуется один и тот же объект" (Гак 1972, с.352).

На наш взгляд, разграничение высказывания и предложения может быть сопоставлено с противопоставлением, которое проводит В.А.Звегинцев между предложениями и псевдопредложениями. Ученый считает, что предложение есть минимальная и вместе с тем основная единица речевого общения. Оно ситуативно и обладает смыслом. Псевдопредложение относится к языку и носит лишь внешние признаки предложения. Оно не привязано к какой-либо конкретной ситуации и имеет псевдосмысл (Звегинцев 1976, с.172, 185). Таким образом, псевдопредложение является структурной схемой предложения, а предложение - ее речевой реализацией. Противопоставление описываемых единиц проходит в таком случае по линии абстрактности - конкретности. Предложение является некоей абстрактной схемой, по которой строится высказывание как коммуникативная единица. Высказывание же представляет собой конкретную реализацию данной схемы в речи.

Однако не все ученые считают необходимым разграничивать предложение и высказывание. Так, например, согласно В.Г.Адмони предложение - это единица реального подлинно языкового высказывания. "Предложение само по себе является человеческим речевым высказыванием как таковым, а именно высказыванием элементарным" (Адмони 1994, с.44).

По мнению Ю.С.Степанова, "высказывание можно определить как то, что в звучащей речи заключено между паузами достаточной длины, а в речи письменной - между точками. Чаще всего высказывание - это предложение" (Степанов 2001, с.7).

Ч.Фриз также говорит о предложении-высказывании, указывая на то, что предложение есть "единое свободное высказывание, минимальное или

распространенное, которое является "свободным" в том смысле, что оно не включается ни в какую большую структуру посредством каких-либо грамматических средств" (Fries 1952, p.25). В сущности это определение варьирует определение Л.Блумфилда: "каждое предложение есть независимая лингвистическая форма, не включаемая посредством какой-либо грамматической конструкции в никакую большую лингвистическую форму" (Bloomfield 1933, p.170).

Определяя высказывание как наименьший и законченный в семантическом отношении отрезок текста, выделенный интонационно в качестве отдельной единицы, которое может совпадать с предложением, а в реальном тексте может быть "меньше" предложения, Н.А.Слюсарева указывает, что в своем "классическом" виде высказывание представляет предложение, является его второй неотъемлемой стороной, направленной в речь, тогда как предложение является той высшей единицей, с которой начинается, по выражению В.А.Звегинцева, "анатомия языка" (Слюсарева 1981, с.67).

Аналогичной точки зрения придерживается и Л.А.Черняховская, определяя высказывание как предложение, включенное в речевую ситуацию. В высказывании, по мнению ученого, осуществляется коммуникативное задание, т.е. имеется смысловой, или логический, центр. "Коммуникативное задание, помимо совокупности лексических и грамматических значений, выражается семантическими отношениями смысловых групп, образующих ткань содержания и оформленных грамматическими членами предложения" (Черняховская 1976, с.39). Это указывает на то, что слова, составляющие предложение, вне коммуникативной ситуации обладают объективным содержанием, образующим их смысловую структуру, или смысловой объем. В ситуации же смысловой объем слова (а, следовательно, и предложения) уточняется, изменяется и по-разному воспринимается. Под ситуацией мы понимаем совокупность элементов, присутствующих в сознании говорящего в объективной действительности, в момент говорения и обуславливающих в

определенной мере отбор языковых элементов при формировании самого предложения-высказывания.

Ю.А.Левицкий также указывает, что предложение обладает семантической двойственностью, которая заключается в том, что "грамматическая (внутренняя) семантика отдельных членов предложения не соответствует их роли в сообщении, коммуникации. При употреблении предложения, включении его в контекст (ситуацию) оно претерпевает определенные формальные и семантические изменения" (Левицкий 1995, с.137).

Из всего вышесказанного вытекает, что высказывание - это осуществление предложения в речи, а предложение, рассматриваемое со стороны его коммуникативной функции, - это высказывание. Другими словами, речь состоит из высказываний, которые оформляются в структурных схемах предложения. Предложение в коммуникативном аспекте отражает коммуникативное задание, возникающее в процессе речи. Будучи не просто структурной, а и коммуникативной единицей, предложение в процессе речевой коммуникации приобретает свойства, которые лишь потенциально заложены в предложении и реализуются при актуализации предложения в речи. Например: *It's cold here*. Такое предложение в акте речи может быть просто констатацией факта, но может быть и побуждением к действию, эквивалентным по производимому рече-коммуникативному эффекту предложению *Let's go to another place*.

Смысловое соотношение между членами предложения отражается в словопорядке и интонации. Высказывание не существует без интонации и конкретной цели сообщения, которые соответствуют определенной задаче коммуникации. На это указывает, в частности, И.Г.Торсуева: "высказывание - отрезок речи, имеющий коммуникативную направленность, смысловую целостность, являющийся реализацией языковой системы" (Торсуева 1979, с.5). Подчеркнем также и то, что, как свидетельствуют многочисленные наблюдения ученых (И.П.Иванова, В.В.Бурлакова, Г.Г.Почепцов, К.А.Долинин и др.) и

наши собственные наблюдения, реализованное предложение, т.е. высказывание, богаче по своим характеристикам, чем предложение, взятое в отвлечении от условий реализации. Так, например, предложение *Никогда больше не делайте этого* в речевом акте может быть приказом, просьбой, советом и т.д.

Совокупность всех отмеченных свойств характеризует предложение как единицу языка и речи. Поэтому под предложением понимается такое высказывание, которое образовано "по специально предназначенной для этого структурной схеме, обладает грамматическим значением предикативности и своей собственной семантикой, имеет коммуникативную задачу, в выражении которой принимает участие интонация" (Русская грамматика 1980, с.124).

Каждое предложение имеет грамматическое значение и средства его выражения. Под грамматической формой предложения понимается единство указанных двух его сторон. Содержанием же предложения является высказывание о действительности. В.Н.Ярцева, исследуя структуру предложения, приходит к заключению, что "план содержания предложения может иметь различную глубину, как бы состоять из двух ярусов. На одном ярусе располагается содержание грамматических единиц, а за ним, на втором плане, находится содержание коммуникативного задания" (Ярцева 1969, с.164-165). Из этого следует, что предложение в процессе коммуникации обнаруживает свой асимметричный характер, который проявляется в несовпадении содержания грамматических единиц с содержанием их коммуникативного задания.

По мнению Н.В.Демьяновой, предложение можно охарактеризовать как единство конкретного содержания и абстрактной грамматической формы. Если форма предложения и форма передаваемого ею высказывания совпадают, то перед нами симметрия описываемых конструкций. Но структура предложения может осложняться и заключать в себе несколько высказываний. В таком случае мы имеем дело с асимметрией формы предложения и содержания высказывания (Демьянова 1990, с.4).

Из сказанного вытекает, что предложение является основой для создания высказывания; высказывание репрезентирует определенный внешний элемент - отрезок ситуации или саму ситуацию; высказывание является динамической структурой с конкретным лексическим наполнением и коммуникативным заданием, реализующей свое назначение (цель) в определенных коммуникативных условиях. Единство содержания и формы не исключает их асимметрию, которая может проявляться при несовпадении прагматики и семантики высказывания.

1.3.2. СИНТАКСИЧЕСКАЯ ПОЛИСЕМИЯ

Синтаксическую полисемию рассматривают обычно на уровне отдельно взятого многозначного предложения.

На возможность двоякого понимания предложения указывал еще М.В.Ломоносов, который установил, что содержание предложения может изменяться в зависимости от того, как будет понято находящееся в нем многозначное слово. Учитывая эту особенность, он рекомендовал остерегаться омонимов в речи: "Должно блюстись, чтоб двузнаменательных речений не положить в сомнительном разумении, например, *он* *Виргилия* *почитает*, что может разуметь двояким образом: 1) он Виргилия станет несколько читать; 2) он Виргилия чтит" (Ломоносов 1952, с.243).

Если М.В.Ломоносов указывает на зависимость понимания смысла предложения от слова-омонима, то несколько лет спустя профессор И.И.Давыдов уже обращает внимание на способность предложения иметь два значения в зависимости от того, какое место занимает слово в структуре предложения. Он приводит пример омонимичного предложения *Для чего всяк других несчастливее себя почитает?*, сопровождая его вопросом: "Кто догадается кого почитает? Себя ли несчастливее других, или других несчастливее себя?" (Давыдов 1816, с.123).

Об отсутствии симметрии между формой и содержанием на уровне синтаксиса говорится во многих лингвистических работах авторов,

занимающихся проблемой многозначности языковых единиц (Ю.Д.Апресян, Н.П.Колесников, Б.С.Мучник, У.Чейф, А.Г.Щепин и др.).

Вслед за И.А.Назаровой (Назарова 1972) в данной работе под термином "синтаксическая полисемия" понимается как синтаксическая омонимия, так и синтаксическая многозначность, здесь не разграничиваемые.

Наиболее общим можно считать определение, данное А.Г.Щепиным, по мнению которого многозначными являются те синтаксические единицы, которые имеют разные значения, но совпадают по внешней форме. Основным условием при этом является различие по внутренней синтаксической структуре совпадающих отрезков речи. Так, например, предложение *Я знал его еще ребенком* имеет две внутренние структуры, выявленные путем их сопоставления с другими структурами, имеющими сходные значения:

-*Я знал его еще тогда, когда сам был ребенком;*

-*Я знал его еще тогда, когда он был ребенком* (Щепин 1963, с.12-13).

Аналогичное определение многозначности синтаксической формы находим и у У.Чейфа, для которого многозначность означает то, что два или более высказываний различаются семантически, но не фонетически. Предложение *Peter is standing up* означает:

-*Питер стоит;*

-*Питер встает.*

И это, по мнению ученого, не просто неопределенность возможных толкований, а два совершенно различных значения (Чейф 1975, с.94).

Интересна точка зрения Ю.Д.Апресяна на проблему синтаксической многозначности. Он считает, что многозначность может быть как языковой, так и речевой. К языковой многозначности относятся явления, которые коренятся либо в грамматике языка (неоднозначность синтаксических конструкций), либо в его словаре (лексическая многозначность). Предложение *Разбиение такого типа* допускает два осмысления не из-за многозначности входящих в него слов, а из-за того, что ему можно приписать две разные синтаксические структуры - с

объективной и определительной связью между существительными (Апресян 1995, с.176).

Как частный случай такого типа двусмысленности Ю.Д.Апресян рассматривает предложения, в которых различия в осмыслении возникают только на сигнификативном уровне при сохранении единственности референта, например: *Я попал в карантин* может значить:

-*Я подвергся определенному действию;*

-*Я попал в определенное место* (Апресян 1974, с.153).

Под речевой многозначностью понимается возможность двоякого осмысления предложений в тексте под влиянием энциклопедических факторов. По мнению ученого, интересную разновидность речевой многозначности обнаруживают многие вопросительные предложения. Например, *Кто построил Кремль?*, *Что в этой шкатулке?* могут быть поняты двояко: задающий вопрос хочет получить информацию или хочет проверить осведомленность адресата (Апресян 1995, с.177). Таким образом, в создании многозначности синтаксических конструкций играют роль не только лексические и синтаксические факторы, но и коммуникативно-прагматические.

Между учеными, однако, нет единогласия в том, что следует считать синтаксической полисемией. Так, по Н.П.Колесникову, многозначность называется синтаксической, если она вызвана только и только синтаксическими средствами. Под синтаксическими средствами имеется в виду возможность разного деления предложения на синтагмы. Например, предложение *Девочка вошла в сарай с дровами* двузначно. Содержание предложения меняется в зависимости от того, в какую из соседних синтагм (левую или правую) включается член предложения *в сарай*:

-*Девочка, имея при себе дрова, вошла в сарай;*

-*Девочка вошла в сарай, где хранились дрова* (Колесников 1984, с.18-19).

Н.П.Колесников подчеркивает, что синтаксически омонимичные предложения не должны содержать лексические или морфологические омонимы.

Такое определение синтаксической многозначности само по себе уже выявляет неадекватность названных "факторов" в качестве классификационного основания для описания случаев многозначности предложения, так как факторы, вызывающие явление, здесь отождествляются с аспектами самого явления.

Б.С.Мучник, рассматривая синтаксическую омонимию с точки зрения стилистики, назвал многозначные или омонимичные предложения "предложениями с ошибочной смысловой связью". Отметим, что мы не можем принять данное определение, так как многозначность очень часто используется преднамеренно.

По мнению Б.С.Мучника, многозначные или омонимичные предложения содержат три структурных составляющих: "двуплановый компонент и те два компонента, с которыми двуплановый компонент грамматически может быть связан (по смыслу он должен быть связан только с одним из них)" (Мучник 1985, с.61). Далее он вводит следующие обозначения: X - двуплановый компонент, A - левый претендент, B - правый претендент. Взаимный порядок претендентов в любом предложении всегда сохраняется неизменным: A - левый, B - правый, а компонент X может в различных предложениях располагаться перед "претендентами на смысловую связь с ним" (XAB), между ними (AXB) или после них (ABX). Как отмечает Б.С.Мучник, "любое предложение с ошибочной смысловой связью можно отнести к одной из трех схем" (Мучник 1985, с.61) и иллюстрирует выдвинутые им теоретические положения следующими примерами (элемент X выделен жирным шрифтом, элементы A и B подчеркнуты):

1. XAB:

***Всю жизнь** (X) обучавшийся (A) в нашем техникуме М.Симаков работал (B) строителем.*

*Садовод района использует для расширения площади сада **исключительно** (X) посадочный материал (A) из местного питомника (B).*

2. AXB:

*Сенька укутал Дуняшу (А), посадил ее в сани и, **торопя** вожжами (Х), рысцою погнал лошадь (В).*

*После окончания работы (А), **что** очень приятно отметить (Х), многие рабочие идут (В) в вечерние школы.*

3. АВХ:

*Группа студентов пришла слушать факультативный курс лекций (А) по сварке (В) **доцента Юрьева** (Х).*

Николай Брилев в магазине "Детский мир" (А) залез в карман (В) к гражданину Чеснокову, где (Х) и был пойман (Мучник 1985, с.61-62).

Но Б.С.Мучником не отмечены случаи, когда предложения могут иметь и третьего "претендента", например:

*Приятная дама (А) лет тридцати (В) **с хвостиком** (Х) сидела (С) за этим столом, поглощенная телефонным разговором (Брукс 1997, с.38).*

К достоинствам этой концепции можно отнести то, что не важно, какой частью речи выражен "двуплановый компонент" и каким членом предложения он является, важны лишь грамматическая сочетаемость слов и их взаимное расположение в предложении. Однако, на наш взгляд, данная процедура анализа не позволяет вскрыть и обобщить факторы, ведущие к многозначности высказывания.

Ф.А.Дрейзин рассматривает синтаксическую омонимию с точки зрения омонимичных узлов, понимая под омонимичным узлом "слово или словосочетание в предложении, которое может зависеть от нескольких слов или словосочетаний" (Дрейзин 1966, с.10). Он приводит свою классификацию, в основе которой лежат разные "омонимичные узлы".

1. Омонимичный узел - предлог (он подчеркнут):

Статуи вытесывали прямо на склонах кратера с помощью грубо изготовленных рубил из твердого андезита.

2. Омонимичный узел - существительное в родительном падеже:

Для выработки в организме гормона железы...

Теория атома Бора...

Не могут поведать всей истории событий...

3. Омонимичный узел - вершина придаточного определительного.

Вывод о составе вещества, из которого сложены...

4. Омонимичный узел - причастие (вершина причастного оборота).

При поисках месторождений, залегающих на глубине...

5. Омонимичный узел - наречие.

Стараются жить по-европейски...

Показанные на рисунке справа...

6. Омонимичный узел - существительное в творительном падеже.

Заставляет при сварке плавлением увеличивать...

7. Омонимичный узел - омоним "местоимение существительное/местоимение прилагательное" (местоимения его, ее, их).

Возникающие в ходе индивидуального развития их соединения...

Окружающей его природы...

8. Омонимичный узел - причастие (не вершина причастного оборота)

...Укоренившегося в умах предрассудка о внутренних источниках духовного развития человека...

9. Омонимичный узел - омоним "существительное в именительном падеже/существительное в родительном падеже". Здесь рассматриваются две подгруппы:

а) омонимия вида "есть подлежащие/нет подлежащего":

Ответов на эти вопросы физики пока дать не могут.

б) омонимия вида "что подлежащие?":

На ... волне колебания радиотемпературы были...

10. Омонимичный узел - "как" (с зависимым существительным).

Знания общества как системы... (Дрейзин 1966, с.15-20).

В данном случае мы имеем дело с индуктивной эмпирической процедурой установления омонимичных узлов. Хотя такая процедура анализа многозначности достаточно трудоемка, она может быть использована как один из приемов анализа многозначного высказывания. К преимуществам концепции

Ф.А.Дрейзина можно отнести возможность частичной формализации анализа, так как в ней определены те средства, которые, если использовать нашу терминологию, способны быть функторами и, будучи функторами, вызвать "ветвление смысла".

Л.Н.Иорданская изучает проблему синтаксической омонимии с точки зрения валентности. Она приводит два типа случаев, когда для некоторого слова в анализируемом предложении возможны разные синтаксические толкования:

Тип А. Роль хозяина этого слова с точки зрения валентности могут выполнять два или более слова:

1. Формула, стоящая между двумя существительными:

*Для таблицы **n** элементов тогда не хватит.*

В данном случае под формулой Л.Н.Иорданская понимает любое сочетание букв латинского алфавита и цифр, которое не встречается в словаре (Иорданская 1967, с. 151).

2. Существительное в родительном падеже, перед которым имеется несколько существительных:

*Срезание фильтрами **осциллографа** верхних частот спектра...*

3. Существительное в родительном падеже типа "род", "вид", "сорт" и т.п.

*В описании такого **рода** таблицы...*

4. Местоимение "его"

5. Существительное в творительном падеже:

*Мы выполним попытку доказать это следующим **методом**.*

6. Прилагательное/причастие, перед которым имеется несколько зависимых существительных:

*...рассмотрение столбцов чисел, **помещенных**...*

7. Два прилагательных/причастия с зависимыми словами:

*Уравнение, **описывающее** поле, **позволяющее** найти величины...*

8. Прилагательное/причастие, после которого имеется несколько не согласованных с ним и не зависящих от него существительных:

*Коснемся **важного** для автора очерка подхода.*

9. Краткое прилагательное среднего рода единственного числа, которое способно быть именной частью сказуемого и стоит в следующей позиции (глагол-связка + указательное прилагательное/местоимение + другое краткое прилагательное среднего рода единственного числа + инфинитив):

Оказывается достаточно легко обозревать все варианты.

10. Позднее/позднее:

Позднее решение было принято.

На наш взгляд, это частный случай лексической омонимии.

11. Наречие, стоящее перед причастием и после глагола/деепричастия:

*Рассмотрев **предварительно** полученные нами решения...*

12. "Из" + существительное во множественном числе ("из" стоит после количественного слова или формулы):

*Возьмем **и из** таблиц В.*

13. Предложная группа, связываемая со своим хозяином обстоятельственной связью:

*Квадратные матрицы **в этой работе** не рассматриваются.*

14. Вводное слово между однородными членами:

*Пульс, давление, **по-видимому**, температура.*

15. Слово, которое стоит слева или справа от цепочки однородных и может зависеть от ближайшего к ней однородного.

Тип В. Отношение слова к хозяину однозначно, но не однозначен тип связи между ними:

Субъектно-объектная связь:

Посещение друга (Иорданская 1967, с.51).

Мы считаем, именно эти случаи, кроме случая "позднее/позднее", являются случаями синтаксической омонимии. Некоторые из них, например, предложная группа, вводное слово, перекликаются с "омонимичными узлами" Ф.А.Дрейзина, но появляются и некоторые новые случаи, например, формулы.

Итак, синтаксическая полисемия возникает на уровне предложения-высказывания вследствие многозначности его синтаксической структуры. Полисемантичность структурной организации обусловлена синтаксическими средствами языка: порядком слов, совпадением форм языковых единиц и синтаксической связью членов высказывания (валентностью), что вызывает ветвление смысла высказывания и предопределяет возможность его неоднозначной интерпретации.

1.3.3. КОНТЕКСТУАЛЬНАЯ ПОЛИСЕМИЯ

При рассмотрении многозначности высказывания нельзя обойти молчанием проблему влияния контекста на семантику высказывания.

Исследователи предложения едины в том, что предложения, как правило, синсемантичны, что, как отмечает, например, Е.В.Гулыга обуславливает условность понятия "автосемантия" относительно любого или почти любого отдельно взятого цельного предложения (Гулыга 1971, с.15).

Предложение характеризуется коммуникативной (или информационной) синсемантией, получая свое значение "сверху" - от текста (т.е. оно подобно в этом отношении слову, значение которого определяется через предложение или словосочетание (Звегинцев 1976, с.87-88).

М.М.Бахтин утверждает, что "единичное конкретное высказывание всегда дано в ценностно-смысловом культурном контексте - в научном, художественном, политическом и ином, - или в контексте единичной лично-жизненной ситуации; только в этих контекстах отдельное высказывание живо и осмысленно: оно истинно или ложно, красиво или безобразно, искренне или лукаво, откровенно, цинично, авторитетно и проч., - нейтральных высказываний нет и быть не может" (Бахтин 1994, с.294).

Критически оценивая теорию смысловой структуры предложения, разработанную У.Чейфом, С.Д. Кацнельсон верно замечает: "...предложение - это не автономные единицы, из последовательности которых складывается речь. Состав предложения определяется не только содержанием пропозиции, но

также структурой текста, частью которого является данное предложение" (Кацнельсон 1975, с.423).

Таким образом, произвольно изъятое из текста предложение сохраняет свою связь с целым не только в денотативно-референтном, но и вообще в коммуникативно-интенциональном плане. Поэтому, прежде чем перейти непосредственно к анализу факторов, от которых зависит смысл предложения, необходимо определить основные характеристики текста.

При изучении лингводинамики текстового пространства Н.Л.Мышкиной были выделены характеристики текста, которые ему присущи как энергетической системе синергетического типа. Согласно разработанной автором концепции энергожизни текста, в результате самодвижения текста появляется возможность различных трактовок воспринимаемого текста. Самодвижение текста обнаруживает себя в процессах функторизации и симметризации-асимметризации, которые в свою очередь вызваны многозначными единицами - функторными единицами, обуславливающими ветвление смысла. Функции функторов выполняют, как правило, отдельные лексические единицы, а под их воздействием в качестве функторных единиц часто выступают предложения-высказывания, в состав которых входят слова-функторы (Мышкина 1998). Процессы функторизации ведут к импликации текстового пространства, дополнительной информации, возникающей в самом тексте.

Из вышесказанного вытекает, что предложение-высказывание, обладая собственной энергией и энергией текста, является многомерной и многоплановой единицей, т.к. смысл его складывается не только из характеристик самого предложения-высказывания, но и текста, в котором оно находится.

Для разработки аспектов исследования многомерной содержательной структуры текста значительна концепция И.Р.Гальперина, определяющего информацию (содержание, смысл) основной категорией текста (Гальперин 1974). Исходя из прагматического назначения, он выделяет разные виды

информации: содержательно-фактуальную, содержательно-подтекстовую и содержательно-концептуальную.

Содержательно-фактуальная информация вербальна, эксплицитна. Она сообщает о фактах, событиях, процессах окружающего мира и реализуется средствами языка, которые употребляются в их прямых предметно-логических, словарных значениях, закрепленных за ними социально обусловленным опытом.

Содержательно-подтекстовая информация представляет собой второй план сообщения, скрытую информацию, поток дополнительных смыслов, которые в основном реализуются средствами вторичной номинации. Она существует с вербальным выражением, сопутствует ему.

Содержательно-концептуальная информация - идея, концепт, будучи имплицитной, выражает индивидуально-авторское понимание сущностных, очень сложных и скрытых основ человеческого бытия, закономерностей общения и выявляется в результате сопоставительного анализа содержательно-фактуальной, а на ее основе - содержательно-подтекстовой информации.

Следовательно, в тексте (высказывании) в плане содержания представлены эксплицитная (содержательно-фактуальная) и имплицитная (содержательно-подтекстовая и содержательно-концептуальная) информации.

Аналогичную трактовку имплицитности находим и у других ученых. Так, В.А.Кухаренко под имплицитностью понимает "дополнительное смысловое или эмоциональное содержание, реализуемое за счет нелинейных связей между единицами текста" (Кухаренко 1974, с.72).

Интересна точка зрения Л.А.Нефедовой, которая считает, что наличие имплицитного содержания в речи может быть обусловлено несколькими коммуникативно-прагматическими факторами: стремление экономно выразить мысль, нежелание автора нести ответственность за открыто произнесенное высказывание, несоответствие между планом выражения и планом содержания (Нефедова 2001, с.13).

Эта точка зрения перекликается, по нашему мнению, со взглядами Ц.Тодорова, согласно которому имплицитное содержание сопряжено с наличием в тексте каких-то "лакун" - пропусков, недоговоренностей, неясностей, противоречий, нарушений каких-то норм (Todorov 1978, p.26).

Е.И.Шендельс выделяет два типа имплицитности - в узком и широком понимании термина. Первый тип представлен грамматическими значениями. Они выявляются многообразными имплицитными способами: в валентных свойствах слов, т.е. в допустимости/недопустимости сочетаемости, в вещественных значениях слов, в дефектности парадигмы, в некоторых синтаксических структурах (Шендельс 1977, с.112).

Второй тип имплицитности охватывает круг вопросов, связанных с фоновыми знаниями (background knowledge) и симпрактическим окружением (sympraktisches Umfeld). Под симпрактическим окружением ученым понимается фактическая ситуация речевого общения, паралингвистические феномены (жесты, движения, мимика) и даже поступки, которые сопровождают акт речи. "Фоновые знания" плюс "симпрактическое окружение", по мнению И.Е.Шендельс, составляют пресуппозицию, лежащую в основе любого высказывания (Шендельс 1977, с.114).

Поскольку имплицитная информация реализуется в таких компонентах как пресуппозиция и подтекст, то при исследовании текста лингвисты не обходят вниманием эти понятия. При этом они отмечают, что пресуппозиция ведет в область логики и психологии и определяет понимание высказывания, охватывая разнообразные сферы человеческого знания и самосознания, а подтекст - в область литературоведения и связан с порождением и восприятием новой информации в процессе восприятия высказывания. Кроме того, есть указания и на взаимосвязь пресуппозиции и подтекста (В.Г.Адмони, Т.И.Сильман, Е.И.Шендельс и др.).

В специальной литературе не представлено однозначного толкования терминов "пресуппозиция" и "подтекст". Существует относительно широкий

спектр этих определений, которые включают как общие, так и более детальные трактовки.

Так, Т.И.Сильман определяет подтекст как не выраженное словами, подспудное, но ощутимое для читателя или слушателя значение высказывания в составе художественного произведения (Сильман 1969, с.84).

С.Р.Авраменко полагает, что подтекст - это имплицитно выраженное основное и дополнительное содержания высказывания. Способ его языковой организации называется импликацией (Авраменко 1996, с.95).

К.А.Долинин рассматривает подтекст, или имплицитное содержание высказывания, как то содержание, которое прямо не воплощено в узуальных лексических и грамматических значениях языковых единиц, составляющих высказывание, но извлекается из последнего при его восприятии. По мнению ученого, подтекст не обязательно является смыслом высказывания, но без подтекста смысла нет (Долинин 1983, с.37, 46).

Рассматривая подтекст как полидетерминированное явление, Л.А.Голякова полагает, что подтекст - это "скрытый личностный смысл, который актуализируется в сознании воспринимающего текст благодаря направленному ассоциативному процессу воздействия лингвистического контекста на целостный потенциал личности", таким образом, определяя язык как средство передачи скрытых личностных смыслов (Голякова 1999, с.74).

Определяя границы пресуппозиции, В.А.Звегинцев в предложении *Закройте дверь!* выделяет четыре пресуппозиции:

- 1) *говорящий и слушающий находятся в таких отношениях, которые разрешают одному обратиться с такой просьбой к другому;*
- 2) *адресат в состоянии выполнить эту просьбу;*
- 3) *имеется определенная дверь, о которой знает адресат;*
- 4) *дверь открыта* (Звегинцев 1976, с.189).

О пресуппозиции говорит и И.Беллерт, указывая, что не все то, что, произносится, может быть отражено собственно в высказывании (Bellert 1972,

р.13). Он приводит пример аналогичный примеру В.А.Звегинцева: *Open the window!* может подразумевать:

1) *The speaker wants the window to be open*

Говорящий хочет, чтобы окно открыли;

2) *The speaker wants the addressee himself to open the window*

Говорящий хочет, чтобы тот, к кому он обращается, сам открыл окно;

3) *The speaker believes that the window is closed*

Говорящий считает, что окно закрыто (Bellert 1972, p.83).

Таким образом, в одном предложении в имплицитном виде может быть представлен большой объем информации, присутствующий в сознании говорящего. Пресуппозиция может охватывать и конкретную обстановку речевого акта, и характеристику партнеров, и фоновые знания и многое другое. От степени совпадения или несовпадения пресуппозиций у говорящего и слушающего зависит понимание высказывания.

Рассматривая проблему соотношения пресуппозиции и подтекста, Е.И.Шендельс указывает, что подтекст возникает на основе пресуппозиций и раскрывает этот тезис на примере анализа романа Т.Манна "Будденброки".

Героиня романа Тони знакомится с юношей Мортеном. Они совершают ежедневно прогулки вдоль моря, а когда Тони присоединяется к другой компании, Мортен ждет ее, сидя на камнях. *Я посижу на камнях* говорит в таких случаях Мортен, и эта фраза приобретает переносное значение *грустить в одиночестве*, понятное только обоим молодым людям. Когда в конце романа Тони, уже старая женщина, пережившая много горя и разочарований, говорит своему брату Томасу, жизнь которого тоже потерпела крах: *Нам остается теперь только сидеть на камнях*, то эта фраза имеет двойной тайный смысл: *-мы остались одинокими и несчастными* - пресуппозиция; *-я всю жизнь любила только Мортена* - подтекст (Шендельс 1977, с.116-117).

Как показывают наши наблюдения, учет взаимоотношений пресуппозиции и подтекста позволяет доказательно выявить и описать

имплицитное содержание текста на макроуровне. Приведем пример, показывающий эвристические возможности такого анализа.

В рассказе У.Сарояна "The Cocktail Party" главный герой, уже немолодой писатель, получает приглашение на вечеринку. По дороге на вечеринку он вспоминает прожитые им годы: свою первую жену и сына, свой второй неудавшийся брак с молоденькой актрисой, свои написанные книги так никем не понятые и считавшиеся неудачными. И каждый раз все, что он не делал бы, казалось ему бессмысленным. В такие минуты он становился ленивым и быстро набирал вес: *He was too confused to know what to do, and it was at this point in his life that he began to be **lazy** and to grow **fat**; ...during the making of the picture the writer watched the director miss the irony of the story and turn it into something like a hundred other films about beautiful girls from small towns, but he was too confused and **lazy** to bother about getting anything straight any more; But there was nothing he could do now about the **laziness** that had started in Hollywood, or the **fat** that kept thickening his flesh...; ...he was too **lazy** to tell her not to bother him any more; She telephoned, asking him to do another story for her, and he was too **lazy** to say he couldn't, but when he tried to write a new story he discovered he was also too **lazy** to finish it. She flew to New York, and he was too **lazy** to get out of town* (Saroyan 1996, с.220, 221, 223, 224). В конце рассказа, встретившись на вечеринке со своим уже взрослым сыном, с единственным человеком, который понял его и суть написанных им книг, он осознает, что жизнь его не так уж и бессмысленна и *...for the first time in years he no longer felt fat and lazy*. Выделенное предложение понимается неоднозначно:

-его отношение к жизни изменилось - пресуппозиция;

-впервые за долгие годы он почувствовал себя счастливым - подтекст.

Имплицитность высказывания во многих случаях не является абсолютной, так как то, что в одном из высказываний выражено имплицитно, может получить эксплицитное выражение в другом высказывании. Однако имплицитность может быть и абсолютной. В этом случае высказывание

становится единственным средством выражения данного смыслового содержания.

Таким образом, контекстуальная полисемия характеризуется возможностью различного осмысления одного и того же предложения под влиянием определенных коммуникативных условий. Следовательно, контекстуальная полисемия выполняет целый комплекс коммуникативно-прагматических функций: создание комического эффекта; создание различных оттенков мыслей, позволяющих воспринимать или скрывать дополнительный смысл и т.д. Большую роль в понимании высказывания играют фактор имплицитности, включающий в себя такие компоненты, как "пресуппозиция" и "подтекст", и процессы функторизации. Имплицитность свидетельствует о наличии в высказывании скрытого смысла; процессы функторизации выявляют его. Контрадиктно-синергетическая интерпретация имплицитности позволяет выявить и описать скрытые смыслы.

1.4. ПРЕДЛОЖЕНИЕ-ВЫСКАЗЫВАНИЕ КАК СМЫСЛОВАЯ ЕДИНИЦА

Толкование предложения-высказывания как лексико-грамматического единства, в котором учитывается не только формальная модель, но и лексико-семантический подкласс заполняющих ее слов, во взаимодействии которых прирастает смысл, заставляет обратить особое внимание на предложение-высказывание как смысловую единицу. Трудность рассмотрения этой проблемы обусловлена отсутствием единства взглядов на проблему смысла. К тому же в связи с тем, что предложение-высказывание является значимой единицей языка и речи, проблема уровневой организации содержательной стороны предложения-высказывания осложняется иногда в силу дихотомического противопоставления языка и речи, которое обуславливает необходимость учитывать при исследовании языковой единицы ее место в системе языка и речи, так как "...в процессе актуализации, при переходе от уровня языка к уровню речи изменяются некоторые существенные аспекты

знаковых отношений в языке, которые касаются структуры самих этих отношений, объема знака и отношений наименования..." (Гак 1972, с.14).

Предложение как самостоятельная единица имеет определенное содержание и потенциально несет в себе некоторое количество информации. По аналогии с содержательной стороной слова в семантике предложения различают денотат (референт) и сигнификат. Обе сферы содержательной стороны предложения строятся довольно симметрично. Однако полный параллелизм между сферами отсутствует и ряд основных проблем семантики, в том числе и проблема многозначности, получают решение применительно к каждой сфере в отдельности.

Наибольшее внимание со стороны исследователей получает вопрос о том, с каким аспектом семантики языковых единиц соотносится понятие смысла. Знакомство со специальной литературой свидетельствует о том, что чаще всего смысл языковых единиц связывается лингвистами с сигнификативным аспектом. Так, М.С.Венкович указывает на то, что "сущность смысла высказывания составляет сигнификативное отражение ситуации, понимаемой как взаимодействие конкретных денотативных признаков обозначаемых в предложении объектов материального мира. Различная структура взаимодействия денотативных признаков объектов реальности фиксируется и выражается в высказываниях по-разному, поэтому и смысл высказываний должен быть различным" (Венкович 1976, с.18). Такой взгляд на проблему смысла восходит к Г.Фреге, который предложил в семантической структуре наименования различать значение - отношение к обозначаемому предмету, и смысл - информацию, которая заключена в имени, таким образом, устанавливая идентичность имен на уровне значения, а их различие на уровне смысла (Фреге 1997).

Думается, однако, что такая трактовка смысла сужает это понятие. Наши наблюдения свидетельствуют, что смысл характеризуется множественностью, многослойностью, открытостью и подвижностью, что предложение-высказывание как самостоятельная единица имеет определенное содержание,

несет в себе некоторую информацию и на этой основе порождается многослойность смысла. Очевидно, многослойность смысла является той причиной, из-за которой высказываются разные, зачастую противоположные мнения, что есть смысл. Проблема осложняется тем, что термином "смысл" оперируют во многих науках: в философии, психологии, логике, семиотике, а не только в лингвистике.

Большой вклад в изучение смысла и значения вносят психологи. Так, А.Н.Леонтьев указывает, что "в значениях представлена преобразованная и свернутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений, раскрытых совокупной общественной практикой" (Леонтьев 1975, с.141). Смысл автор определяет как "отношение мотива к цели". При одной и той же цели действия смысл действия изменяется с изменением мотива деятельности. Путем раскрытия соответствующего мотива можно ответить на вопрос о смысле (Леонтьев 1981).

Психологическую природу смысла раскрывает и Л.С.Выготский, характеризуя смысл слова как совокупность всех психологических факторов, возникающих в нашем сознании благодаря слову. Значение же, по его мнению, есть неподвижный и неизменный пункт, который остается устойчивым при всех изменениях смысла слова в различном контексте (Выготский 1982, с.346-347).

Как выясняется из приведенных рассуждений психологов, смысл и значение - понятия не тождественные, они имеют разную основу, разное происхождение и применяются по разным законам. Значение, по мнению этих психологов, понятие объективное, надындивидуальное, а смысл - понятие субъективное, индивидуальное.

Не оспаривая в принципе данную точку зрения, некоторые ученые считают необходимым различать разные типы смысла. Общим для большинства философов и логиков является разграничение смысла и значения, хотя основания такого разграничения не всегда совпадают. Многие считают возможным говорить о смысле слова как о его "предметной сущности", которая

является "единственной скрепой и основой всех бесконечных судеб и вариаций в значении слова", а значение слова - "ноэма", т.е. "понимание кем-то данного предмета". Смысл одного и того же предложения априорно понимается разными людьми по-разному, т.е. изначально является неоднозначным. Это происходит благодаря тому, что каждое слово, входящее в состав данного предложения, несет на себе смысловую энергию всего предложения. Возможна разная степень приближения в нашем понимании к предмету, если последний брать сам по себе. Например, слово "город". У деревенского жителя это слово связано с представлением, скажем, шума, движения, суеты. Житель Москвы под "городом" понимает определенную часть Москвы, скажем, Кузнецкий Мост, Охотный ряд, Лубянская площадь и т.д. Стало быть, сразу же возникает перед нами факт разного понимания и разного значения одного и того же слова у разных лиц или у разной категории лиц (Лосев 1990).

Аналогичное понимание смысла находим в работе Э.Г.Аветяна, по мнению которого смысл возникает из отношения человека к сущности, которая реализована и представлена как некоторая универсальная вещь. Эта вещь для восприятия многозначна, и тем самым вместо единой сущности предстает масса ее толкований, таким образом, смысл изначально не однозначен. Значение же возникает из отношения человека к предмету, вследствие чего предмет преобразуется в идеальную ценность (Аветян 1989, с.94-95).

Учитывая вышеизложенное, можно сказать, что смысл есть сущность любой языковой единицы, в том числе и предложения-высказывания. Но сущность никогда не бывает выражена явно, поэтому и смысл понимается людьми по-разному.

Говоря о смысле и значении как о разных компонентах знака и пытаясь уточнить понятие смысла, Г.П.Щедровицкий определяет смысл как общую соотнесенность и связь всех относящихся к ситуации явлений, а значение как специальную знаковую конструкцию, которая выступает в качестве дополнительных средств, обеспечивающих необходимое понимание текста сообщения (Щедровицкий 1995, с.564, 567).

В отличие от других ученых Н.А.Слюсарева рассматривает смысл как "экстралингвистическое явление". По ее мнению, экстралингвистический статус смысла обуславливается следующими факторами:

- 1) смысл может быть выражен самыми различными средствами,
- 2) в пределах одного языка он передается средствами разных уровней языковой системы,
- 3) он может быть выражен средствами разных языков,
- 4) смысл может стать понятным не только из сведений, получаемых при помощи языка.

(Слюсарева 1963, с.185-199).

Устанавливая связи между смыслом и значением, Н.А.Слюсарева подчеркивает единство этих соотносительных явлений. Будучи одной из сторон, характеризующих содержание понятия, смысл выявляется, репрезентируется через значение слова. Он принадлежит мыслительной сфере и реализуется в значении, относящемся к внутренней стороне языка (Слюсарева 1973).

Учитывая специфику языкового знака на уровне языка и на уровне речи, многие ученые в работах по семантике четко различают языковое и речевое значения (значение и смысл), хотя и имеет место некоторая неустойчивость и произвольность в терминологии.

По мнению И.Я.Сельдмяз, разница смысла и значения слова состоит в том, что значение выражает сходство обозначаемых словом объектов и оно изменяется лишь в границах этого сходства. Смысл же употребления слова зависит от роли, в которой находится это слово в одном или другом тексте, а так же от исполнителей других ролей. Таким образом, как считает автор, от употребления к употреблению смысл слова может существенно меняться. Здесь же И.Я.Сельдмяз говорит о смысле отдельного предложения, понимание которого (предложения) следует из гносеологической структуры, которую оно выражает, иначе говоря, из участников этой структуры и из их ролей. Понимание предложения состоит из двух сторон: из значения слов и понимания

того, в какой роли находится то или другое слово в данном предложении.(Сельдмяз 1980).

С разграничением языка и речи связано рассматриваемое Б.М.Лейкиной соотношение понятий значения и интерпретации, или осмысления. Значение формальной единицы языка, представляющее собой специфически языковую категорию, не зависит от речевой ситуации. Осмысление же трактуется как "преломление" языковой категории значения через речевую ситуацию. Осмысление, возникающее в речи, обусловлено, помимо значения языковых форм, условиями речевого общения и такими свойствами участников ситуации, как оценка обстановки речи, предшествующий опыт и уровень знаний, склад мышления, фонд ассоциаций (Лейкина 1976, с.82-83). Из этого следует, что смысл языковая единица получает только в речи, а сам смысл используется для интерпретации речевой ситуации.

С точки зрения А.В.Бондарко, "в речи (как в процессах говорения и понимания, так и в результатах этих процессов - текстах) мы имеем дело со сложным соотношением речевых реализаций языковых значений, с одной стороны, и речевого смысла, с другой (речевой смысл базируется не только на речевых реализациях языковых значений, но и на контекстуальной, ситуативной и энциклопедической информации)" (Бондарко 1978, с.42).

Таким образом, возможность выражения в актах речи бесконечного количества новых смыслов связана с такими факторами, как нетождественность содержания, выражаемого сочетаниями языковых единиц, ситуативная обусловленность, участие не только языкового, но и неязыкового аспектов в формировании смыслов.

От значения слова следует отличать его содержание. В своей работе "Бытие - имя - космос" А.Ф.Лосев писал: "Если мы возьмем греческое слово *ἀληθεια* - "истины", то в нем кроме отвлеченного и общего значения "истины" (как в латинском *veritas* или русском "истина") есть еще момент, характерный именно для психологии греческого мироощущения, так как буквально это слово значит "незабываемое", "незабвенное", а след., "вечное" и т.д." (Лосев

1990, с.182). Следовательно, значение - явление не индивидуальное, а социальное, результат абстракции и обобщения типичных черт предметов и явлений, одинаковое для людей с определенным укладом жизни, живущих в тот или иной исторический период времени. Но в то же время содержание, закрепленное в значении, воспринимается каждым человеком по-разному, в зависимости от мотива его деятельности, его склонностей, темперамента, жизненного опыта.

Переходу от анализа семантики имени к углубленному рассмотрению семантики (смысла) высказывания способствовало пробуждение у исследователей интереса к "фактическому" аспекту реального мира и его отражению в структуре предложения (Б.Рассел, Л.Витгенштейн, Н.Д.Арутюнова, Е.В.Падучева и др.). Логика выдвинула требование о том, что логический анализ языка необходимо проводить одновременно с анализом онтологической структуры действительности, в связи с этим возник вопрос о познаваемости мира, его отдельных (атомарных) фактов, под которыми логический атомизм понимал любое состояние сознания субъекта и отвергал материалистическое понимание факта как объективного состояния, изменения и движения вещей. Отсюда вытекает и затухание логическим позитивизмом принципиального различия между объективными фактами и фактами логическими, или фактами сознания субъекта, и соответственно, между истинностью в области фактического и истинностью в области логического знания (Арутюнова 1988).

Л.Витгенштейн считает, что смысл предложения сводится к способу, которым предложение разделяет возможные состояния дел на те, в которых оно истинно, и на те, в которых оно является ложным. Истинностное значение предложения определяется двумя факторами: тем, что говорится в предложении, и тем, каков мир. Смысл предложения, или его интенцию, можно рассматривать как функцию (или правило), переносящую нас от мира к определенному истинностному значению (экстенсии предложения) (Витгенштейн 1958).

Е.Сааринен считает предложение многозначным, если оно в одно и то же время является истинным (true) и ложным (false). Согласно этому критерию предложение *Some girl was kissed by every boy* имеет два прочтения:

-*Была девушка, и каждый мальчик поцеловал эту девушку (There was some girl such that each boy kissed that girl);*

-*Возможно, было два юноши Лари и Эд, которые поцеловали Джанет и Лиз соответственно (For each boy there was some girl that the boy kissed the girl)*

(Saarinen 1981, p.1). Таким образом, проблема соотношения значения и смысла рассматривается в непосредственной связи языка, мысли и мира с целью выяснения функции языка в процессе познания и освоения мира как совокупности представлений.

В значении предложения принято выделять две составляющих - модус и диктум (пропозицию) (Ш.Балли, С.Д.Кацнельсон, Н.Д.Арутюнова, Е.В.Падучева). Такое разложение единой семантической структуры предложения представляется удобным способом описания языкового материала, по крайней мере частично отражающим реальную сложность содержания информации, передаваемой в высказывании. Общая идея, лежащая в основе двух компонентов в семантике предложения, заключается в осознании существенного различия между тем, о чем говорится в предложении, и тем, что именно и каким образом говорится по этому поводу. Описание (или репрезентация) предмета речи образует "пропозицию" и является объектом или содержанием "модусного" компонента, квалифицирующего пропозицию в соответствии с коммуникативными целями высказывания.

В лингвистике принято определение пропозиции как значения, общего для всех членов коммуникативной и модальной парадигмы предложения (Зеленщиков 1997, с.159). Изучая значение такого языкового знака как предложение, А.В.Зеленщиков считает, что референту знака в данном случае соответствует "ситуация" или "факт"; экстенсионалом предложения является множество однотипных (реальных и нереальных, возможных) ситуаций, для описания которых может использоваться данное предложение, принимающее

при этом значение "истинно". Сигнификатом предложения выступает прототип описываемой ситуации, форма, наполненная содержанием, создаваемая сознанием в результате неоднократного взаимодействия с ситуациями данного типа. Комплекс подобных представлений называется пропозициональным концептом, который является ментальным образованием, не зависимым от конкретного языка, то есть предложения *Идет дождь. It is raining.* представляют один и тот же комплекс представлений. Денотатом предложения является его пропозиция (Зеленщиков 1997, с.187-191).

Пропозиции являются центральным понятием семантического анализа. Как считает М.Синицын, уровень семантической репрезентации очень неформально можно определить как семантическую запись в виде пропозиции, соответствующую всем поверхностным предложениям, выражающим один и тот же смысл (Синицын 1973, с.79). Но, по мнению этого же автора, есть уровень еще более глубинный, чем семантическая репрезентация; этот уровень представляет собой семантическую запись, обобщающую все поверхностные предложения, регулярно соотносимые по смыслу (Синицын 1973, с.79).

Е.В.Падучева определяет пропозицию как "потенциальный концепт предложения, т.е. такой смысл, который выражается в языке предикатной группой (предикатом, со всеми словами, служащими для заполнения его семантических валентностей) или группой какого-то другого сентенциального оператора - связки, квантора и пр. (назовем это пропозициональным смыслом). Тем самым пропозиции противопоставлены тем смыслам, которые являются потенциальными концептами предметов и выражаются с помощью предметных именных групп" (назовем это смыслом высказывания) (Падучева 1985, с.36-37).

Исходя из данных положений, будем считать, что семантическая запись в виде пропозиции представляет собой более глубинный уровень, чем глубинная структура. Следовательно, у предложения, обладающего несколькими глубинными структурами (т.е. многозначного предложения), есть несколько пропозиций, и наоборот. Например, предложение *Автор "Ваверлея" был*

шотландцем анализируется как конъюнкция из трех пропозиций: 1) по крайней мере один человек написал "Ваверлея" (утверждение о существовании референта дескрипции); 2) только один человек написал "Ваверлея" (утверждение единичности референта дескрипции); 3) кто бы ни был автором "Ваверлея", он был шотландцем (утверждение тождества) (пример Арутюновой 1976, с.183).

Место пропозиции могут занимать и имена собственные. В качестве таких имен выступают имена, которые легко вызывают представления о соответствующих ситуациях. Такие событийные имена являют собой языковое обобщение и закрепление общественной практики и общественно значимого фонда знаний, которые - в зависимости от степени их актуальности для данного языкового сообщества - могут носить локальный (для отдельной группы лиц) или глобальный (для всего сообщества) характер. Например: *I gave up working because of Pete* (=because Pete is little yet/ because Pete is ever ill и т.д.). Или *Stalingrad* (=the battle fought/ the victory won at Stalingrad) was the turning point of World War II (Иванова, Бурлакова, Почепцов 1981, с.255).

Подобная асимметрия формы и содержания речевых реализаций представляет собой резерв языка, использующий традиционные модели языка, но с более сложной, расчлененной семантикой, где смысл высказывания оказывается не тождественным его пропозициональному смыслу.

Истинность и ложность предложения, понимаемые в логике как смысл высказывания, очень часто ставятся в зависимость от истинности или ложности пресуппозитивных отношений между предложениями (О.Дюкро). Как правило, смысл высказывания и пресуппозиция рассматриваются как разные лингвистические понятия. Самое существенное и наиболее явное отличие смысла от пресуппозиции состоит в том, что смысл высказывания основывается непосредственно на семантических свойствах элементов высказывания и эксплицирует действительное положение вещей, в то время как пресуппозиция такого свойства лишена, она есть почти всегда что-то предполагаемое, скорее интуитивное, базирующееся на общих знаниях

субъекта. Пресуппозиция не является обязательным и необходимым условием для существования высказывания, а наоборот, высказывание есть основа для возникновения у говорящего или слушающего ассоциативных представлений, что позволяет выдвинуть предположение о потенциальной бесконечности количества пресуппозитивных отношений.

Сопоставляя два термина "пропозиция" и "пресуппозиция" можно сделать следующие выводы: 1) пропозиция позволяет исследовать а) семантически аномальные высказывания, т.е. высказывания, допускающие два или несколько осмыслений (в особенности осмыслений, далеких между собой), которые все "имеются в виду" говорящим, а также б) высказывания, в которых очевидна ложность прямого смысла самих высказываний; 2) пресуппозиция позволяет "вычитывать" компоненты содержания высказывания, которые не входят в собственно в смысл самого высказывания.

В лингвистике нет достаточно ясных положений о том, какие же единицы языка обладают способностью выражать смысл - лексические (слова) или же синтаксические (предложения). Учитывая противоречивость мнений, необходимо всегда иметь в виду те различия, которые наблюдаются в семантике слова и семантике высказывания.

Но следует отметить, что семантика слова, отображающая единичный предмет (свойство) или класс предметов (свойств), существенно отличается от семантики высказывания, где отражаются не просто какие-то объекты с их свойствами, а предметы и явления в их отношении к другим предметам и явлениям внешнего мира. Этот комплекс связей и отношений в объективной действительности обуславливает в свою очередь сложность и специфику семантики высказывания.

М.С.Венскович считает, что "смысл есть принадлежность высказывания, а значение есть принадлежность слова, что в конечном итоге в формировании семантики слова и семантики высказывания первостепенную роль играет структура обозначаемой ими действительности, в частности, отдельные

объекты или же объекты в их отношении к другим предметам и явлениям внешнего мира" (Венскович 1976, с.7).

По мнению Г.В.Колшанского, смысл любого высказывания не может существовать в каком-либо "частичном", разобранном виде, он существует в высказывании лишь как цельное и единое образование, хотя и распространяется на всю совокупность компонентов высказывания. И всякое искусственное расчленение смысла высказывания может быть использовано лишь для демонстрации его смысловых компонентов, но не содержания высказывания в целом. (Колшанский 1975, с.141-145).

Говоря о смысле высказывания, Б.М.Гаспаров утверждает, что "смысл всякого высказывания складывается на пересечении двух противоположных смыслообразующих сил. Осознанию высказывания как обозримого целого противостоит неисчерпаемость и летучая неустойчивость той мнемонической среды, в которой и благодаря которой такое осознание происходит; силам текстуальной интеграции, вызывающим взаимные притяжения между всеми элементами высказывания, противостоит открытость ассоциативных связей, расходящихся от каждого из этих элементов" (Гаспаров 1996, с.318). Таким образом, по мнению ученого, одно и то же по форме высказывание может оказаться погруженным в бесчисленное количество разных смысловых сред, ведущих к разному его осмысливанию.

Г.Фреге считает, что предложение имеет смысл и значение, где смысл - это некоторая мысль, т.е. "объективное содержание мышления, способное быть достоянием многих", а значение - истинное значение предложения, определяющее его как истинное и ложное (Фреге 1997, с.31-32).

Жиль Делез отмечает, что "смысл сверхбытиен. Как выраженное предложением смысл не существует, а присущ последнему или обитает в нем" (Делез 1995, с.49).

Из этого следует, что для Г.Фреге и Ж.Делеза смысл - это нечто идеальное, некая идея, которая отрывается от реального предмета и представляется как нечто самостоятельное, независимое.

На наш взгляд, смыслом обладает не только предложение, но и слово. Если брать за исходную точку определения понятия "смысл" концепцию А.Ф.Лосева, идея которой заключается в том, что "именем мы и называем энергию сущности вещи, действующую и выражающуюся в какой-нибудь материи, хотя и не нуждающуюся в этой материи при своем самовыражении" (Лосев 1990, с.185), а "смысл, вообще говоря, и есть сущность, то есть то самое, чем она является сама по себе" (Лосев 1995, с.7), понимая под сущностью "то, что она есть ... через свое собственное движение бытия" (Гегель 1937, с.456; Мышкина 1991, с.37), то можно предположить, что слово в динамике, движении, т.е. когда оно реализовано в предложении, приобретает смысл.

Из вышесказанного вытекает, что смысл является многоуровневым образованием. На наш взгляд, смысл состоит из следующих уровней:

1. предметно-событийного - это способность в зависимости от опыта говорящего выражать отношение к предмету, событию;
2. интеллектуального - это способность выражать отношение к идеям;
3. оценочного - это способность выражать оценочное отношение к предмету/событию, идеям;
4. коммуникативно-прагматического, или речевого, - это способность выражать отношение к речевой действительности;
5. системно-семантического - это способность сочетаться с другими языковыми единицами в зависимости от намерений говорящего.

ВЫВОДЫ

1. Полисемия, или многозначность, представляет собой и онтологическое, и функциональное свойство языка, что позволяет исследовать многозначность с разных сторон. В системе языка полисемия выступает в виде семантического инварианта многозначной языковой единицы, в системе речи - в виде значений, обусловленных контекстом, условиями коммуникации.

2. Изучение многозначности высказывания проводится в рамках контрадиктно-синергетического подхода, с позиции которого высказывание

предстает как динамическая, саморазвивающаяся система, стремящаяся к реализации определенной цели. Самодвижение высказывания обнаруживает себя в процессах функторизации и симметризации-асимметризации, играющих значительную роль при анализе и интерпретации самого высказывания.

3. В создании многозначности высказывания участвуют не только лексические, но и синтаксические единицы, выраженные порядком слов, совпадением форм языковых единиц и синтаксической связью членов высказывания. В порождении многозначности высказывания участвуют и коммуникативные факторы, значимость которых заключается в возможности создания неопределенного числа коммуникативных прочтений высказывания.

4. Не все содержание высказывания находит воплощение в особых языковых элементах. Наряду с эксплицитными способами выражения существует область имплицитной передачи информации. Процессы функторизации и симметризации-асимметризации позволяют обнаружить скрытые смыслы высказывания и предопределить возможность его неоднозначной интерпретации.

5. Смысл - неотъемлемая категория предложения-высказывания - характеризуется многоуровневостью, многослойностью, открытостью и подвижностью, благодаря чему одно и то же высказывание может иметь несколько смыслов.

6. На наш взгляд, изучение смысла должно проводиться на следующих уровнях: предметно-событийном, интеллектуальном, оценочном, коммуникативно-прагматическом и системно-семантическом. Исследование смысла на разных уровнях обуславливает более точное и полное описание смыслового пространства высказывания.

ГЛАВА 2.**МЕТОДЫ АНАЛИЗА И ИНТЕРПРЕТАЦИИ МНОГОЗНАЧНОСТИ
ВЫСКАЗЫВАНИЯ****2.1. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРЕДЛОЖЕНИЯ-
ВЫСКАЗЫВАНИЯ И ЕГО ЭЛЕМЕНТОВ В ЛИНГВИСТИКЕ**

Семантика предложения-высказывания формируется, располагая смыслами отдельных слов. Если ранее (например, в дескриптивной лингвистике) обязательной предпосылкой формального описания языка был отрыв от смыслового содержания языка, то ныне (например, в генеративной лингвистике) семантика включается в качестве обязательного компонента. Признание важности семантического фактора потребовало переформулирования правил анализа в терминах двух структур - глубинной и поверхностной, а сама трансформация стала связываться с преобразованием глубинной структуры в поверхностную. Как указывает Л.С.Бархударов "сущность понятия "глубинный синтаксис" в том и состоит, что это - синтаксис содержательный, т.е. семантический. Вопрос об отношении глубинной структуры предложения к поверхностной - это один из аспектов более общей проблемы об отношении содержания (т.е. значения) и формы в языке вообще" (Бархударов 1974, с.25-26). Важность семантического фактора отмечает и Н.Д.Арутюнова. По ее мнению "...идея глубинных и поверхностных структур ... возникла из стремления найти оптимальный способ описания неоднозначности в отношениях между формой и содержанием в синтаксисе, выражающейся в возможности одинакового прочтения разных предложений и существовании вполне совпадающих высказываний, допускающих разную семантическую интерпретацию" (Арутюнова 1972, с.3). На наш взгляд, разграничение поверхностной и глубинной структур является необходимым и для нашего исследования, так как это дает возможность для изучения и описания многозначности высказываний, которые содержат несколько пропозиций. Важно, однако, отметить, что многозначность предложения-высказывания

может быть вызвана как лексическими, так и грамматическими факторами. Поэтому необходимо комплексное их рассмотрение при анализе и интерпретации факторов многозначности высказывания.

Одним из основоположников генеративной лингвистики был Н.Хомский. Сам Н.Хомский под глубинной структурой понимает структуру, определяющую семантическую интерпретацию предложения, в то время как его поверхностная структура определяет фонетическую интерпретацию того же предложения. При таком понимании глубинной структуры предложения оно включает в себя не только систему синтаксических отношений между лексическими элементами предложения, но и сами эти элементы, т.е. лексикон, или словарный состав, ибо семантика предложения, безусловно, определяется не только характером отношений между входящими в него словами, но и значениями самих этих слов (Хомский 1972а, с.20).

По мнению Н.Хомского, "поверхностная структура обычно содержит в себе очень мало указаний на значение предложения" (Хомский 1972б, с.43). Существуют бесчисленные предложения, которые отличаются многозначностью, не обнаруживаемой в поверхностной структуре. Так, предложение *I disapprove of John's drinking* 'Мне не нравится, что Джон пьет' может относиться либо к самому факту, что Джон пьет, либо к характеру этого действия. Эта двусмысленность разрешается по-разному:

- а) *I disapprove of John's drinking the beer* 'Мне не нравится, что Джон пьет пиво';
- б) *I disapprove of John's excessive drinking* 'Мне не нравится, что Джон чрезмерно пьет' (там же, с.43).

К сказанному Н.Хомским можно добавить, что возможна и еще одна интерпретация 'Мне не нравится манера питья Джона'.

Значение каждой синтаксической формы производится из глубинной структуры посредством правил семантической интерпретации. Всякое новое предложение строится в соответствии с готовой и известной говорящему и слушающему моделью, или схемой, или конструкцией путем наполнения этой

конструкции конкретными лексемами. Конструкция, в соответствии с которой построено предложение, с одной стороны, есть структура этого предложения, с другой - есть своего рода программа построения нового предложения, новизна которого создается за счет новой комбинации уже известных слов.

Проблема соотношения глубинных и поверхностных структур рассматривается и российскими учеными. Л.С.Бархударов определяет глубинную структуру предложения как "систему выражаемых в предложении смысловых отношений, а его поверхностную структуру - как реально употребляемую в процессе языковой коммуникации грамматическую форму. Элементами глубинной структуры предложения являются, согласно Л.С.Бархударову, лексемы, между которыми устанавливаются денотативно значимые, т.е. отражающие различия в самой описываемой ситуации глубинные синтаксические отношения (например, "действие и его актанты - деятель, объект действия и пр."; "действие и обстоятельства его протекания" и др.); элементами же поверхностной структуры предложения являются конкретные словоформы, между которыми существуют поверхностные синтаксические отношения" (Бархударов 1973, с.54-55).

Обобщая сказанное, обратим внимание на то, что концепция поверхностной и глубинной синтаксической структуры исходит из наличия в строе предложения двух типов синтаксических отношений: поверхностных, т.е. формально непосредственно выраженных (морфологически, порядком слов и другими средствами) в данном предложении, и глубинных, вскрываемых только путем сопоставления данного предложения с другими, семантически идентичными предложениями того же языка и отражающих существенные смысловые связи элементов предложения друг с другом.

Важен также и тот отмечаемый учеными факт, что один и тот же тип глубинной синтаксической связи может быть реализован в поверхностной структуре в форме различных типов поверхностной связи. Так, в конструкциях *Студент сдал экзамен*, *Экзамен был сдан студентом*, *Студент, сдавший экзамен* и пр. глубинные синтаксические отношения одни и те же ("действие -

деятель - объект действия"), в то время как поверхностные синтаксические отношения в них каждый раз различны. Распространенным является и обратный характер отношений - разные глубинные структуры при одинаковой поверхностной. Классическим примером является *Приглашение писателя*, где за внешне одинаковой поверхностной структурой может скрываться как отношение "действие - деятель", так и отношение "действие - объект действия" (Бархударов 1974, с.30-31; см. также Чейф 1975).

Т.П.Ломтев связывает понятие глубинности структуры предложения "с понятием означаемого, т.е. с теми отношениями, которые выражает предложение. Предложение относится к классу означающих, которые имеют свое означаемое" (Ломтев 1973, с.13). В сфере означаемого ученый и устанавливает глубинную структуру, выражаемую предложением, понимая под означаемым "отношение, связывающее в одно целое некоторое множество предметов (в том числе и один предмет)" (там же, с.13).

В.Г.Гак описывает глубинную структуру как лексико-синтаксическую структуру, изоморфную ситуации. По его мнению, синтаксические категории (члены предложения) соответствуют реальным функциям субстанций и признаков в процессе. Отношения между членами предложения "иконически" отображают реальные отношения между элементами процесса. Однако в поверхностных структурах синтаксические функции в значительной степени утрачивают свой изобразительный характер, все больше приобретая чисто строевое, организующее значение (Гак 1969, с.79-80). В связи с этим подчеркнем то, что благодаря утрате иконичности отношений между членами предложения появляется возможность использовать поверхностные синтаксические структуры в "маскирующей" функции (многозначно). Поэтому при анализе предложения-высказывания необходима интерпретация его глубинной семантической структуры, устанавливая при этом, какие пропозиции реализуются в поверхностной структуре.

Дж.Катц определяет семантическую интерпретацию предложения как результат применения словаря и проекционных правил к глубинной структуре

предложения, т.е. результат работы семантического компонента, состоящего, по мнению ученого, из двух подкомпонентов: словаря, в котором каждому слову поставлено в соответствие его семантическое представление и системы проекционных правил, обеспечивающих объединение этих семантических представлений. Словарь содержит сведения о значениях слов (или других лексических единиц), причем каждая словарная единица в принципе может быть полисемична. Проекционные правила определяют, как именно комбинируются значения слов, когда слова входят в грамматические конструкции, и в частности, каким образом снижается в контексте степень неоднозначности отдельных слов. Семантическое представление любого отдельного значения слова имеет сложную внутреннюю структуру. Поэтому каждое толкование строится на основе набора семантических признаков (маркеров), соответствующих элементарным понятиям. Семантические признаки следует рассматривать как лингвистические конструкты, позволяющие удобно описывать структуру значений. Например, слово *bachelor* имеет следующее представление:

- 1) *физический объект, живой, человек, мужской пол, взрослый, никогда не был женат (холостяк);*
- 2) *физический объект, живой, человек, молодой, рыцарь, служащий в подчинении другого рыцаря (молодой рыцарь-вассал);*
- 3) *физический объект, живой, человек, окончивший четыре курса колледжа (бакалавр);*
- 4) *физический объект, живой, животное, мужской пол (здесь: тюлень), не имеющий пары в период спаривания (молодой самец котика, не имеющий пары в период спаривания).*

Итак, данное толкование слова *bachelor* включает в себя, во-первых, элементарные понятия (холостяк, молодой рыцарь-вассал и т.д.), с одной стороны, и семантические признаки (физический объект, мужской пол и т.п.), с другой стороны, а во-вторых, отношения между элементарными понятиями (Катц 1981, с.33-49).

Подвергая критике теорию Дж.Катца, У.Вейнрейх считает, что данная теория "оказывается слишком слабой для объяснения метафорического употребления тех или иных выражений (кроме наиболее избитых оборотов) и многих шуток" (Вейнрейх 1981, с.56). У.Вейнрейх в качестве доказательств приводит следующие предложения:

- 1) *I observed the ball.* 'Я наблюдал за балом.' / 'Я наблюдал за мячом.'
- 2) *I attended the ball₂.* 'Я посетил мяч.'
- 3) *I burned the ball₁.* 'Я сжег бал.'

Если различие между существительными *ball₁* 'бал' и *ball₂* 'мяч' формулируется в терминах элементарных понятий, то тогда теория Дж.Катца не сможет объяснить неоднозначность предложения (1) или описать аномальность предложений (2) и (3). Значит, по мнению У.Вейнрейха, необходимо изменить словарь, дополнив его соответствующими семантическими маркерами типа (событие) и (предмет). А в предложениях *The statistician studies the whole year.* 'Статистик учится весь год.' / 'Статистик исследует весь год.' или *He left his car with his girl-friend.* 'Он оставил свою машину у приятельницы.' / 'Он оставил свою машину с приятельницей (в ней).' глаголы придется разделить на переходные и непереходные, а NP (именная группа-фраза) соответственно - на дополнения, управляемые VP (глагольная группа-фраза) и "временные слова", подобные наречиям (Вейнрейх 1981, с.63-65).

Таким образом, семантическое описание словарных единиц имеет тот же вид, что и семантическое описание предложений. Из этого в свою очередь следует, что между словарем и бесконечным множеством "правильных" предложений существует более глубокая взаимосвязь, чем принято считать. Все единицы глубинных структур представляют собой смыслы. Некоторые смыслы (признаки) в глубинной структуре объединены в устойчивые пучки и, следовательно, могут быть использованы предсказуемым образом (например, для английского языка признак "мужской пол" предсказывает наличие признака "одушевленный"). И, наконец, в результате введения понятия признака в

синтаксис, устранен разрыв между семантикой и синтаксисом, благодаря чему стало возможным описание глубинной структуры предложения.

Следует отметить, что разработанная в XX веке в современной синтаксической теории концепция поверхностной и глубинной синтаксической структуры (Н.Хомский, М.Халле, Дж.Катц, Дж.Фодор, У.Вейнрейх, У.Чейф, Л.С.Бархударов, И.А.Мельчук и др.), базируется на исследовании выражаемых в предложении семантических отношений.

Многие рассматривают значение языковых единиц как комплекс существенных семантических признаков, состоящий из денотативного, сигнификативного и коннотативного компонентов. Обратим внимание на то, что многие ученые выдвигают требование учитывать при анализе семантической структуры языковых единиц, в какой функции - первичной или вторичной - используется анализируемая единица (Курилович 1955, 1962; Арутюнова 1972; Ковтунова 1988), при этом в синтаксисе разграничение первичных и вторичных функций считают столь же необходимым, сколь необходимо установление основных и производных форм в любой морфологической парадигме. По мнению Р.А.Будагова, "разграничение первичных и вторичных синтаксических функций частей речи дает возможность глубже понять закономерности, существующие во взаимоотношениях между частями речи и членами предложения, между морфологией и синтаксисом, между парадигмами языка и способом их функционирования в речевом потоке" (Будагов 1955, с.9; см. также Ковалева 1974).

Так, в английском языке, как, впрочем, и в русском языке, имя существительное может быть не только подлежащим, но и сказуемым, и дополнением, и обстоятельством и т.д. Однако существительное именно в функции подлежащего выступает в своей первичной синтаксической функции, по отношению к которой все остальные функции существительного (в роли сказуемого, дополнения, обстоятельства и пр.) будут восприниматься как вторичные. Точно так же можно сказать, что сказуемое - это первичная

синтаксическая функция глагола, хотя последний может выступать не только в функции сказуемого, а следовательно, имеет и вторичные синтаксические функции. Именно поэтому и прилагательное - это прежде всего определение, как наречие - это прежде всего обстоятельство и т.д.

Первичной функцией слова считают главное, собственное (буквальное) значение, а вторичной функцией - частное, переносное значение. Оба значения предполагают существование какой-то иерархии между разными употреблениями слова; непосредственно данными являются так называемые частные значения, выступающие в конкретных условиях (в контексте) (Курилович 1955, с.73-74).

Наиболее показательный пример "вторичных функций" - это метафора разного типа, новые значения и новая референтная отнесенность слова. Например, слово *осел*. В первичном значении оно употребляется по отношению к животным, во вторичном, более или менее обусловленном контекстом и внешней ситуацией, по отношению к человеку. Разница между двумя значениями касается коммуникативного содержания (Курилович 1955, с.78). Таким образом, одно и то же значение многозначного слова (по нашим наблюдениям и многозначного предложения-высказывания) в разных коммуникативных условиях, соотносясь с традиционным референтом, может выражать разные актуальные смыслы. Под актуальным смыслом понимается релевантная часть значения языковой единицы в данных коммуникативных условиях.

Значима для семантики слова его частеречевая характеристика. Так, А.А.Уфимцева, исследуя слово в лексико-семантической системе языка, отмечает, что в противоположность именным лексемам, семантическая характеристика которых может быть дана в виде набора семантических признаков (в виде дефиниции понятийных признаков) глагольные лексемы по самому своему существу выражают понятие отношения действия к двум видам предметных, т.е. именных, лексем: 1) действие - его субъект, 2) действие - его объект.

Согласно А.А.Уфимцевой, для имени существительного в системе английского языка можно установить пять уровней лексической абстракции, а следовательно, и пять видов семантических признаков:

1. категориальный признак "предметность";
2. семантический признак отдельной категории "одушевленность - неодушевленность";
3. семантический признак субкатегорий "лицо - неліцо", "счисляемые - несчисляемые";
4. семантические признаки на уровне четырех разных по своему характеру лексических микросистем (лексическая парадигма, своеобразные терминологические группы, предметные группы и семантические поля);
5. Семантические признаки на уровне отдельного слова, отличающие конкретные лексические значения слов (синонимические, антонимические ряды, конверсивы; лексико-семантические группы).

Например, у именной лексемы *боль* можно выделить: предметность, неодушевленность, неисчисляемость, отнесенность к семантическому полю "чувство". Но кроме этих четырех уровней семантических признаков именная лексема *pain* "физическая и нравственная боль" имеет свои индивидуальные отличительные признаки по сравнению с лексемами *pine* "боль тоски", *suffering* "любое страдание, испытываемое от боли, голода, жажды, бедности, нездоровья и любого бедствия". Различительные признаки на уровне индивидуального лексического значения конкретного слова автор называет эмпирическими (Уфимцева 1968, с.174-177). Нетрудно заметить, что признаки 4 и 5-го уровней являются определяющими: по 4-ому признаку выделяются отдельные лексические единицы, объединяющиеся в синонимические ряды и лексические парадигмы, по 5-ому признаку идет их различие.

По утверждению А.А.Уфимцевой, в лексике английского языка есть большое количество наименований, где отсутствует различение основных семантических категориальных признаков:

а) неразграничение "лица" и "вещи": *binder* - *person or thing that binds, fastens sheets of paper into a cover*; *darling* - *person or thing very much loved*;

б) неразграничение "лица" и "животного": *captive* - *person or animal taken prisoner*; *carrier* - *person or animal that carries a disease*;

в) неразграничение временной и постоянной деятельности, активности: *biologist* - *student of, expert in biology*;

г) совмещение в имени лица двух противоположных действий: *broker* (*stockbroker*) - *person who buys or sells for others* (брокер, маклер) (Уфимцева 1986, с.116).

При анализе глагольных лексем А.А.Уфимцева обращает внимание на то, что само понятие глагольного действия раскрывается в терминах синтагматических отношений субъекта и объекта (семантических в противоположность синтаксическим) действий. В семантике глагольных лексем превалирует синтагматическая значимость над номинативной. По характеру своей семантики глагольные лексемы английского языка прежде всего разделяются на лексемы активного действия и инактивного действия. Те глаголы, значение которых ориентировано относительно объекта действия, называются объектными, те же, значение которых складывается относительно субъекта действия, называются субъектными глаголами.

Например, английский глагол *to keep*. С точки зрения категориальной семантики, глагольная лексема *to keep* относится к группе двуфокусных, т.е. к таким, у которых в составе смысловой структуры наличествуют как объективные, так и субъективные варианты. Одни лексико-семантические варианты ориентированы относительно объекта глагольного действия, другие - относительно его субъекта. Из этой самой общей характеристики глагола *to keep* видно, что он двузначен в лексико-грамматическом плане, ибо имеет в своей структуре как переходные, так и непереходные значения, при этом первые превалируют количественно над вторыми, придавая глаголу своеобразную качественную характеристику. Но самой своей семантикой двуфокусный глагол *to keep*, способный реализовать как объектные, так и субъектные связи,

выражает "длительное действие", приближающееся в субъектных значениях к понятию состояния, т.е. инактивного действия.

Таким образом, отличительными признаками единиц в таких микросистемах является, с одной стороны, характеристика по синтагматической и номинативной значимостям (модель семантических отношений лексем, типы их семантических категорий, вступающих в смысловые отношения), с другой - эмпирические признаки (способ, время, среда, место, направление, результат и т.п. протекания действия), дифференцирующие одну лексему от другой (Уфимцева 1968, с.179, 184, 211).

Вышеизложенные наблюдения А.А.Уфимцевой касаются английского языка. Но многие из установленных ею закономерностей характерны и для русского языка. Так, по нашим наблюдениям, как в английском, так и в русском языках определение смысловой структуры глагольных лексем сопряжено с разграничением целого ряда сопрягающихся между собой категорий. Во-первых, необходимо разграничивать "семантический субъект" - "грамматическое подлежащее", "семантический объект" - "грамматическое дополнение" и т.п. Во-вторых, представляется обязательным разграничение семантической и синтаксической переходности. В-третьих, наиболее сложным в семантике глагольных лексем английского языка является формальное неразграничение переходных и непереходных их употреблений, порождающих не только грамматическую омонимию, но и лексическую полисемию.

Ю.Найда предлагает один из вариантов компонентного анализа, основанного на применении процедуры вертикально-горизонтального анализа значений. Она предусматривает сопоставление значений слов в двух измерениях:

- вертикальном, когда сравниваются значения, стоящие на разных уровнях иерархии родо-видовых отношений;
- в горизонтальном, когда сравниваются значения одного и того же уровня иерархии, независимо от того, находятся они в отношении несовместимости, дополнительности или антонимии.

Процедуру вертикально-горизонтального анализа автор иллюстрирует на примере слова *magazine* "журнал", разбивая ее на 5 этапов.

Этап 1: определить ту единицу смысла, которая включает значение слова *magazine*. Его значение и будет искомым компонентом смысла. Для большинства носителей английского языка это будет значение слова *periodical* "периодическое издание".

Этап 2: найти те единицы, которые могут считаться включенными в значение слова. Для некоторых носителей языка это будут слова *slics*, *pulps*, *comics* и т.д.

Этап 3: исследование единиц того же самого иерархического уровня, которые находятся с интересующими нас значением в отношении несовместимости или пересечения. Это прежде всего слова *book* "книга", *ramphlet* "памфлет", *newspaper* "газета" и *journal* "журнал" (преимущественно научный). Значение слова *magazine* противопоставляется значениям слов *book*, *ramphlet*, *brochure* по признаку периодичности. Для значений слов *magazine*, *journal* и *newspaper* этот признак является интегральным. *Magazine* противопоставлен *newspaper* как издание сброшюрованное или переплетенное. Противопоставляя *magazine* - *journal*, определяем, что издание, называемое *journal*, обычно является более специальным по своему содержанию (например, научные журналы).

Этап 4: сопоставление списка тех минимальных диагностических компонентов, которые отличают значение слова *magazine* от других значений того же уровня, позволяют включить его адекватным образом в рамки ближайшего вышестоящего значения и удовлетворительным образом охватывают значения его гипонимов. В данном случае это будут три компонента: "периодическое издание", "переплетенное или сброшюрованное" и "по содержанию и оформлению носящее довольно популярный характер".

Этап 5 (факультативный): состоит в формулировании дефиниции слова на основе его диагностических компонентов. В данном случае дефиниция могла бы выглядеть следующим образом: периодическое издание, в

переплетенном или сброшюрованном виде, имеющее относительно популярное содержание и броское оформление, например Time, Fortune, Sports Illustrated (Найда 1983, с.61-63).

Данный вариант компонентного анализа анализирует отдельные, изолированные слова с учетом парадигматических отношений между ними, но без учета их синтагматических связей, а представление слов имеет вид неорганизованного набора семантических компонентов. Неприемлимость вышерассмотренного варианта компонентного анализа для нашей работы состоит в том, что данный анализ не ставит своей целью дать такое описание значения слова, чтобы на его основе можно было построить описание значения единицы более высокого уровня, т.е. предложения. Но сам метод вертикального и горизонтального анализа в принципе может быть использован и для раскрытия многозначности высказывания.

Описывая свой вариант компонентного анализа, И.М.Кобозева справедливо указывает, что "многие слова могут быть описаны семантически только в составе выражений, больших по объему, т.е. словосочетаний и предложений", а "значение слова должно представляться в виде структуры, состоящей из элементов смысла и связывающих их синтаксических отношений" (Кобозева 2000, с.117, 119). В качестве доказательства ученый анализирует значение слова *только* в рамках предложения *Я купил только чашки*. Для того, чтобы понять, что значит *только* в предложенной фразе, по мнению И.М.Кобозевой, надо построить другую фразу, которая имела бы то же значение (перифразу), и содержала те же слова, кроме *только*, которое должно быть заменено другими словами, с более понятным значением, например: *Я купил чашки и неверно, что я купил что-либо, кроме чашек*. Описанием значения слова *только* является часть толкования, начинающаяся с "и". Это его дефиниция, толкование, которое состоит из семантических компонентов "и", "не верно, что", "существует", "равно" (там же, с.115-117).

Из данного анализа мы видим, что это не просто набор семантических компонентов, а структура, т.е. образование, имеющее вполне определенную

организацию. Здесь толкуемой единицей является не отдельное слово, а содержащее его предложение. Описание значения слова таким образом представляет собой основу семантического представления предложения, включающее в свою структуру данное слово.

В когнитивной теории (Дж.Лаков, Дж.Тейлор, Р.Джекендофф, Е.С.Кубрякова, А.А.Кибрик и др.), также занимающейся исследованием описания семантики, центральное место занимает понятие "концепт". Концепты приписываются самым разным языковым единицам - обозначениям естественных классов (типа *bird*), ситуаций (типа *run*) и индивидов (типа *George Lakoff*). Главным свойством концептов нередко считается их неизолированность, связность с другими такими же - и это определяет то, что всякий концепт погружен в домены, которые образуют структуру и каждый из которых содержит набор определенных признаков. Домены образуют тот семантический фон, из которого выделяется концепт: например, концепт *дуга* понимается "с опорой" на представление о круге; *гипотенуза* "опирается" на понятие о треугольнике и т.п.

Так, например, Дж.Тейлор считает, что лексемы *running* и *jogging* имеют разную концептуальную структуру. Для начала он очерчивает "идеализированную когнитивную модель" (все наши представления об объекте сразу, в целом, некий "расчлененный образ", который и порождает признаки) для *jogging*. *Jogging* ассоциируется со здоровым образом жизни, физической формой и занятием преуспевающих людей среднего класса развитых стран. Отсюда следует, что концепт *jogging* не совместим с соревнованиями, целевыми ситуациями, а также с малолетними детьми, стариками, животными и другими концептами, допустимыми для *run*. И только вследствие этого возникают определенные синтаксические ограничения. Например, не говорят *jog to catch the bus* (говорят: *run*), *jog* (но: *run*) *after someone* и т.д. Таким образом, Дж.Тейлор в данном случае говорит о мотивированности синтаксиса языковой единицы ее семантикой (Taylor 1996, p.26). Отметим, однако, что такие ограничения, обусловленные полисемной структурой слова, могут быть

выявлены и другими методами анализа, в частности, анализом валентности слова, а также методом функторного анализа, который будет описан в разделе 2.3.

Описание многозначности с позиций когнитивной лингвистики предполагает введение инвариантного значения, которое считается в принципе допустимым, поскольку инвариант может существовать в сознании носителя, облегчая человеку восприятие концепта (хотя, не у всякой языковой единицы можно обнаружить значение такого уровня абстракции). Инвариант, однако, не покрывает всего разнообразия употреблений языковой единицы - это только некоторая абстрактная идея, связанная с данным значением. Подчеркнем, что такой подход вполне согласуется с традиционной трактовкой полисемии, взгляды на которую были нами рассмотрены в первой главе (в разделе 1.1.).

Для концептуального моделирования многих особенностей функционирования значения слова и предложения стали использоваться категории теории знаний - аппарат фреймов и сценариев.

Согласно М.Минскому, который занимался разработкой аппарата фреймов и сценариев, фрейм - это фрагмент знаний, т.е. структура данных, представляющих стереотипную визуальную ситуацию. Например, перед тем, как войти в комнату, мы обычно имеем представление о том, что мы увидим. Если комната нам знакома, наше предварительное знание включает разного рода детали, например, расположение мебели, покрытие пола и т.п. М.Минский считает, что в действительности люди сводят конкретные предметы к их прототипам, в результате чего у них и формируются их собственные представления о стандартных предметах. Сценарный же фрейм, как отмечает ученый, - это структура данных относительно некоторой темы, такой, как, например, покупка товаров в магазине, принятие душа или использование копилки. Каждый фрейм состоит прежде всего из набора утверждений о теме фрейма (Minsky 1975, p.211-277).

Одной из теорий, в основе которой лежит понятие фрейма интерпретации, является семантическая теория Ч.Филлмора. Фрейм, по

Ч.Филлмору, - это "определенные группы слов, которых удерживает вместе то, что они мотивируются, определяются и взаимно структурируются особыми унифицированными конструкциями знания или связанными схематизациями опыта" (Филлмор 1988, с.54). Ч.Филлмор считает, что для семантики фреймов более важны суждения о понимании, чем суждения об истинности, так как семантика фреймов требует объяснения способности носителя языка "воссоздавать" "мир" текста, опираясь на интерпретацию его элементов. Данную точку зрения ученый доказывает на анализе примеров, включающих в себя контексты, которые противопоставляют фрейм *land - sea* "суша - море" фрейму *ground - air* "земля - воздух". "Благодаря этим оппозициям мы осознаем, что определение местонахождения чего-либо "на сухой поверхности земли" требует выбора одного из этих фреймов в зависимости от того, чему противопоставлено данное местоположение - нахождению в воде или в воздухе. Если мы услышим о виде птиц, проводящих жизнь *на земле* (*on the ground*), то мы должны заключить, что им может быть присуща способность плавать, но не летать; услышав же о птицах, живущих *на суше* (*on land*), мы должны соответственно сделать вывод, что они могут обладать способностью летать, но не плавать. Если мы узнаем от кого-либо, что некто сумел провести сегодня два часа *на суше* (*on land*), мы вправе предположить, что на два часа было прервано морское путешествие, а не полет на самолете" (там же, с.70). Думается, что данная семантическая теория представляет собой некую программу исследования лексического значения, определения и экспликации семантики грамматических конструкций и предложений (в том числе многозначных), а также текста.

Таким образом, фрейм включает в себя всю информацию о каком-либо предмете или событии. Данному предмету или событию может принадлежать различное количество сценариев. А это означает, что мы можем рассматривать предмет или событие в разных ракурсах, что само по себе уже ведет к неоднозначности понимания рассматриваемого предмета или события. В таких случаях экспликация смысла осуществляется не только на уровне

элементарных семантических единиц, но затрагивает и мыслительную деятельность.

Итак, в современной лингвистике исследуются различные методы структурно-семантического анализа предложения-высказывания и его элементов. Каждый из этих методов способен вскрыть те или иные особенности высказывания. Наибольшую эвристическую и объяснительную силу при описании многозначных высказываний имеет вскрытие различий между глубинной и поверхностной структурой. Аппарат фреймов и сценариев, применяемый для схематизации семантики языковых единиц, позволяет моделировать возможные контексты их функционирования, но не эксплицирует особенности функционирования многозначных высказываний.

2.2. ПРЕДЛОЖЕНИЕ-ВЫСКАЗЫВАНИЕ КАК ОБЪЕКТ МОДЕЛИРОВАНИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ

Инвентарь предложений, как известно, бесконечен и не может быть задан никаким списком. В силу этого единицей синтаксиса является не конкретное предложение, а абстрактная схема, или по А.И.Смирницкому, "формула строения" (Смирницкий 1957, с.35), в отвлечении от ее конкретного лексического наполнения. Это еще раз говорит о том, что синтаксис оперирует не столько языковыми единицами, сколько отношениями между языковыми единицами в строе связной речи.

Д.Н.Шмелев полагает, что в основе конкретных синтаксических конструкций с их индивидуальным "лексическим наполнением", как правило, лежат объективно закрепленные схемы конструкций. Под конструкцией автор понимает любое синтаксически значимое объединение слов. Для определения функциональной значимости конструкций необходимо установление их парадигматического значения. Именно парадигматическая закрепленность конструкции, т.е. соотношение с другими конструкциями, определяет ее синтаксическое значение (Шмелев 1969, с.156-157). Другими словами, каждая

конструкция находится в сложной взаимосвязи с целым рядом других конструкций, противопоставленных ей по определенным признакам.

По мнению В.М.Солнцева, типовая схема предложения представляет собой некоторый инвариант, относительно которого реальные предложения, построенные в соответствии с данной схемой, являются вариантами. Процесс порождения предложений проявляется в виде последовательного производства (органами речи) цепочки слов. Это и есть, как считает ученый, процесс заполнения типовой схемы. Образуется упорядоченная последовательность слов, которая в абстрактном виде выступает как последовательность грамматических классов слов (частей речи), ибо каждое слово в реальном предложении выступает как представитель такого класса (Солнцев 1976, с.118).

Аналогичного мнения придерживается А.И.Назарова, определяя модель "как совокупность классов лингвистических элементов, взятая в определенной последовательности" (Назарова 1972, с.7). В качестве основных синтаксических классов выделяются финитные (лично-глагольные), субстантивные, адъективные и адвербиальные элементы.

Синтаксические отношения в предложении-высказывании допускают по их свойствам три разбиения. В первом разбиении выделяются первичные и вторичные синтаксические отношения. Основанием деления в этом разбиении является отсутствие или наличие скрытого, латентного предикативного отношения. Например, в предложении *Стояла избушка без окон* связь слов *избушка* и *без окон* опосредована семантикой предложения *Избушка была без окон*. Во втором разбиении выделяются формальные и содержательные синтаксические отношения. Основанием деления в этом разбиении является связь слов по их формам и связь слов по их содержанию.

Формальными синтаксическими отношениями называются связи слов, которые различаются в зависимости от форм слов, связанных между собой. Примером формальных синтаксических отношений является управление: связь глагола *читает* с формой винительного падежа *книгу* в предложении *Он читает книгу* есть формальное синтаксическое отношение между словами.

Содержательными синтаксическими отношениями называются такие связи слов, которые отображают отношения означаемых этих слов.

Содержательными синтаксическими отношениями являются предикативные, объективные, субъективные, атрибутивные и обстоятельственные отношения. В третьем разбиении выделяются синтаксические отношения в парах слов и в целом предложении. Можно выделять синтаксические отношения в парах слов, например, *читал книгу* или *чтение книги*. В данном случае мы наблюдаем связь управления. Можно выделять синтаксические отношения слов в целом предложении, например слова *сын - письмо - матери* в предложении *Сын послал письмо матери* связываются в одно целое глаголом. В данном случае мы наблюдаем связь слов в структуре целого предложения (Ломтев 1973, с.5-6).

В концепции И.Б.Долининой базовым для синтаксического анализа выступает понятие связи. Связь ею рассматривается как реализованная валентность, а именно "способность элементов одного уровня лингвистического анализа сочетаться друг с другом и считать, что эта способность определяется их внутренними, в первую очередь, семантическими свойствами" (Долинина 1977, с.28).

Ю.Д.Апресян выделяет семантическое и синтаксическое управление. По мнению ученого, все слова с одинаковым значением имеют одну и ту же семантическую модель управления, независимо от того, в какой форме они употреблены и к какой части речи относятся. Так, слово *лечит* требует по смыслу максимум пять "актантов": *кто лечит (врач), кого лечит (пациент), от чего лечит (болезнь), чем лечит (лекарство) и в чем лечит (больница)*. В том случае, когда этот смысл реализуется в исконной глагольной форме, достигается максимальное соответствие моделей семантического и синтаксического управления и синтаксически оказывается возможной реализация всех пяти "актантов" (Апресян 1969, с.302).

В своих более поздних работах Ю.Д.Апресян выдвигает идею интегрального описания языка, принцип которой "требует согласования

словаря и грамматики по типам помещаемой в них лингвистической информации и формальным языкам ее записи" (Апресян 1999, с.41). Как считает ученый, описание лексемы должно включать сведения о ее значении, ее коммуникативно-просодических свойствах, ее морфологических и синтаксических свойствах, а также о других лексемах, семантически близких к данной (ее синонимам, конверсивам, антонимам, дериватам и т.п.).

В целом реальная сочетаемость слова формируется как результат целого набора разноплановых валентностей или сочетаемостных правил, главными из которых являются правила сочетаемости понятийные (предметно-логические), семантические, лексические, лексико-синтаксические, морфолого-синтаксические (формально-синтаксические). Например, *торговать* - 1) им. п. - агент торгового отношения + твор. п. - объект торговли: *мы торгуем пушниной*; 2) им. п. - агент торгового отношения + предлог *с* + твор. п. - взаимный контрагент торговли: *мы торгуем со многими странами*; *продавать* - им. п. - агент продажи + дат. п. - контрагент + вин. п. - объект продажи: *охотник продал соседу ружье* (Никитин 1988, с.123). Следовательно, многозначный характер соотношений между классами слов и синтаксическими формами приводит к необходимости различать в словах наряду с их семантическими (семантико-синтаксическими) валентностями и независимо от них валентности синтаксические (формально-синтаксические) - это формулы выражения свойственных слову семантических валентностей в терминах грамматических разрядов сочетающихся слов и способов синтаксической связи между ними.

Таким образом, можно утверждать об интегративности содержания высказывания. Это в скрытой или явной форме признают все ученые. В частности, Н.Н.Болдырев пишет: "содержание любого высказывания не сводится к простой сумме значений используемых в нем языковых единиц. Оно есть результат действия интегративного принципа, т.е. принципа интеграции лексических и грамматических значений всех элементов высказывания и его структурного значения" (Болдырев 2001, с.41). При описании проблемы моделирования высказывания нельзя не рассмотреть проблему словосочетания.

Словосочетание занимает в лингвистической теории довольно двусмысленное, промежуточное положение. Характерно, что оно рассматривается с двух позиций: либо сверху вниз, со стороны предложения, как часть предложения, но еще и не слово, либо снизу вверх, со стороны слова, как некоторое соединение слов, не образующее, однако, еще предложения. Собственно говоря, как раз это различие позиций делает возможным истолковать словосочетание столь разнообразным образом, т.е. и как синтагму, и как непосредственное составляющее и пр. Иногда даже и само предложение определяется как один из видов словосочетаний. Например, у А.А.Реформатского мы обнаруживаем такое определение: "Предложение - это высказывание, содержащее предикативную синтагму" (Реформатский 1967, с.332). В лингвистике под словосочетанием понимается "существующая в языке независимо от предложения некоммуникативная синтаксическая единица (структура), образуемая соединением двух или более полнозначительных слов на основе подчинительной грамматической связи и того отвлеченного значения (отношения), которое порождается этой связью" (Основы построения описательной грамматики 1966, с.134).

В данной работе под словосочетанием мы будем иметь в виду синтагму, которая, по определению Э.П.Шубина, понимается как "такой грамматически оформленный отрезок предложения, состоящий минимум из двух значительных слов, который или совпадает со всем предложением (за исключением его интонационно-пунктуационного оформления) - старшая синтагма, или вычленяется на любом уровне бинарного членения старшей синтагмы (не-бинарное членение наблюдается в случае сочинительных синтагм, содержащих более двух членов)" (Шубин 1969, с.108).

Таким образом, синтаксическая модель может рассматриваться в тройном аспекте: как член определенной парадигмы, как член определенной синтагмы и как реализация определенной схемы валентностей.

2.3. ПРИМЕНЕНИЕ КОНТРАДИКТНО-СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА ДЛЯ АНАЛИЗА И ИНТЕРПРЕТАЦИИ МНОГОЗНАЧНОСТИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Представляется целесообразным охарактеризовать способ применения контрадиктно-синергетического подхода для анализа и интерпретации многозначных высказываний. Контрадиктно-синергетический подход был разработан и применен при исследовании целого текста, но, как показала практика нашего исследования, он имеет достаточную объяснительную силу и для процессов, обуславливающих многозначность предложения-высказывания. Важнейшими понятиями, которые используются нами при анализе и интерпретации многозначных высказываний, являются 1) функтор и функторизация, 2) симметрия-асимметрия и симметризация-асимметризация, 3) смысловая сфера-мир.

Одним из основных понятий контрадиктно-синергетического подхода является понятие функтора.

Одним из первых, кто ввел понятие "функтор", был математик Х.Карри. Х.Карри выделил следующие основные виды функторов: "операторы", преобразующие имена в имена, "глаголы" или "предикаторы", преобразующие имена в предложения, "коннекторы", преобразующие предложения в предложения, и "субнекторы", преобразующие предложения в имена (Карри 1969, с.63). Отметим, что используемые им термины "имя", "глагол", "предложение" не тождественны лингвистическим. Что касается термина "функтор", то он применяется в лингвистике, как мы покажем в дальнейшем, в разных значениях.

Если Х.Карри соотносил понятие "функция" с математическими единицами, то А.В.Бондарко использует это понятие применительно к языковым единицам, рассматривая функцию языковой единицы как потенциал ее функционирования, а функцию высказывания - как передачу его смысла. По мнению А.В.Бондарко, в понятии "функции" могут быть выделены два аспекта: потенциальный и целевой. Последний соответствует широко

распространенному пониманию функции как цели (назначения, предназначения) того или иного языкового средства. Потенциальный аспект заключается в способности данной единицы к реализации определенных целей. Одной из возможных разновидностей представления потенциала функционирования грамматических единиц является понятие "семантического потенциала" грамматической формы. С другой же стороны, понятие "потенциал функционирования" охватывает не только семантические, но и структурные функции (функции согласования, структурные функции средств связи в сложном предложении и т.п.) (Бондарко 1984, с.26-28, 40).

В работах Ю.С.Степанова функтор определяется как "языковое средство транспозиции одного множества языковых единиц в другое множество единиц того же языка." При этом, по определению автора, "функция есть свойство, или значение, функтора" (Степанов 2001, с.35).

По мнению Ю.С.Степанова, функтором может быть отдельная языковая единица, сочетание отдельных единиц в синтагму, структурная схема предложения, а также операция преобразования. Функтор-языковая единица может быть морфемой, словом, словосочетанием, фонемой. Функтор-синтагма является минимальной моделью синтаксического построения, в котором релевантными элементами служат порядок слов и/или формальные показатели связи. Как функтор, структурная схема предложения имеет область определения функции лексику, т.е. слова, заполняющие соответствующие места в этой схеме; значение этой схемы-функтора - предикирование, предикация. Примером функтора-операции могут служить в общем случае все синтаксические трансформации при условии, что они применимы к некоторому множеству синтаксических явлений, а не к отдельным явлениям. Под понятие функтора-операции могут быть подведены также некоторые виды конверсии (Степанов 2001, с.37-39. 258).

Термин "функтор" - один из базовых терминов в рамках контрадиктно-синергетического подхода, разработанного Н.Л.Мышкиной. Согласно Н.Л.Мышкиной, функторы - это "многозначные и многомерные текстовые

единицы, обладающие способностью, с одной стороны, irradiровать проекции-излучения в текстовое пространство, с другой стороны, транспонировать одно множество текстовых единиц в другие множества текстовых единиц той же или иной текстовой системы, запуская тем самым процессы функторизации, симметризации-асимметризации, интеграции-деинтеграции" (Мышкина 1999, с.22).

Представляется целесообразным всесторонне охарактеризовать этот термин, так как он, наряду с симметрией-асимметрией, является базовым в нашем исследовании как при анализе, так и при интерпретации многозначных высказываний.

Согласно приведенному выше определению, функтором могут быть любые средства создания многозначности высказывания, которые служат для транспонирования одних множеств языковых единиц в другие множества единиц, обеспечивая при этом выявление веера возможных смыслов высказывания. Функторными свойствами обладают прежде всего единицы с неопределенной, расплывчатой, многозначной семантикой. Функторами могут быть слово, словосочетание и само предложение-высказывание. Эти единицы выступают "как точки ветвления текстовой системы, как источники развития текстового пространства и как средства транспонирования одних множеств элементов в другое множество элементов" (там же, с.26).

Между тем, как было отмечено в первой главе, практически любой языковой знак асимметричен. Однако традиционно утверждалось, что в контексте любая языковая единица становится однозначной, что сохранение языковой единицей своей многозначности возникает вследствие ошибок говорящего. Многозначность допускалась и признавалась как особая стилевая черта художественной речи. И лишь в последние десятилетия 20 века было доказано, что в любом типе речи, в любом стиле предложение может сохранять свою многозначность и что эта многозначность может быть преднамеренной (Налимов 1979; Литвинов 1984; Ольшанский, Скиба 1987; Цоллер 1988; Collins 1995; Simon 1995; Miall, Kuiken 1996).

Именно поэтому природа и функции многозначности, а также факторы ее создания в высказывании и тексте могут быть замечены при отказе от установки, что в тексте снимается многозначность языковых единиц. Иными словами, должна быть установка на поиск многозначности. Именно такой поиск обеспечивают метод функторного анализа и метод симметрии-асимметрии.

Согласно теории Н.Л.Мышкиной, реализация в высказывании многомерного движения осуществима благодаря функторным свойствам языковых единиц. Функторные единицы транспонируют одни множества элементов высказывания в другие множества элементов системы, а также иррадируют в разные планы пространства высказывания проекции-излучения множества смыслообразов. Именно поэтому при контрадиктно-синергетической интерпретации смысла высказывания изучение единиц высказывания начинается с установления роли функторных единиц. В данной работе внимание прежде всего концентрируется на функторах-смыслопульсарах и функторах-симметризаторах, которые организуют единицы высказывания в единое целостное пространство высказывания.

Функторы смыслопульсары - многозначные единицы, которые сохраняют в тексте свою многозначность и определяют веер возможных линий развития высказывания (Мышкина 1998, с.133). Функторы симметрии - это единицы высказывания, которые своей семантикой скрыто (имплицитно) или явно (эксплицитно) связывают фигуры или сопровождающие их смыслообразы отношениями симметрии или асимметрии (там же, с.93).

Отметим, что наши наблюдения показали, что в роли функторов могут выступать синтагмы, представленные словосочетаниями. Например: Интересно знать, *кого это хоронят с такими удивительными лицами* (Булгаков 1988, с.230).

В данном предложении функтором является синтагма "кого это хоронят с такими удивительными лицами", в которой превалируют две синтаксические связи (валентности): а) кого - хоронят - с такими удивительными лицами, б)

кого это хоронят - с такими удивительными лицами. В результате этого предложение получает два прочтения: а) *кого-то, кто имеет удивительные лица, хоронят*, б) *кто-то, кто имеет удивительные лица, хоронит*.

Совокупность языковых средств, используемых для репрезентации того или иного образа, актуализирует "фигуру". Под фигурой понимается "смыслообраз, который является энергетическим центром и притягивает к себе или отталкивает от себя те или иные смыслообразы" (Мышкина 1998, с.81). Языковые средства, реализующие отношение "столкновение, взаимодействие", выступают как факторы симметрии. Они связывают фигуры отношениями симметрии или асимметрии. Изучение способов отображения взаимодействия фигур основано на анализе средств, используемых для обозначения центров притяжения, и средств, актуализирующих отношения взаимодействия, симметризации-асимметризации. Эти отношения могут быть выражены как эксплицитно, так и имплицитно.

При изучении процессов симметризации и асимметризации одним из базовых является понятие смысловая сфера-мир. Этот термин позволяет трактовать пространство высказывания как объемное многомерное пространство, находящееся в постоянном движении. "Смысловые сферы-миры - это динамические интегративные образования, репрезентирующие миры субъектов. Вероятна также возможность "перерождения" смысловой сферы-мира. Перерождение имеет место в тех случаях, когда энергетическим центром становится не сам субъект высказывания, а объект его деятельности. Тогда субъект уходит в "фон", и для интерпретации его мира, его сознания необходим анализ имплицитных смыслов" (Мышкина 1998, с.82).

Смысловые сферы-миры многоплановы. Это обусловлено сложным строением действительности, получающей отображение в высказывании. В высказывании могут репрезентироваться не только предметы и явления объективной действительности (внешнего мира по отношению к личности), но также явления субъективной действительности (внутренний мир личности), при

этом последняя имеет сложное строение вследствие многоаспектности сознания, духовного мира человека.

Н.Л.Мышкиной в предметно-смысловых мирах субъектов выделяется четыре плана: предметно-событийный, интеллектуальный (концептуальный), оценочный и гедонистический. Предметно-событийный план формируется компонентами смысла, репрезентирующими те или иные предметные области, те или иные ситуации объективной реальности. В концептуальный план входят компоненты, функция которых заключается в соотношении текста с определенными идеями, символическими, терминологическими и иными системами. Оценочный план образуется компонентами, актуализирующими оценочное отношение индуктора к предметным ситуациям и идеям. План, связанный с выражением элементов переживания, называется гедонистическим, так как человеку свойственно стремление к переживанию удовольствия (Мышкина 1991, с.97).

К гедонистическому плану правомерно отнести и средства выражения эмоций, так как эмоции можно трактовать как разные аспекты переживания. На наш взгляд, можно считать доказанным, что эмоции в языковой картине представляются как сценарии. В развитии эмоций, в соответствии с этой картиной, Ю.Д.Апресян выделяет следующие пять стадий:

- 1) первопричина эмоции - обычно физическое восприятие или ментальное созерцание некоторого положения вещей;
- 2) непосредственная причина эмоции - ментальная оценка этого положения вещей как вероятного или неожиданного, хорошего или плохого;
- 3) собственно чувство - состояние души, обусловленное положением вещей, которое человек воспринял или созерцал, и его ментальной оценкой этого положения вещей;
- 4) обусловленное ментальной оценкой или собственно эмоцией желание продлить или пресечь существование причины, вызывающей эмоцию;
- 5) внешние проявления эмоции (Апресян 1999, с.42).

По мнению Ю.Д.Апресяна, "сценарий развития эмоций задает естественный план семантического описания соответствующего круга лексем... Для каждого слова, обозначающего эмоцию, должен быть указан фактор, восприятие или созерцание которого вызывает ее; ментальная оценка этого фактора субъектом эмоции; тип собственно чувства, которое он испытывает; желания, сопровождающие эмоцию; внешние проявления эмоции" (там же, с.43).

В связи с анализом и интерпретацией оценочного и гедонистического планов многозначного высказывания отметим, что эти два плана очень часто в своем взаимодействии друг с другом сливаются в единый план.

Из всего вышесказанного вытекает, что высказывание, находясь в или вне текста, функционируя в речевой ситуации, может обладать всеми вышеизложенными характеристиками, присущими тексту. В связи с этим мы представляем высказывание как многомерное пространство, в котором можно выделить несколько взаимодействующих смысловых сфер со следующими планами: 1) предметно-событийным; 2) концептуально-интеллектуальным; 3) эмоционально-оценочным; 4) гедонистическим.

Для корректного анализа веера линий развития высказывания необходимы следующие шаги:

1. Выделить многозначное высказывание из контекста:

а) берем микротекст - либо это логически заверченный микротекст (например, абзац, диалог или часть диалога), который описывает какой-либо предмет или ситуацию; либо это несколько предложений из текста, логически связанных между собой.

б) определяем в микротексте многозначное высказывание - это высказывание, которое дает возможность описать предмет или ситуацию в нескольких линиях развития, так как является точкой ветвления смысла.

2. Определить и описать средство создания многозначности высказывания, т.е. функторную единицу/единицы;

3. Определить смысловые компоненты планов, которые данная функторная единица иррадирует в пространство высказывания;
4. Проанализировать взаимодействие функторных единиц в высказывании и, если это необходимо, в микротексте;
5. Описать развитие процессов в высказывании как процесс симметризации-асимметризации, охарактеризовать при этом процесс креации новых смыслов;
6. Выявить роль и значимость функторов в функторизации всего высказывания.

Обратимся к анализу фактического материала:

Разговор между Пилатом и Иешуа:

Пилат: Так ты собирался разрушить здание храма и призывал к этому народ?... (Булгаков 1988, с.34)

Иешуа: ...Я, игемон, никогда в жизни не собирался разрушать здание храма и никого не подговаривал на это бессмысленное действие (там же, с.34).

Пилат: А вот что ты все-таки говорил про храм толпе на базаре? (там же, с.36)

*Иешуа: **Я, игемон, говорил о том, что рухнет храм старой веры и создастся храм истины.** Сказал так, чтобы было понятнее... (там же, с.36)*

Пилат: ...Так ты утверждаешь, что не призывал разрушить...или поджечь, или каким-либо иным способом уничтожить храм? (там же, с.38).

Иешуа: Я, игемон, никого не призывал к подобным действиям, повторяю. Разве я похож на слабоумного? (там же, с.38)

1. Многозначным высказыванием в вышеприведенном примере являются слова Иешуа *Я, игемон, говорил о том, что рухнет храм старой веры и создастся храм истины.*

2. Итак, слово *храм* является функтором.

3. *Храм* связан с множеством проекций-излучений разных планов. Важнейшие из них: 1) здание, предназначенное для совершения богослужений и религиозных обрядов; 2) место, внушающее по каким-либо причинам чувство

глубокого почтения, благоговения; 3) область, сфера каких-либо высоких духовных ценностей (Словарь русского языка 1999, т.4, с.623). Храм способен вызвать у людей как отрицательные, так и положительные эмоции. Поэтому проекции-излучения смыслообразов гедонистического и оценочного планов, иррадиируемые данной лексической единицей, неоднозначны.

4. Функторная единица "храм" входит во взаимодействие с другими лексическими единицами "рухнет", "веры", "истины", "старый".

Рухнет обладает скрытыми функторными свойствами. Эта лексическая единица выбрана автором из множества возможных, таких как: *развалится*, *упадет*, *исчезнет*, *рассыплется*, *уничтожится* и многих других. Из этого ряда единица "рухнет" наиболее многозначна. Ее проекции-излучения относятся прежде всего к предметному плану, но могут относиться и к концептуально-интеллектуальному плану: 1) обвалиться, упасть с шумом, разрушаясь; обрушиться; 2) исчезнуть, перестать существовать (Словарь русского языка 1999, т.3, с.742). И в первом и во втором случае возникает фоновая смысловая составляющая "на самом деле существование чего-либо, что можно разрушить". Оценочно-гедонистический фон единицы образуют противоречивые смыслообразы, связанные с возможностью разной оценки факта "рухнет" и испытываемого при этом переживания удовольствия или неудовольствия.

Вера несет в себе следующие проекции-излучения концептуально-интеллектуального и гедонистического планов: 1) твердая убежденность, уверенность в чем-либо, в исполнении чего-либо; 2) состояние сознания, связанное с признанием существования бога, убеждения в реальном существовании чего-то сверхъестественного; то или иное религиозное учение; религия (Словарь русского языка 1999, т.1, с.149). Ее оценочно-гедонистический фон составляют смыслообразы как положительной (вера в бога), так и отрицательной (вера в дьявола) энергетики.

Истина проецирует в интеллектуальный, оценочный и гедонистический планы смыслообразы 1) то, что соответствует действительности; 2)

нравственный идеал, добро (Словарь русского языка 1999, т.1, с.688). Истина связана с верой в то, что неизменно, нерушимо, извечно. Однако то, что для одних является истиной, для других может и не быть ей. Поэтому смыслообразы гедонистического и оценочного планов, иррадируемые данной лексической единицей, неоднозначны.

Старый - в сочетании с лексической единицей *вера* воспринимается как "давно существующий, возникший, появившийся за долго до настоящего времени" (Словарь русского языка 1999, т.4, с.252). Смыслообразы гедонистического плана неоднозначны. В гедонистическом плане слово "старый" может нести как положительный (проверенный временем; старый лучше нового; опытный), так и отрицательный (несовременный; отстающий от настоящего времени; утративший со временем свои качества) смыслообраз.

5. Основу развития процессов в высказывании составляет симметризация-асимметризация смыслообразов. Ее можно характеризовать следующим образом.

В анализируемом высказывании сталкиваются два глубинных смыслообраза: "храм-строение - храм-сфера духовных ценностей". Их столкновение вызывает скрытую актуализацию проблемного смыслообраза: "Почему храм не физический объект, а духовный?" В столкновении всех проекций-излучений возникает имплицитный смыслообраз: "храм - идея верующих".

6. Главными центрами высказывания выступают слова "храм", "рухнет", "вера", "истина", "старый", вокруг которых концентрируются свои собственные смыслообразы. В результате этого в высказывании возникает несколько смысловых сфер-миров, между которыми есть сходства и различия. В столкновении этих смысловых сфер-миров актуализируется смыслообраз концептуально-интеллектуального плана, который можно охарактеризовать, очевидно, следующим образом: в идеологической сфере борьба идей репрезентируется как противостояние веры и истины, вследствие чего

имплицитруется суггестивный смыслообраз гедонистического плана - вера в победу истины.

Итак, анализ взаимодействия функторных единиц, интерпретация процессов симметризации-асимметризации выявляет возможные линии развития многозначного высказывания и позволяет эксплицировать его скрытые смыслы.

Приведем еще один пример, характеризующий метод симметрии-асимметрии в сочетании с функторным методом.

Чекалинский стал метать, руки его тряслись, направо легла дама, налево туз.

-Туз выиграл! - сказал Германн и открыл свою карту.

-Дама ваша убита, - сказал ласково Чекалинский.

Германн вздрогнул: в самом деле вместо туза у него стояла пиковая дама. Он не верил своим глазам, не понимая, как мог он обдернуться.

В эту минуту ему показалось, что пиковая дама прищурилась и усмехнулась. Необыкновенное сходство поразило его...

-Старуха! - закричал он в ужасе. (Пушкин 1987, с.210-211)

Предложение-высказывание "дама ваша убита" многозначно. "Дама ваша" выступает в данном высказывании прежде всего как функтор симметрии. Смысловая структура речевой единицы "дама ваша" включает смысловые компоненты предметно-событийного, эмоционально-оценочного, концептуально-интеллектуального и гедонистического планов; одни из компонентов являются доминантными, другие - фоновыми.

В предметно-событийном плане доминантны следующие компоненты: а) наличие старой графини, которая отождествляется с пиковой дамой, б) наличие карточной пиковой дамы, в) смерть старой графини, г) проигрыш ставки на пиковую даму, д) наличие отношения сходства между двумя образами - мертвой старухи и пиковой дамы. В концептуально-интеллектуальном плане доминируют следующие компоненты: а) выигрышная комбинация карт - тройка, семерка, туз -, которую во сне сообщила ему старая графиня, б) вера Германна в то, что мертвая графиня могла иметь вредное влияние на его жизнь;

в) связь предметной ситуации "мертвая графиня - пиковая дама" с идеей "симметрии-асимметрии" (тождества-контраста). В эмоционально-оценочном плане выделяем компонент: внешнее сходство карточной пиковой дамы с образом мертвой старухи. Компоненты гедонистического плана сливаются с компонентами эмоционально-оценочного плана, составляя фон единицы, ее скрытые энергетические излучения: энергетический заряд данной речевой единицы отрицателен.

В анализируемом высказывании эксплицитно и имплицитно заданы две симметризуемые смысловые сферы-мира - фигура пиковой дамы эксплицитна, а фигура мертвой старой графини имплицитна - во взаимодействии со смысловой сферой-миром Германа. Изучение этого взаимодействия позволяет сделать следующие выводы: пиковая дама, т.е. мертвая графиня, проникла в строй трех "верных карт", на место завершающего их туза, и разрушив планы Германа, осуществила волю рока, "тайную недоброжелательность" судьбы. В то же самое время произошло разрешение проблемной ситуации для Германа. Убив старуху, "он верил, что мертвая графиня могла иметь вредное влияние на его жизнь..." Мертвая графиня обернулась для Германа пиковой дамой, которую выдали ее усмешка и прищушивание глаза, тем самым создавая и снимая напряжение, преследующее Германа уже несколько дней. С одной стороны, старуха, как будто возвратилась, чтобы разрушить его жизнь, с другой стороны, теперь он знал, как ее убийство повлияло на его судьбу.

Таким образом, интерпретация функторных единиц и процессов симметризации-асимметризации позволяет обнаружить и описать скрытые формы приращения смысла, охарактеризовать динамику смыслового пространства высказывания, вскрыть роль симметрии-асимметрии и функторизации в выражении идей автора.

2.4. СРЕДСТВА ФУНКТОРИЗАЦИИ СМЫСЛОВОГО ПРОСТРАНСТВА

Функторами - точками ветвления смыслового пространства многозначного высказывания - выступают, как мы уже отмечали, те из

языковых единиц, которые не только сохраняют свою многозначность в контексте высказывания, но и вызывают неоднозначность всего высказывания. Этот процесс называется функторизацией (Мышкина 1999). Он сопровождается приращением коммуникативно-прагматического смысла. Прежде чем мы перейдем к рассмотрению коммуникативно-прагматического аспекта многозначных высказываний (см. гл.3), считаем целесообразным охарактеризовать средства функторизации.

Функторизация обуславливается по нашим данным прежде всего 1) системной многозначностью или, в другой терминологии, языковой неоднозначностью; 2) процессами симметризации-асимметризации, вызванными референциально обусловленной многозначностью или, в другой терминологии, коммуникативной неоднозначностью.

2.4.1. СРЕДСТВА СИСТЕМНОЙ МНОГОЗНАЧНОСТИ

К средствам системной многозначности Й.Уилкс относит лексическую (омонимию и полисемию слов), структурную (глубинно-падежную) и местоименно-референциальную многозначность (Уилкс 1983, с.319).

Н.В.Перцов дает иную классификацию средств, относимых им к языковой неоднозначности:

- а) лексическими единицами (лексемы или фраземы);
- б) синтаксическими конструкциями;
- в) граммами (или квазиграммами) (имеется в виду полифункциональность - или множественность интерпретаций - некоторого грамматического значения);
- г) анафорическими местоимениями (неоднозначное соотнесение местоимения и его возможного антецедента) (Перцов 2000, с.56).

Для целей описания процессов функторизации мы, однако, считаем в принципе достаточным различать лексические и синтаксические средства, поскольку, как метко отметил И.А.Мельчук, для передачи информации, содержащейся в любой фразе, естественными языками применяются средства

двух типов: лексика и синтаксис. К синтаксическими средствами он относит: 1) порядок слов, 2) определенные интонации (в письменном тексте следует говорить о знаках препинания), 3) определенные морфологические изменения. Синтаксическим средствам, по мнению ученого, присуща высокая степень неоднозначности и неэксплицитности: как правило, они передают те сведения, для выражения которых применяются, весьма запутанным и неявным образом (Мельчук 1974, с.208-209).

В случае использования лексических средств функторизация высказывания возникает вследствие актуализации двух (и более) значений слова. Такое употребление лексики характерно как для русского, так и для английского языков. Например:

*Объявление: **Выводим** пятна и клиентов из себя.* (Санников 1996, с.65)

Глагол здесь одновременно реализует два значения: 1) "почистить" и 2) "заставлять нервничать". Двойственная интерпретация глагола обусловлена наличием двух сочиненных дополнений, т.е. ветвление смысла поддерживается синтаксическим уровнем высказывания, что и ведет к его функторизации: возникает дополнительный - комический - смысл.

*Physician: Shall I give her a **local** anesthetic?*

Nouveau Riche: No. I'm rich - Give her the best of what you have. Give her something imported. (Такова жизнь 2001, с.57)

Прилагательное "local" имеет два значения: первое связано с медицинской терминологией и означает "введение лекарства в определенной место, которое надо "заморозить"; второе значение связано с происхождением этого лекарства и означает "что-либо местного производства". В микротексте обыгрываются оба значения; функторизация смыслового пространства выражается, во-первых, в возникновении комического смысла, во-вторых, в актуализации смыслообразов оценочного и гедонистического планов "хвастливость", "невоспитанность", "малообразованность" в сочетании с неудовольствием, которое преодолевается реакцией "защиты" - смехом.

При изучении синтаксической многозначности, ведущей к функторизации смыслового пространства высказывания, нельзя ограничиться анализом поверхностной структуры. Как известно, изучение характера взаимодействия между семантическими и синтаксическими структурами привело ряд исследователей к необходимости постулирования промежуточного уровня глубинного синтаксиса, представляющего падежно-ролевые рамки предикатов. Предложение в своей глубинной основе трактуется как состоящее из глагола и одной или более именных групп, каждая из которых связана с глаголом определенными падежными отношениями. "...под термином падеж понимается глубинное синтактико-семантическое отношение, а под термином падежная форма - выражение падежного отношения в конкретном языке, безразлично, используется ли для этого аффиксация, супплетивность, добавление энклитических или проклитических частиц или ограничения на порядок слов" (Филлмор 1981, с.399-400).

В.В.Виноградов указывает на то, что в русском языке наблюдается ярко выраженная омонимия, или оморфемность, падежных форм существительных. Больше всего, по мнению ученого, оморфемность находит опору в словах среднего и женского рода (Виноградов 1947, с.176-177).

Так, в предложении *Тут есть над чем подумать и есть что изобразить, потому что ведь речь идет о борьбе социалистически организованной воли не только против упрямства железа, стали но главным образом о сопротивлении живой материи, не всегда удачно организованной в форму человека*, авторство которого принадлежит М.Горькому, благодаря омонимии падежной формы существительного "материя" одна из частей предложения: "...о сопротивлении живой материи", - может получить по крайней мере два толкования. Если считать слово "материи" употребленным в родительном падеже (сопротивление кого? чего? чье? - материи), то речь идет о сопротивлении со стороны "живой материи, не всегда удачно организованной в форму человека". Но если слово "материи" считать употребленным в дательном падеже (сопротивление кому? чему? - материи), то речь идет уже о сопротивлении кому-либо как

олицетворению "живой материи, не всегда удачно организованной в форму человека" (Пузырев 1995, с.306, 309).

В английском языке также наблюдается данное грамматическое явление. Так, например, английское сочетание *Mr.Brown's book* может расшифровываться как *the book of Mr.Brown* (книга, принадлежащая (кому?) мистеру Брауну), *the book by Mr.Brown* (книга, написанная (кем?) мистером Брауном), *the book given by Mr. Brown* (книга, отданная (кем?) или которую отдал (кто?) мистер Браун).

Многозначность в синтаксисе может возникать в результате "конверсионной омонимии", под которой понимается омонимия разных частей речи, т.е. когда одной вещественной форме соответствуют разные формально семантические классы слов (Назарова 1972, с.78). Как правило, в этом случае происходит конверсия понятий *часть речи - член предложения*. Приведем несколько примеров.

Предложение *Рабочие бригады выполнили задание* может означать: *Бригады рабочих выполнили задание*, или же: *Рабочие, входящие в бригаду, выполнили задание*. При первой интерпретации *бригады* - подлежащие, а *рабочие* определение (прилагательное), при второй интерпретации *рабочие* - подлежащие (существительное), а *бригады* - несогласованное определение (родительный падеж единственного числа) (Зарецкий 1961, с.45).

They are broiling hens. Слово *broiling* либо 1) входит в состав смыслового сказуемого и является причастием настоящего времени, либо 2) оно согласуется со словом *hens* и является именем прилагательным. В первом случае предложение получает перевод "они жарят куриц", во втором - "это жаренные курицы".

Предложение *Flying planes can be dangerous* также имеет неоднозначное толкование. Оно создается за счет возможности установления разных связей между словами *flying* и *planes* и особого характера сказуемого, в котором нейтрализовано значение числа. Введение понятия "глубинной структуры" здесь как способ указания на возможность возникновения разных связей между

словами в рамках одного и того же формально-синтаксического отношения (кстати, *flying* и *planes* это явные омонимы, так как разные истолкования отношений между ними идут фактически на уровне "поверхностной" синтаксической связи) есть также метафорическое объяснение того факта, что "одни и те же элементы", взятые в разных значениях или в разных отношениях, образуют и разные конфигурации и зависимости.

Многозначность возникает и при морфологической омонимии. Под морфологической омонимией понимается омонимия предложений, при которой одинаковые по вещественной форме словоформы соответствуют разным морфологическим классам слов.

В таких предложениях выражение синтаксических связей может происходить с помощью аранжировки (порядка слов).

В языках различной типологии, таких как русский и английский, функциональная роль порядка слов проявляется по-разному и в разной степени. В русском языке, благодаря ярко выраженной морфологической оформленности, любой член предложения обладает свободой перемещения в рамках конкретного предложения. В английском языке такая свобода перестановки невозможна из-за слабой морфологизации существительных, прилагательных и глаголов (результат редукции флексий) и закрепления ввиду этого за каждым членом предложения определенного и постоянного места, поскольку в английском языке порядок слов служит средством выражения грамматических отношений. Если и возможно некоторое перемещение членов предложения, то только в рамках специальных грамматических конструкций с определенным семантическим значением. Рассмотрим следующие примеры:

Мать любит дочь.

Окно освещает мотоцикл.

Берег скрывает море.

Холм закрыл лес и т.д.

Такие предложения могут пониматься двояко. В первом случае *мать* (*окно, берег, холм*) - подлежащие, а *дочь* (*мотоцикл, море, лес*) - дополнение; во

втором случае наоборот. В английском языке омонимия такого рода невозможна, так как в английском языке, как было сказано раньше, порядок слов в предложении фиксированный. Сравните:

The mother loves the daughter.

The daughter loves the mother.

По мнению И.В.Одинцовой, в предложении *На террасе она не спит* выражается два значения: локальное и причинное - 1) она не спит, когда находится на террасе; 2) она не спит, потому что находится на террасе. В предложении же *Она не спит на террасе* отношения следует рассматривать прежде всего как чисто локальные (Одинцова 2002, с.70). На наш взгляд, возможно еще одно значение данного предложения: *она спит не на террасе, а где-то в другом месте, а на террасе спит кто-то другой*. Думается, что для английского языка аналогичность ситуации и ее интерпретация сохраняются: *On the terrace she doesn't sleep.*

Согласно А.Н.Баранову, необходимо отметить также речевоздействующий (коммуникативно-прагматический - О.Г.) потенциал выбора порядка слов внутри синтаксических конструкций. В общем случае такой порядок определяется сложными культурно обусловленными иерархиями и может быть использован для ранжирования адресованного партнеру по коммуникации языкового материала в соответствии с интересами говорящего. Автор приводит весьма интересный пример из "Повести о Ходже Насреддине" Л.Соловьева для подтверждения своей мысли:

-Доходное озеро и принадлежащие к нему сад и дом, - сказал он (кадий) многозначительным, каким-то вещим голосом и поднял палец. - Очень хорошо, запишем! Запишем в таком порядке: дом, сад и принадлежащий к ним водоем. Ибо кто может сказать, что озеро - это не водоем? С другой стороны: если упомянутые дом и сад принадлежат к озеру или, иначе говоря, водоему, ясно, что и водоем в обратном порядке принадлежит к дому и саду. Пиши, как я сказал: "дом, сад и принадлежащий к ним водоем!" - По ловкости это был удивительный ход; озеро волшебным превратилось в некий захудалый водоем

(Баранов 2001, с.222). В связи с этим примером следует подчеркнуть, что присущая высказыванию многозначность может быть скрытой и, как явствует из приведенного примера, ее можно заметить только при условии, если высказывание соотносить с референциальной ситуацией. Поэтому данный тип многозначности можно считать коммуникативно и референциально обусловленным, но сама возможность таких высказываний предопределена системными факторами. Главная функция таких высказываний - маскировочная, за ней скрывается "серьезное" намерение адресанта с помощью языковой манипуляции достичь своей цели.

Явления синтаксической многозначности мы также можем наблюдать при различном членении высказывания на синтагмы: *Прошу вас **вторично** произвести поиски пропавших вещей* (Зарецкий 1961, с.19).

*For weeks he would go along **scarcely** thinking of the school teacher himself and telling himself that he had conquered the carnal desire to look at her body* (Anderson 1996, с.9).

В первом предложении наречие *вторично* может относиться либо к сказуемому *прошу*, либо к другому глаголу - *произвести*. Поэтому это предложение можно прочесть следующим образом:

-*Вторично прошу произвести поиски пропавших вещей,*

-*Прошу вас произвести вторично поиски пропавших вещей.*

Во втором примере ситуация аналогичная. Наречие *scarcely* может относиться либо к сказуемому *would go along*, либо к причастию - *thinking*. Это предложение может означать:

-*For weeks he would go along scarcely / thinking of the school teacher himself and...*
(Неделями он практически не выходил из дома, думая о школьном учителе и...)

-*For weeks he would go along / scarcely thinking of the school teacher himself and...*
(Несколько недель подряд он гулял, практически не думая об учителе и...).

Местоимения также могут иметь многозначный синтаксический смысл. Омонимия местоимений наблюдается в следующих случаях:

*Писать **некому**.*

-Нет того, кто мог бы писать.

-Нет того, кому могли бы писать.

Вам нельзя говорить этого.

-Вы не должны говорить этого.

-Не надо, чтобы вам говорили это.

Этот вопрос следовало бы задать **мне**, а не **ему**.

-Этот вопрос должен был задать я, а не он.

-С этим вопросом следовало бы обратиться ко мне, а не к нему.

Мне тебе нечего сказать.

-Я не могу тебе ничего сказать.

-Ты не можешь мне ничего сказать (Зарецкий 1961, с.20).

В английском предложении неоднозначность возникает у местоимений в форме 3-го лица, когда они употребляются во включенной фразе. Формы местоимений 1-го и 2-го лица имеют более очевидную ситуационную соотнесенность: форма 1-го лица всегда относится к говорящему, форма 2-го лица - к слушающему безотносительно к количеству включений. В форме же 3-го лица ситуация меняется: *Alfred told Bill that Charlie knew that David had told Enoch that Francis had said that George had called **him** a fool* "Альфред рассказал Биллу, что Чарли узнал, что Дэвид сказал Иноку, что Френсис говорил, что Джордж назвал его дураком". Местоимение *him* является неоднозначным, так как оно может быть отнесено к лицам мужского пола, упомянутым в тексте и присутствующим в данной ситуации (Энквист 1976, с.244).

Итак, при контрадиктно-синергетической интерпретации многозначного высказывания как в английском, так и в русском языках средствами системной многозначности выступают лексические и синтаксические факторы, которые обуславливают функторизацию предложения-высказывания. Функторизация выражается в процессах приращения смысла высказыванием.

2.4.2. СИММЕТРИЗАЦИЯ-АСИММЕТРИЗАЦИЯ, ВЫЗВАННАЯ РЕФЕРЕНЦИАЛЬНО-ОБУСЛОВЛЕННОЙ МНОГОЗНАЧНОСТЬЮ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Многозначность высказывания может быть не связана с неоднозначностью языковых единиц и конструкций. В этом случае многозначность высказывания связана с соотношением высказывания и изображаемой в нем действительности. Это проявляется, в частности, в том, что тот или иной субъект/объект, то или иное событие могут оцениваться или характеризоваться разными людьми несходным, а иногда и прямо противоположным образом. Многозначность такого рода в данной работе называется референциально обусловленной. Она вызвана коммуникативными факторами, т.е. она возникает тогда, когда семантика и прагматика высказывания не совпадают. Под прагматикой высказывания понимаются прагматические данные, в том числе и энциклопедическая информация (см. раздел 1.3.2., с.29), которые организуются в форме сценариев или фреймов, моделирующих знание о типичных ситуациях.

Директор - служащему:

- Из вас вышел бы прекрасный преступник.

- Но почему же, шеф?

*- **Вы не оставляете никаких следов своей деятельности.*** (Лучшие анекдоты 2001, с.11).

В данном примере референциально неоднозначно предложение "вы не оставляете никаких следов своей деятельности". С одной стороны, данное многозначное предложение подразумевает "деятельность преступника, который не оставляет никаких улик на месте преступления". С другой стороны, данная реплика - форма замечания подчиненному, так как подразумевается, что "подчиненный плохо работает". На гедонистическом плане реализуется смыслообраз "неудовольствие", преодолеваемое формой смеха, вырастающего, в силу распределения социальных ролей, в угрозу.

"They tell me your spinster aunt died quite happily."

*"Yes - somebody told her that **marriages are made in a heaven**."* (Такова жизнь 2001, с.30)

"Говорят, что ваша тетьа, которая никогда не была замужем, умерла счастливой."

"Да, - кто-то сказал ей, что браки совершаются на небесах".

Здесь мы наблюдаем референциальную многозначность, относящуюся к фразе "браки совершаются на небесах". В данной фразе буквальное значение неоднозначно соотносится с подразумеваемым метафорическим значением - "встреча двух любящих сердец на земле".

Таким образом, процессы функторизации порождают симметризацию-асимметризацию элементов смысла в разных планах высказывания. Симметризация-асимметризация может быть вызвана также референциально-обусловленной многозначностью высказывания.

ВЫВОДЫ

1. Существует несколько подходов к моделированию высказывания, которые различаются друг от друга принципами описания исследуемого объекта. Все они в той или иной мере могут быть использованы для раскрытия многозначности предложения-высказывания. При этом, однако, полученные аналитические данные должны интерпретироваться с позиции контрадиктно-синергетического подхода. Преимущество контрадиктно-синергетической интерпретации в многозначности высказывания заключается в том, что она направлена на выявление процессов приращения смысла на разных уровнях высказывания и на уровне целого высказывания.

Исследование предложения-высказывания при контрадиктно-синергетическом подходе позволяет констатировать, что предложение-высказывание - это целое, не сводящееся к сумме его частей. Присущий этому целому смысл возникает благодаря взаимодействию всей совокупности компонентов, образующих высказывание и формирующих его контекст. Различное толкование смысла предложения-высказывания зависит от целого

комплекса значений языковых единиц, получающих реализацию в тексте (ситуации).

2. В контрадиктно-синергетическом исследовании высказывания реализуется принцип комплексного подхода. При изучении высказывания используется комплекс методов анализа и интерпретации высказывания - динамико-структурный, функторный методы, метод симметрии-асимметрии и метода структурно-семантического анализа. Данные методы направлены на изучение процессов функторизации и симметризации-асимметризации, играющих основную роль в выявлении возможных линий развития смысла высказывания.

Важным для контрадиктно-синергетического описания высказывания является анализ функторной единицы. Функтор, являясь точкой ветвления смыслового пространства многозначного высказывания, не только сохраняет свою многозначность в контексте высказывания, но и вызывает неоднозначность всего высказывания.

Множественность смыслов высказывания возникает при взаимодействии функторных единиц и смысловых сфер-миров, являющихся динамическими образованиями, репрезентирующими миры субъектов. Их динамика выявляется через процессы симметризации-асимметризации и функторизации.

При контрадиктно-синергетическом подходе обязательными являются анализ и интерпретация коммуникативно-прагматического аспекта с целью раскрытия коммуникативно-прагматических факторов создания многозначности.

ГЛАВА 3.**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ТИПОЛОГИЗАЦИЯ МНОГОЗНАЧНЫХ
ВЫСКАЗЫВАНИЙ В КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ
АСПЕКТЕ****3.1. КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
МНОГОЗНАЧНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ**

Как известно, прагматический уровень связан с функционированием языковых знаков, отношением между знаками и тем, кто их использует. Поэтому коммуникативно-прагматическая интерпретация многозначного высказывания с позиций контрадиктно-синергетического подхода связана с исследованием коммуникативно-прагматического содержания высказываний в рамках прагматической ситуации. Их изучение базируется прежде всего на выводе косвенных и скрытых смыслов из прямого значения высказывания, при этом учитываются тип глубинной структуры, контекст, прагматическая ситуация, пресуппозиции, подтекст и цели (интенция) говорящего, так как смысл, который говорящий имеет в виду, может включать нечто большее, чем буквальное значение предложения, может отклоняться от буквального значения и даже быть противоположным ему.

Цели (коммуникативный замысел говорящего - оказать воздействие на адресата и вызвать соответствующие замыслу изменения в мире адресата) весьма различны, тактика воздействия на адресата зависит от цели, связана с индивидуальными особенностями как адресанта, так и адресата, и определяет выбор лингвистических средств. Так, по нашим наблюдениям, цель влияет на то, в какой форме говорящий выражает свою мысль - в эксплицитной или имплицитной.

Сама возможность анализа и интерпретации коммуникативно-прагматического аспекта предложения-высказывания предопределена тем, что знаки не просто несут ту или иную информацию. С их помощью можно

оказывать определенное воздействие на собеседника, производить какое-либо впечатление, апеллировать к чувствам, желаниям, интересам.

По словам В.В.Виноградова, "в предложении выражается не только сообщение о действительности, но и отношение к ней говорящего" (Виноградов 1975, с.254). Это свидетельствует о том, что автор различал, с одной стороны, референтную сторону предложения, передающую определенное положение дел, и, с другой стороны, модальную (модусную) сторону предложения, отражающую позицию говорящего по отношению к высказыванию.

Высказывание как компонент речевого сообщения может заключать в себе как эксплицитную, так и имплицитную оценку. Оценка, с точки зрения Г.Клауса, имеет место в том случае, когда суждение, действие и т.д. так определяется соответствующими оценочными понятиями, что оцениваемое суждение, действие и т.д. характеризуются благодаря этому в положительном или отрицательном отношении. Оценка, по мнению ученого, - "это сознательная деятельность, которая влечет за собой положительную или отрицательную позицию оценивающего по отношению к оцениваемому" (Клаус 1967, с.21).

Необходимость учета оценочного плана высказывания при интерпретации коммуникативно-прагматического аспекта обусловлена тем, что, как указывает, в частности, Ч.Стивенсон, оценка предназначена для воздействия на адресата. Заключенная в ней похвала не есть неадресованное выражение эмоции, она имеет своей целью вызвать у адресата определенное психологическое состояние, т.е. отражает не собственно семантический, а прагматический аспект знаковой ситуации (Стивенсон 1985, с.153). Согласно Ч.Стивенсону, "главное назначение ценностных суждений не сообщать о фактах, а оказывать влияние" (Stevenson 1964, p.16). Ученый выделяет два способа употребления языка: первый состоит в том, чтобы фиксировать, прояснять и сообщать наши взгляды; второй заключается в том, чтобы давать выход нашим чувствам, создавать настроения или побуждать людей к действиям и убеждениям. Употребление первого типа Ч.Стивенсон называет

дескриптивным, а употребление второго типа динамическим. Эти назначения речи определенным образом находят взаимодействие со значением высказывания (там же, p.16).

Аналогичного мнения придерживается и Дж.Серль, который считает, что "цель оценочных высказываний состоит не в том, чтобы описывать мир, а в том, чтобы выражать эмоции и отношения, хвалить или ругать, льстить или оскорблять, рекомендовать или советовать, отдавать приказы или руководить и т.п." (Searle 1976, p.183).

Коммуникативно-прагматический подход к описанию предложения позволил не только обосновать мысль о том, "что в содержании предложения соединены значения двух принципиально различных родов: объективные, отражающие действительность, и субъективные, отражающие отношение мыслящего субъекта к этой действительности" (Белашапкина 1997, с.768), но и начать поиски экспликации прагматического аспекта в лингвистическом описании языка и его единиц. В результате было установлено, что многоаспектность речевого акта находит отражение в высказывании и может быть причиной его неоднозначности (Дорошенко 1989, с.78). Это привело ученых к мысли о необходимости описания иллокутивной функции высказывания (Austin 1962, Серль 1986, Гладков 2002).

Так, А.Вежбицкая различает в семантическом разложении иллокутивной функции два типа компонентов - диктум и иллокутивную цель. Например, для речевого акта предупреждения, как в высказывании *Ружье заряжено!*, диктум имеет вид: 'Я говорю: Ружье заряжено'; а иллокутивных целей две:

- 1) Я хочу сделать так, чтобы ты знал, что ружье заряжено;
- 2) Я хочу, чтобы ты был в состоянии сделать так, чтобы нечто плохое, что могло бы с тобой произойти, не произошло, т.е. предложение *Ружье заряжено!* может быть употреблено в высказывании с иллокутивной функцией 'Сообщаю тебе'; 'Предупреждаю тебя'; 'Я утверждаю'; 'Я заметил' и т.д. (Wierzbicka 1980, p.291).

По мнению И.М.Кобозевой, об иллокутивной функции можно говорить только применительно к высказыванию, рассматриваемому непосредственно в контексте его употребления, а применительно к изолированному от контекста предложению можно говорить только об иллокутивном предназначении или иллокутивном потенциале. Так, в нулевом контексте (и без учета интонации) предложение *Попробуй только!* неоднозначно как в отношении пропозиционального содержания, так и в отношении иллокутивной функции:

- 1) 'усиленная просьба' + 'ты пробуешь (некоторое блюдо)';
- 2) 'угроза' + 'если ты попытаешься сделать это, у тебя будут большие неприятности'.

Речевой же акт, как замечает автор, вызывает некоторые изменения в ситуации общения. Так, употребив предложение *Попробуй только!* с иллокутивной функцией угрозы, мы можем испугать адресата, насмешить его, заставить его ретироваться или, напротив, спровоцировать его на немедленное осуществление его замысла (Кобозева 2000, с.259-260).

Попытку представить иллокутивную функцию как набор признаков предпринял Дж.Серль, который выделил ряд семантических компонентов, составляющих иллокутивную функцию (Серль 1986), которые часто принимают за основу при выделении типов информации, составляющих прагматический компонент плана содержания предложения.

На основе его анализа И.М.Кобозева выделяет следующие типы информации в составе прагматического (иллокутивного) компонента семантики предложения-высказывания:

- цель речевого акта;
- психологическое состояние говорящего (ментальное, волевое, эмоциональное);
- соотношение социальных статусов говорящего и слушающего;
- связь высказывания с интересами говорящего;
- связь высказывания с остальной частью дискурса;
- связь высказывания с деятельностью в рамках определенных социальных институтов (таких, например, как парламент, суд, церковь);

-стиль осуществления речевого акта (Кобозева 2000, с.263).

Действительно, многие ученые считают коммуникативно значимыми отношения между участниками общения. Коммуниканты всегда выступают в глазах друг друга (и в своих собственных глазах) как носители социально значимых свойств, как обладатели определенных статусов, исполнители соотнесенных друг с другом ролей, социальных и психологических, а также как носители определенных личностных качеств и как субъекты той или иной деятельности, т.е. как люди, преследующие своей речью те или иные цели. Так, согласно К.А.Долинину, коммуникативная семантика выбора значения и уместности употребления данного выражения (слова, высказывания) зависит от сферы общающихся, принадлежащих к одному и тому же коммуникативному сообществу. При распределении ролей необходимо учитывать тезаурус каждого из коммуникантов, в первую очередь адресата, - ту совокупность или систему знаний о мире вообще и о референтном пространстве в частности, которая заложена в памяти участников общения. Здесь важно отметить, что тезаурус адресата никогда не совпадает полностью с тезаурусом адресанта (Долинин 1985, с.10).

Обстановка коммуникации включает в себя предметно-событийный фон. Однако важен не конкретный предметно-событийный фон порождения и восприятия сообщения, а общая социальная, политическая и историко-культурная ситуация, которая может играть существенную роль в момент порождения высказывания.

Из сказанного вытекает, что коммуникативно-прагматическая ситуация многоаспектна. Она дифференцируется по следующим параметрам:

- 1) участники коммуникативного акта - их социальные и личностные характеристики, их эмоциональное состояние;
- 2) обстановка, цель, тактика воздействия на адресата, эффективность коммуникации.

Таким образом, прагматические условия реализации коммуникативной ситуации связаны с коммуникативными целями говорящего, ролью, которую он

принимает с учетом адресованности его высказывания, тактики воздействия на адресата, эмоционального состояния и сопричастности к описываемому событию. Говорящий является творцом сообщения, и от его коммуникативных установок зависит выбор того или иного аспекта при репрезентации сообщения. При контрадиктно-синергетическом подходе учет коммуникативно-прагматических факторов осуществляется в той мере, в какой они оказывают влияние на актуализацию смысла высказывания.

3.2. КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ МНОГОЗНАЧНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

Многозначность высказывания связывают обычно с реализацией интенции говорящего рассмешить или же осмеять. Возможность многозначности "серьезных" высказываний хотя и признается, но объясняется обычно не интенцией говорящего завуалировать истинный смысл высказывания, а его ошибками. В лингвистике доминирует точка зрения, что языковая многозначность в речи снимается контекстом. Между тем, данные нашего исследования свидетельствуют о том, что многозначность "серьезных" высказываний наблюдается достаточно часто, поскольку она зачастую не снимается контекстом. В данном случае ее следует считать преднамеренной, если она способствует реализации каких-либо целей адресанта.

Мы считаем, что многозначность высказывания может реализовываться в четырех прагматических аспектах:

- 1) предметно-событийном;
- 2) концептуально-интеллектуальном;
- 3) эмоционально-оценочном;
- 4) гедонистическом.

Отметим, что эмоционально-оценочный и гедонистический аспекты очень часто совпадают, так как, оценивая что-либо, человек испытывает чувство удовольствия/неудовольствия, удовлетворения/неудовлетворения (поэтому здесь рассматривается оценочно-гедонистический аспект).

Подчеркнем также, что данные аспекты взаимосвязаны и могут выступать как единый интегративный комплекс. Однако один аспект является доминирующим, а другой(ие) фоновым.

1. Предметно-событийный. Задача говорящего на этом уровне состоит в том, чтобы дать описание предмету/субъекту или событию/ситуации.

а) комическое

Doctor: What's the matter with you?

Bob: Oh, doctor. I'm ill, very ill.

*Doc: Then show me your **tongue**.*

Bob: Oh, dear doctor, no tongue can tell you how ill I am (Шутки и смешные рассказы 1993, с.37).

-Что с тобой?

-О, доктор, я очень болен.

-Тогда покажи мне свой язык.

-О, доктор, никакой язык вам не сможет сказать, насколько я болен.

Или

*Бессеменов. Ты таким **языком** со мной не смей говорить!*

Нил. А у меня один язык (высовывая язык, показывает), и я со всеми им говорю...

Акулина Ивановна. Ах ты, бесстыдник! Кому ты язык показываешь?
(Горький 1978а, с.57).

б) серьезное

-How does he look, Jeeves?

-Sir?

-What does Mr.Bassington - Bassington look like?

-It's hardly my place, sir, to criticize the facial peculiarities of your friends.

-I don't mean that. I mean, does he appear peeved and what not? (Wodehouse 1983, р.270)

-Как он выглядит, Дживс?

-Сэр?

-Как мистер Бассингтон выглядит?

-Вряд ли это входит, сэр, в мою компетенцию критиковать лица ваших друзей.

-Я не это имею в виду. Выглядит ли он раздраженным или еще как-нибудь?

Или

Якубович: Кто вы по образованию?

Игрок: Я окончила Томское медучилище.

Якубович: Специальность?

Игрок: Фельдшер.

*Якубович: В какой **области** вы работаете?*

Игрок: В Томской.

(смех) *Якубович: Я хотел узнать, в какой области медицины* (Поле чудес ОРТ, 28.06.2002).

Заметим, что в этом случае у зрителей (наблюдателей) данная ситуация вызвала смех, несмотря на то, что данная задача не входила в интенцию игрока.

Отметим, что и в "комических" и "серьезных" многозначных высказываниях мы наблюдаем описание предмета или ситуации. Отличие состоит лишь в том, в какой форме это делается - в форме смеха или в форме констатации факта.

2. Концептуально-интеллектуальный. Задача говорящего на этом уровне состоит в том, чтобы донести до слушающего в явной или скрытой форме свою идею, мысль. Согласно нашему анализу, только "серьезные" многозначные высказывания реализуются в этом аспекте, так как цель "комических" высказываний иная - либо рассмешить, либо осмеять кого-то.

Doris: I don't want to be inquisitive. I mean, curiosity killed the cat (Raddigan 1950, p.182).

-Я не хочу казаться любопытной. Я имею в виду, любопытство убило кошку.

"Серьезное" многозначное высказывание *I mean, curiosity killed the cat* несет в себе идею *Быть любопытной опасно*.

Или

*Как хозяин **прядильной мастерской**, посадив работников по местам, прохаживается по заведению, замечая неподвижность или непривычный,*

*скрипящий, слишком громкий звук веретена, торопливо идет, сдерживает или пускает его надлежащий ход, - так и Анна Павловна, прохаживаясь по своей гостиной, подходила к замолкнувшему или слишком много говорившему кружку и одним словом или перемещением опять заводила равномерную, приличную разговорную **машину** (Толстой 1983, с.26).*

Сравнивая разговоры посетителей салона с жужжанием прядильных веретен, автору удается вложить в данное высказывание несколько смыслов: 1) образ прядильных машин символизирует бессмысленность и механическую машинальность разговоров; 2) движение веретен - атрибут античных богинь судьбы, прядущих нить человеческих судеб, т.е. в салоне Анны Павловны решались судьбы многих людей.

3. Оценочно-гедонистический. Задача говорящего на этом уровне состоит в том, чтобы дать оценку кому-либо или чему-либо. По нашим наблюдениям как "комические", так и многозначные высказывания реализуются в этом аспекте.

а) комическое

Продавищица Гурьева из города Крыжополя страдает хроническим недосыпанием. Она работает в бакалейной лавке и ежедневно не досыпает 5 - 6 кг муки и крупяных изделий... (Лучшие анекдоты 2002, с.11).

В данном примере дается отрицательная оценка работы продавщицы Гурьевой - она обвешивает покупателей.

Или

(Бриджит Бардо об Алене Делоне) Конечно, Ален красив. Но комод в стиле Людовика XVI века в моей гостиной тоже очень красив (Душенко, Манча 2002, с.42).

В данном примере Б.Бардо не с лучшей стороны оценивает игру знаменитого французского актера: Ален, конечно, красив, но это единственное его достоинство.

б) серьезное

*At 12.30 Lara said - "I'm going to meet Paul Martin for lunch".
Howard looked worried. "Make sure you aren't lunch."*

"What do you mean?"

"I mean he's Sicilian. They don't forgive and they don't forget" (Sheldon 1992, p.294).

В 12.30 Лара сказала - "Я собираюсь встретиться с Полом Мартином во время ланча."

Говард выглядел обеспокоенным. "Убедись, что ты сама не будешь ланчем."

"Что ты имеешь в виду?"

"Я имею в виду, что он сицилиец. Они не прощают и не забывают."

Данное высказывание является оценкой-советом, подразумевая *Идти на встречу с Полом Мартином опасно.*

Или

(Долли Партон) *Если мечтаешь о радуге, будь готова попасть под дождь* (Душенко, Манчха 2002, с.364).

Данное высказывание также является оценкой-советом и имеет два прочтения: дословное и метафорическое, позволяющее по-разному трактовать предложение.

Таким образом, коммуникативно обусловленные многозначные высказывания ("серьезные" и "комические") не только описывают действительность, но и выражают определенные идеи, эмоции, отношения. Однако они могут обладать и рядом коммуникативно-прагматических функций.

Основными функциями многозначного высказывания, имеющими не семантическую, а прагматическую основу являются, на наш взгляд, две оппозиционные функции - а) маскировочная, б) "обнажающая".

По нашим наблюдениям, хотя основной функцией многозначного высказывания выступает "маскировочная" функция, ей нередко противодействует "обнажающая" функция контекста. При доминировании маскировочной функции на первое место выходит не содержание описываемого, а отношения между адресантом и адресатом. Например:

Банк открывает ЗАЕМЩИКУ кредитную линию на сумму ... рублей с взиманием процентов годовых до 02 марта 1999 года.

Данное высказывание может быть истолковано как многозначное: не понятно, что должен выплатить ЗАЕМЩИК до 02 марта 1999 года - проценты

или весь кредит? По нашему мнению, в данном случае прагматическую доминанту составляет интенция адресанта скрыть свои истинные намерения по отношению к адресату.

Об "обнажающей" функции можно говорить, на наш взгляд, во всех тех случаях, когда многозначность тем или иным способом раскрывается самим адресантом. В этих случаях, по нашим наблюдениям, на первое место выходит отношение адресанта к объекту описания, к самому себе, к адресату или же к самому высказыванию (например, при языковой игре).

Исходя из того, что весь массив многозначных высказываний в принципе достаточно четко делится на два типа - "комическое" и "серьезное", мы выбираем в качестве базиса классификации многозначных высказываний именно этот критерий оппозитивных признаков: "комическое" - "серьезное".

К комическому относятся те высказывания, в основе которых лежит интенция адресанта "вызвать смех" - юмор (шутка, каламбур) и ирония. Серьезные высказывания - это высказывания, цель которых иная. Цель говорящего в этих случаях заключается не в том, чтобы подвергнуть что-либо осмеянию, а в том, чтобы скрыто выразить какую-либо идею, мысль, а иногда и скрыть свои истинные намерения.

Отличие комического от серьезного состоит в том, какого коммуникативного эффекта хочет добиться говорящий, т.е. либо вызвать смех или осмеять кого-то, либо, не преследуя цели рассмешить кого-то, донести до слушателя свою мысль или скрыть ее. В процесс коммуникации, по нашим наблюдениям, вовлечены, как правило, непосредственно участники коммуникации (адресант и адресат) и наблюдатель (в реальной коммуникации может отсутствовать). Наблюдатель обычно не вступает в разговор, но способен оценить происходящую ситуацию. То, что у коммуникантов не вызывает смеха (создание смехового эффекта не является их целью), для наблюдателя может быть комичным, и наоборот.

Как правило, порождение смеха входит в интенцию адресанта, который намеренно хочет произвести своей речью юмористический эффект. Однако

существуют ситуации, когда у адресанта нет цели рассмешить кого-либо. Чаще всего такой юмор связан с языковыми ошибками, которые допускает говорящий по ряду причин (из-за невежественности, рассеянности, невнимательности и т.д.). В настоящей работе юмор не делится на намеренно и ненамеренно созданный, так как в данных условиях нам представляется невозможным определить осознанность или неосознанность создания смехового эффекта.

Из вышесказанного вытекает, что изучение коммуникативно-прагматичных функций многозначных высказываний целесообразно проводить в категориях прагматики, основной из которых является, несомненно, понятие прагматической ситуации. Представляется также правомерным начать с описания коммуникативно-прагматических функций многозначных высказываний, направленных на создание комического эффекта, а уже затем перейти к рассмотрению многозначных высказываний, целью которых можно считать интенцию говорящего "завуалировать" свои истинные цели.

3.3. ФАКТОРЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОМИЧЕСКОГО

При изучении функционирования языкового комизма анализу подвергаются прагматические измерения многозначных высказываний. При их анализе мы учитываем, что а) комическое может входить в интенцию автора; б) интенция автора, его замысел раскрывается через выбор оттенка комического: юмористического (шутка, каламбур), сатирического, иронического, саркастического (по нашим наблюдениям, многозначные высказывания, реализующие интенцию комического, являются чаще всего либо юмористическими либо ироническими, поэтому именно эти высказывания были подвергнуты анализу в настоящей работе); в) комическое отражает отношение автора к предмету, собеседнику и/или к самому себе. Отметим также, что на эффективность реализации комического эффекта влияют следующие прагматические пресуппозиции: наличие общих фоновых знаний у отправителя и адресата, учет всех экстралингвистических факторов

коммуникативной ситуации (обстановка, стиль общения, отношение между участниками и проч.), оптимальный выбор языковых средств для передачи комического оттенка, прогнозирование восприятия сообщения адресатом.

В основе порождения юмора лежит стремление человеческого сознания к экономии энергии за счет экономии формы. Многие лингвисты, занимающиеся исследованием юмористических текстов, указывают на их многозначность (Бахтин 1965; Гетман 1975; Девкин 1998; Карачина 2000; Attlas 1989; Fricke 1997; Kent 1994, 1997; Pepchillo, Green 1984; Simon 1995; Turner 1995, 1996; Vinograd 1995). В таких текстах у языковой единицы выявляется не менее двух парадигматических противопоставлений, т.е. такой текст всегда будет выступать как двучленная структура (Гетман 1975, с.3). Угадывать подразумеваемое, чувствовать подтекст - неперенное условие ощущения юмора примененных выразительных средств. Для его реализации необходимо наличие у коммуникантов общности знаний, культуры, ассоциации, т.е. общность пресуппозиций.

Юмор - изображение смешного, выставление событий, людских недостатков и слабостей в комическом, смешном виде (Словарь иностранных слов 1955, с.826). Ученые различают языковой (linguistic) и ситуационный (situational) юмор (Pochepstov 1974), языковой (linguistic) и неязыковой (extralinguistic) юмор (Ballstaedt 1989), вербальный (verbal) и относящийся к ситуациям (situation referential) юмор (Attardo, Raskin 1991). Основным отличием языкового и ситуационного видов юмора является то, что языковой юмор представлен средствами языка, а ситуационный обыгрывает ситуацию (Почепцов 1990, с. 13).

В настоящей работе анализу будет подлежать языковой юмор, т.е. юмористические высказывания, выраженные средствами языка, и ситуационно обусловленный юмор, под которым мы понимаем юмористические высказывания, многозначность которых зависит от условий коммуникативной ситуации. К языковому юмору относится каламбур и языковая шутка, к неязыковому - шутка с эксплицитно невыраженным смыслом.

В лингвистике языковая игра и, в частности, каламбур исследуются давно и успешно - в работах В.В.Виноградова, А.А.Щербины, А.И.Ефимова, А.Н.Гвоздева, Е.П.Ходаковой, В.З.Санникова, Е.А.Земской, Д.Н.Шмелева, Б.Ю.Нормана, Е.В.Падучевой и других. При этом, однако, сфера использования каламбура в лингвистических исследованиях оказывается достаточно ограниченной - это "источник полезных и убедительных иллюстраций" (Ходакова 1964, с.287) при описании сходно звучащих, но различных по значению слов или разных значений одного и того же слова. Каламбур по своей семантической природе - оружие смеха во всех его формах и оттенках.

В последних исследованиях В.З.Санникова языковая игра (сюда входит и понятие "каламбур") понимается как "некоторая языковая неправильность или необычность и, что очень важно, неправильность, осознаваемая говорящим (пишущим) и намеренно допускаемая" (Санников 1999, с. 23). Каламбур он определяет следующим образом. Во-первых, каламбур базируется не на формальной, звуковой, а на смысловой близости. Во-вторых, при рассмотрении технических приемов (омонимии, многозначности) создания языковой игры, не всегда целью ее создания является возникновение комического эффекта. Каламбурное обыгрывание слов (в том числе и обыгрывание многозначности слов) не имеет отношения к вопросу о единстве слова, о наличии инварианта и т.д. (там же, с.183). Общим правилом (чрезвычайно редко нарушаемым) для всех видов языковой игры является жесткое оценочное соотношение двух осмыслений: первоначально нейтральное или положительное понимание внезапно сменяется отрицательно окрашенным. При любом нарушении строгого порядка элементов каламбур исчезает, игра слов - сохраняется. Автор, следовательно, полагает, что понятие игра слов шире понятия "каламбур" (как и тождественная ему "языковая шутка" - см. там же), в свою очередь, каламбур - разновидность языковой игры.

По мнению А.А.Щербины, сущность каламбура не ограничивается сопоставлением прямого и переносного значений. Исследователь считает, что каламбур основывается на многозначности слова, всех разновидностях

омонимии и некоторых других смежных семантико-звуковых явлениях, суть которых столкновение, переплетение, слияние в определенных контекстах минимум двух значений слова (или значений двух созвучных, омонимичных, контаминированных слов) и одновременное их восприятие (Щербина 1958, с.7).

Естественно, что игра слов возможна только в определенных контекстах: она основана на такой семантической структуре контекста, благодаря которой в обыгрываемом слове проявляются минимум два значения. Иными словами, игра слов, основанная на их многозначности, не требует от контекста однозначности и "определенности", а, наоборот, предлагает одновременно разное его истолкование. Необязательно при этом, чтобы оба каламбурно сталкиваемые значения слова были непосредственно представлены в контексте двояким его употреблением. Иногда второе значение заключено как бы в подтексте, и весь контекст каламбурно намекает на это значение.

Ю.М.Скребнев считает, что термин "каламбур" (pun) синонимичен термину "игра слов" (play upon words). Как считает ученый, семантическая сущность каламбура основана на полисемии и омонимии. Общей формулой каламбура является следующее тождество: "А равно В и С", и это является результатом ошибочного сокращения двух утверждений: "А равно В" и "А равно С" (всего три обозначения - А, В, С). Оказывается, однако, что А первого утверждения не равно А второго утверждения. Поэтому в этом случае мы имеем дело с четырьмя обозначениями вместо трех: А, А₁, В и С; следовательно, $A \neq A_1$ (Скребнев 1994, с.171).

С.Влахов и С.Флорин придерживаются аналогичного мнения, полагая, что "каламбур - это игра слов, построенная на столкновении привычного звучания с непривычным и неожиданным значением" (Влахов, Флорин 1980, с.358). Данное определение представляет термины "игра слов" и "каламбур" как тождественные, и в то же время оно объединяет при помощи этих терминов как различные значения многозначного слова ("непривычное значение"), так и слова-омонимы ("привычное звучание").

Из всего вышесказанного мы выводим следующее лингвистическое определение каламбура: каламбур - это видовое понятие более широкого родового понятия игры слов, основанное на смысловом объединении в одном контексте либо различных значений одного слова, либо разных слов (словосочетаний), тождественных или сходных по звучанию.

Различие каламбура и шутки, на наш взгляд, зависит от способа их создания. Шутка, как нам кажется, понятие более объемное. В отличие от каламбура она основана не только на использовании языковых средств выражения. Под каламбуром мы понимаем юмористические высказывания, основанные на многозначных словах и словах-омонимах. Под шуткой - юмористические высказывания, созданные синтаксическими средствами выражения и коммуникативными факторами.

Говоря, человек не всегда выражает свои мысли эксплицитно. В высказывании остается некое имплицитное содержание, особенно это относится к иронической оценке. Тем не менее если автор текста желает быть понятым, то он должен так построить свою речь, чтобы его партнер по коммуникации осознал, что за данным высказыванием стоит нечто большее, чем просто буквальное его значение, т.е. за выраженным скрывается некое скрытое содержание, подтекст.

Исследуя природу иронического высказывания, А.В.Сергиенко полагает, что языковое высказывание не требует особых признаков, чтобы быть интерпретированным как ироническое. Как правило, это понимание основывается на несоответствии между языковым выражением и определенной ситуацией, знанием контекста, личности говорящего. Однако ожидать, что каждый читатель знает все исторические, общественные, экономические, личные и т.д. обстоятельства, при которых автор жил и писал, т.е. обладает достаточно обширными фоновыми знаниями, было бы нелогичным. И тем не менее такие тексты могут быть также интерпретированы как иронические (Сергиенко 2001, с.216).

Аналогичное мнение в своей работе высказывает и Т.А.Букирева, полагая, что важным фактором семантизации иронического значения являются фоновые экстралингвистические знания. Приобретая значение только в контексте, ироническое слово может не выполнять номинативной функции, а быть лишь выражением эмоционального отношения говорящего к объекту оценки (Букирева 2000, с.45).

В ироническом тексте проявляется взаимодействие двух типов лексических значений: предметно-логического и контекстуального. Так возникает два уровня понимания: ироническое и буквальное. Специфика языка дает возможность реализации иронического смысла при взаимодействии элементов различных уровней.

Многие лингвисты рассматривают иронию как стилистический прием (Арнольд 1973, Скребнев 1994, Turner 1975).

Так, Ю.М.Скребнев относит иронию к такому стилистическому приему как троп, который основан на прямом противопоставлении значения (meaning) и смысла (sense). Различие между значением и смыслом состоит в том, что значение - это потенциал (potential), тогда как смысл - это то, что реципиент "извлекает" из контекста. Семантическая сущность иронии состоит в замене данного обозначения (denomination) на противоположное ему. Следовательно, ирония - это перенос, переименование, основанное на прямом контрасте двух понятий: названного понятия (the notion named) и подразумеваемого понятия (the notion meant) (Скребнев 1994, с.129).

Ю.Б.Борев и Б.О.Дземидок также считают, что семантическая двуплановость иронии состоит в том, что в ней за положительной оценкой скрыта насмешка, поэтому она имеет двойной смысл: прямой, буквальный и скрытый, обратный (Борев 1957, Дземидок 1974).

Иронии отводится промежуточное место между юмором и сатирой (Тимофеев 1948). Основной характерной чертой, сближающей иронию с юмором и сатирой, считается наличие противоречия между формой и содержанием (Борев 1957, Николаев 1962).

Некоторыми исследователями ирония рассматривается как разновидность "субъективно-оценочной модальности, как разновидность речевой экспрессии" (Родионова 1998, с.343; Походня 1989, с.9), так как в ироническом высказывании всегда что-то критикуется или оценивается. Э.М.Родионова считает, что ирония близка к сатире, так как "ее основу составляет критическая оценка, но в отличие от сатиры ирония менее прямолинейна и категорична" (Родионова 1998, с.343). По мнению ученого, ирония больше апеллирует к разуму, к рассудку и способна выразить более широкую гамму чувств, чем сатира: "от грустной усмешки до едкого злого сарказма" (там же, с.343).

Мы же придерживаемся точки зрения С.И.Походни, которая считает, что разница между сатирой и иронией состоит лишь в способе выражения оценочно-критического отношения к миру, в "способе проявления субъективно-оценочной модальности - если сатира выявляет модальность открыто, ирония делает это в скрытой форме" (Походня 1989, с.5). Отсюда возникает необходимость разграничения двух понятий: "ирония как средство, техника, стилистический прием и ирония как результат - иронический смысл, созданный рядом разноуровневых средств языка" (там же, с.5).

Ирония может создавать и образные ассоциации, и это приближает ее к метафоре. С одной стороны, ирония в отличие от метафоры не имеет ни какой-либо определенной синтаксической структуры, ни специфического значения лексических единиц, но, являясь средством оценки, она несомненно тяготеет к предикативной структуре и реализуется в словах, которые содержат или могут содержать оценочное значение. Ироническое значение - это "значение элемента языка любого уровня, прямой смысл которого или стилистическая окрашенность не соответствует природе денотата" (Мороховский, Воробьева, Лихошерст, Тимошенко 1991, с.184). В этом случае ирония рассматривается как стилистический прием. С другой же стороны, ирония, как и метафора, находится в самой гуще процесса номинации, основываясь на переосмыслении существующих в языке номинативных средств, сочетании крайней

"экономности" плана выражения с богатейшим планом содержания. В этом случае мы говорим об ироническом смысле.

Обобщая мнения исследователей, мы полагаем, что ирония, основываясь на определенных смысловых нарушениях и возникающая на основе языковой компетенции участников коммуникации, представляет собой возможность реализации скрытых смыслов, включающих в себя субъективно-оценочную модальность отрицательного характера.

Что же является критерием разграничения шутки, каламбура и иронии? Т.А.Букирева разграничивает иронию, каламбур и шутку на основе иллокутивного критерия (он позволяет выделить иронию) и критерия конструирования (он позволяет выделить шутку и каламбур) (Букирева 2000, с.38). Мы же выбираем в качестве критерия коммуникативные постулаты Г.П.Грайса: 1) постулат информативности; 2) постулат истинности; 3) постулат релевантности; 4) постулат ясности (Грайс 1985, с.223).

Ирония возникает тогда, когда нарушается постулат истинности. Например:

But of course we know, he is a rich man, a millionaire (Скребнев 1994, с.129).

Да, конечно, мы знаем, что он богач, миллионер.

В этом примере наряду с буквальным (истинным) смыслом высказывания присутствует дополнительный смысл "он вовсе не миллионер".

Шутка и каламбур возникают тогда, когда нарушается постулат ясности. Например:

*Режиссер: Что вы! Что вы, товарищи! Ведь это в порядке опубликованной самокритики и с разрешения Гублита выведен только в виде исключения литературный отрицательный **тун**.*

*Победоносиков: Как вы сказали? **Тун**? Разве ж так можно выражаться про ответственного государственного деятеля? Так можно сказать про какого-нибудь совсем беспартийного прощелыгу. **Тун**! Это все-таки не **тун**, а как никак, поставленный руководящими органами главначпупс, а вы - **тун**! И если в его действиях имеются противозаконные нарушения, надо сообщить куда*

следует на предмет разбирательства и, наконец, проверенные прокуратурой сведения - сведения, опубликованные РКИ, претворить в символические образы (Маяковский 1971, с.202).

В данном случае обыгрывается многозначное слово "тип", включающее нейтрально эмоциональный компонент (художественный образ, обобщающий характерные черты какой-либо группы людей) и отрицательно эмоциональный компонент (человек обычно странных или отрицательных качеств, свойств).

Таким образом, в создании иронии, шутки и каламбура играют роль разные средства выражения. Ирония, прежде всего, связана с имплицитностью и возникает тогда, когда нарушается постулат истинности, а шутка и каламбур представляют собой, как правило, семантическую аномальность и возникают тогда, когда нарушается постулат ясности.

3.4. ФАКТОРЫ РЕАЛИЗАЦИИ СЕРЬЕЗНОГО

Для того, чтобы правильно понять высказывание, необходимо знание ситуации, которая описывается данным сообщением. Не всякая ситуация может быть понята однозначно. Скорее наоборот, ситуация представляет собой такие явления окружающей нас действительности, которые в отличие от вещей и предметов, наделенных конкретными именами в самом языке, получают свое название в процессе общения. Поэтому незнание данной ситуации может привести к неоднозначной трактовке высказывания.

Высказывание говорящего, как правило, направлено на достижение той или иной цели. "Высказывания являются продуктом действий (речевых актов), которые выполняются для того, чтобы оказать определенное воздействие на слушающего. Это воздействие обычно предполагает изменение убеждений или целей слушающего. Речевой акт, подобно любым другим действиям, может быть объектом наблюдения слушающего, и на основании его слушающий может сделать вывод о плане говорящего. В плане говорящего могут присутствовать как эксплицитно, так и имплицитно выраженные цели" (Аллен, Перро 1986, с.323).

По нашим наблюдениям в своем высказывании говорящий может преследовать несколько целей:

1) преднамеренное порождение многозначности высказывания (например, говорящий хочет завуалировать явное значение своего высказывания).

Fitch: You're an educated man.

Albert: Thank you.

Fitch: What I mean is you're not ... the raw material I'm looking for (Stoppard 1969, p.128).

-Вы образованный человек.

-Спасибо.

-Я хочу сказать, что вы не ... тот сырой материал, который я ищу.

Под похвалой в адрес художника, говорящий скрыл свое истинное намерение: *Мне жаль, но вы мне не подходите.*

Или:

(автор хочет в завуалированной форме реализовать свою идею).

Занимался день, я видел, как он зарождался за стенами кабинки; было еще темно, но темноту уже смягчила голубоватая заря; ничто не шевелилось вокруг, день зарождался у меня на глазах, постепенно насыщаясь легкими светозарными тонами, и воздух дрожал, становился все прозрачнее; сидя за стеклом телефонной будки, один среди совершенно пустого пространства, я смотрел как пробуждается день, и думал только о настоящем, о текущей минуте, снова и снова стараясь удержать ее ускользающую красоту, как пытаются острием булавки бабочку закрепить на картоне живой.

Живой (Туссен 2002, с.39).

Можно предположить несколько толкований данного изречения: 1) бабочка осталась живой; 2) сам персонаж остался живым; 3) положение персонажа сравнимо с положением бабочки, закрепленной на картоне булавкой живой.

2) непреднамеренное (неосознанное) порождение многозначности высказывания (например, принцип экономии).

Пассажир сотруднику справочного бюро на железнодорожном вокзале:

-Когда виндзорский поезд? (Аллен, Перро 1986, с.358)

Возможно, что

а) *говорящий хочет встретить поезд, прибывающий из Виндзора;*

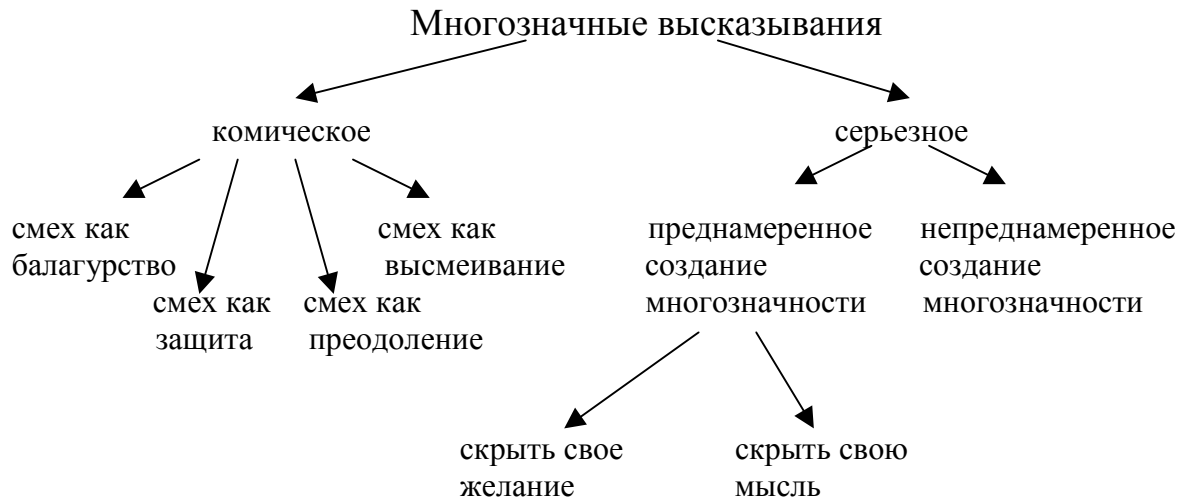
б) *говорящий хочет сесть на поезд, отправляющийся в Виндзор.*

Таким образом, в зависимости от того, какой именно компонент прагматической ситуации является ведущим, различаются преднамеренное и непреднамеренное использование многозначного высказывания. В первом случае цель запрограммирована в отношении автора и, соответственно, в выборе языковых средств. Во втором случае многозначность реализуется лишь на этапе получения информации адресатом, т.к. она не обусловлена интенцией отправителя сообщения и является результатом недостаточных фоновых знаний отправителя, что ведет к неадекватной оценке ситуации общения и, как следствие, к определенному выбору языковых средств.

3.5. ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ МНОГОЗНАЧНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

Одно и то же коммуникативно обусловленное многозначное высказывание может быть отнесено к различным типологическим группам. За основу типологизации принимаются различные признаки и критерии. Типология, например, может строиться по смешанному критерию - единству оппозитивных признаков: "письменная речь" - "устная речь", "монологическая речь" - "диалогическая речь" и т.п. (Гвенцадзе 1986)

В качестве базиса классификации коммуникативно обусловленных многозначных высказываний мы избираем критерий оппозитивных признаков "комическое" - "серьезное". Дальнейшая типологизация осуществляется на основе анализа целенаправленности "комических" и "серьезных" многозначных высказываний и их прагматических аспектов. В зависимости от того, на что ориентирована цель говорящего, вычленяются целевые аспекты классификации и строится конкретная типология многозначных высказываний:

3.5.1. КОМИЧЕСКОЕ КАК КРИТЕРИЙ ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ МНОГОЗНАЧНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

Основу комических высказываний составляет смеховая культура народа. Функции смеха усматривают в том, что он "снимает психологические травмы, облегчает человеку его трудную жизнь, успокаивает и лечит" (Лихачев, Панченко, Поньрко 1984, с.3). Кроме того, основными функциями комического, как впрочем и серьезного, являются маскировочная и "обнажающая" функции. Смех в этом случае становится способом самоутверждения путем осмеивания окружающего в некоторых условиях общественной жизни. "Комические" многозначные высказывания подразделяются на четыре модуля: 1) смех как балагурство, 2) смех как защита, 3) смех как преодоление, 4) смех как высмеивание. Обратимся к анализируемому материалу.

1) **Смех как балагурство.** Это выражающий оптимизм, жизнеутверждающий, радостный смех. Такой смех как бы приглашает адресата принять участие в празднике жизни. Этой цели способны служить шутки, направленные на то, чтобы развлечь, рассмешить, не обижая и не высмеивая кого-либо. Очевидно, к таким высказываниям относятся и приемы языковой игры, прежде всего, каламбуры. Каламбурное использование многозначного

слова является источником создания юмористического эффекта. Создавая каламбур, говорящий как бы "маскирует" свое умение быть остроумным, тем самым утверждаясь в глазах собеседника.

*-If you saw a lion coming what **steps** would you take?*

-The longest steps I could (The Activity Book of Riddles 1991, p.9).

-Если бы ты увидел приближающегося к тебе льва, какие шаги ты бы предпринял?

-Самые длинные.

В данном примере игра слов заключается в использовании многозначного слова *steps* с его значениями - 1) measures, actions taken (меры); 2) paces (шаги) (Hornby 1992, v.2, p.280).

*Cannibal Cook: Shall I stew both those **cooks** we captured from the steamer?*

*Cannibal King: No, one is enough. Too many **cooks** spoil the broth* (Скребнев 1994, с.173).

-Я должен сварить обоих поваров, которых мы захватили в плен на корабле?

-Нет, одного достаточно. Слишком много поваров портят бульон.

В этом примере обыгрывается многозначное слово *cooks*. В первом предложении имеются в виду *actual cooks* (настоящие повара), во втором предложении говорится о *proverbial cooks* (о поварах из английской пословицы *Too many cooks spoil the broth*, которая означает, что если слишком много людей начнут делать вместе одно и то же дело в одно и то же время, то они попросту испортят это дело). Реальное и провербиальное значения высказывания *Too many cooks spoil the broth* образуют многозначный каламбурный эффект.

*"Have you been seeing **spirits**?"*

"Or taking any?" (Dickens 1949, p.532)

Здесь обыгрываются значения омонимичного слова *spirit* - 1) a ghost (привидение); 2) alcohol (спиртной напиток).

"Is life worth living?"

*"It depends on a **liver**"* (Скребнев 1994, с.172).

В данном примере каламбурно употреблено слово-омоним *liver* со значениями: 1) a large, reddish-brown organ in the body which helps to digest food and purify the blood (печень); 2) a person who lives in a certain way (житель) (Hornby 1999, v.2, p.235).

One swallow doesn't make a summer (Скребнев 1994, с.172).

В этом примере обыгрывается слово-омоним *swallow* со значениями: 1) a bird (птица); 2) a gulp of strong drink (глоток крепкого напитка) (Hornby 1992, v.3, p286).

-Я никаким насекомым не радуюсь, потому что я их боюсь, - призналась Алиса.

- По крайней мере, больших. Но я могу вам сказать, как их зовут.

-А они, конечно, идут, когда их зовут? - небрежно заметил Комар.

-Нет, кажется, не идут.

-Тогда зачем же их звать, если они не идут? (Кэрролл 1992б, с.122).

Слово-омоним *звать* имеет следующие значения: 1) обозначать тем или иным словом, наименованием, давать кому-либо наименование, название; 2) позвать (Словарь русского языка 1999, т.1, с.600).

-Глупости! - рассердилась Мышь. - Вечно всякие глупости! Как я от них устала! Это просто не вынести!

-А что нужно вынести? - спросила Алиса. (Она всегда готова была услужить)

- разрешите, я помогу! (Кэрролл 1992а, с.27).

Слово-омоним *вынести* означает: 1) устоять, не сдаться перед лишениями, трудностями; выдержать, перенести; 2) неся, удалить откуда-либо, унести за пределы чего-либо (Словарь русского языка 1999, т.1, с.267-268).

-Если вы сейчас же не замолчите, я всех вас сорву! - сказала Алиса.

-Правильно! - сказала Лилия. - Маргаритки из всех цветов самые несносные.

Стоит одной из них распуститься, как все тут же распускаются за ней

следом! Такой поднимают крик! Послушать их, так прямо завянешь (Кэрролл 1992б, с.110).

Омонимичное слово *распуститься* означает: 1) раскрыться (о почках, цветках); 2) стать непослушным, недисциплинированным; 3) потерять выдержку, силу воли, перестать владеть собой (Словарь русского языка 1999, т.3, с.659).

-Депутаты-аграрии категорически против того, чтобы продавать землю.

-Еще эту грязь в магазины возить! - справедливо возмущаются они (Вокруг смеха 2002, с.5).

В данном случае обыгрываются два значения многозначного слова *земля* - 1) рыхлое темно-бурое вещество, входящее в состав коры нашей планеты; 2) территория, находящаяся в чьем-либо владении, пользовании; обрабатываемая, используемая в сельскохозяйственных целях почва (Словарь русского языка 1999, т.1, с.608).

*Полина: Ты не знаешь, Таня, ...а Захара считают одним из **красных** в губернии!*

*Татьяна: (ходит) Я думаю он **краснеет** только со стыда, да и то не часто.* (Горький 1978б, с.200).

В данном примере омонимичное слово *красный* каламбурно употреблено в основном значении, обозначая цвет, и в значении *либеральный, левый*.

Объявление в трамвае:

*"Уважаемые пассажиры! **Во избежание травматизма держитесь за поручень, а также своевременно и правильно оплачивайте свой проезд**"* (Лучшие анекдоты 2002, с.23).

Выделенное высказывание является многозначным. Функтором выступает синтагма *во избежание травматизма*, которая может быть синтаксически связана с 1) держитесь за поручень, 2) держитесь за поручень, а также своевременно и правильно оплачивайте свой проезд. *Во избежание*

травматизма может вызывать отрицательные (в этом виде транспорта возможны случаи травматизма) и положительные (предупреждение-забота о пассажирах) эмоции. При асимметризации 1) и 2) возникает дополнительный, "замаскированный" смысл: "Не забывайте своевременно оплачивать свой проезд". Семантическая аномальность данного объявления может быть использована преднамеренно с целью поднятия настроения пассажиров или разрядки обстановки в общественном транспорте.

-I'm glad I attended your lectures on insomnia, doctor.

-Did you find them interesting?

-No, but they have cured my insomnia (Такова жизнь 2001, с.52).

-Доктор, я рад, что посещал ваши лекции по бессоннице.

-Вы нашли их интересными?

-Нет, но они вылечили меня от бессонницы.

В данном примере референциально многозначно высказывание *No, but they have cured my insomnia*. С одной стороны, данное многозначное высказывание означает "излечение от бессонницы". С другой стороны, говорящий искусно маскирует подразумеваемый смысл: "ваши лекции настолько скучны, что они могут усыпить любого, даже того, кто страдает бессонницей".

Председатель Центробанка заготавливает с женой соленья на зиму:

-Слышь, жена - у меня банки прямо в руках лопаются.

-Сколько раз я тебя просила не брать работу на дом! (Семь дней... 2002, с.4)

Выделенное предложение является многозначным. Функторами выступают лексические единицы *банки* и *лопаются*, которые асимметризируясь с другими функторными единицами *Центробанк* и *соленья*, обеспечивают неоднозначное толкование выделенного предложения. В результате этого имплицитруется отрицательная оценка деятельности председателя Центробанка.

-Говорят, что гениальность - это болезнь.

-*Пусть это вас не беспокоит, вы выглядите вполне здоровым* (Музыканты смеются 1969, с.171).

В данном примере референциально многозначным является высказывание *Пусть это вас не беспокоит, вы выглядите вполне здоровым*. С одной стороны, имеется в виду "здоровье музыканта находится в отличном состоянии". С другой стороны, маскируется подразумеваемый смысл: "музыкант бездарен".

2) **Смех как защита**. Этот вид смеха направлен на то, чтобы ситуацию, которая не нравится, не доставляет удовольствие, через смеховое отношение превратить в ситуацию, которая не вызывает негативных чувств. В этом случае говорящий, как правило, через смех адаптируется к ситуации, так как саму ситуацию изменить нельзя.

-*In what **battle** did General Wolfe say 'I die happy', when he heard that the enemy were running?*

-*In his last* (Такова жизнь 2001, с.45).

-В какой битве генерал Вульфэ произнес "Я умираю счастливым", когда услышал, что враг спасается бегством.

-В своей последней.

Многозначным высказыванием является *In what battle did General Wolfe say 'I die happy', when he heard that the enemy were running?* Функторной единицей выступает лексическая единица *battle*. Возможны следующие ее интерпретации: 1) битва как историческое сражение; 2) битва как одна из множеств. Оценочно-гедонистический фон единицы образуют асимметричные смыслообразы, связанные с возможностью разной оценки факта "битва" и испытываемого при этом переживания удовольствия (битва выиграна) или неудовольствия (битва проиграна). *Battle*, взаимодействуя с лексической единицей *die* (умирать), образует смысл "гибель в битве", а, взаимодействуя с лексической единицей *happy* (счастливый (генерал счастлив, так как враг спасается бегством)), образует смысл "победа в битве" (как правило, для народа

победа в той или иной битве является историческим событием). Не зная названия битвы, адресат трактует ее как "последнюю", тем самым, маскируя свое незнание истории страны.

An ex-serviceman staying at one of the hotels in California wrote to his friend:

*"I came up here for a **change** and **rest**. The waiters in this hotel take the **change** and the proprietor takes the **rest**"* (Такова жизнь 2001, с.78).

Бывший военнослужащий, остановившись в одном из отелей в Калифорнии, написал следующее своему другу:

"Я приехал сюда, чтобы сменить обстановку и отдохнуть. Официанты здесь берут чаевые, а владелец отелем забирает оставшуюся часть денег."

Каламбурное использование омонимичных слов *change* и *rest* позволяет говорящему выразить свое негативное отношение к персоналу отеля. *Change* - 1) passing from one state to another; alteration; becoming different (перемена, изменение); 2) small coins (мелкие деньги, мелочь) (Hornby 1992, v.1, p.189). *Rest* - 1) absence of activity (отдых); 2) the remainder; that which is left (остаток; остальное) (Hornby 1992, v.3, p.64).

Полицейский - женщине-водителю:

-Когда вы ехали по шоссе, я сразу определил: по крайней мере семьдесят...

-Ну что вы! Просто эта шляпа меня очень старит!.. (Вокруг смеха 2002, с.6).

В высказывании *Когда вы ехали по шоссе, я сразу определил: по крайней мере семьдесят...* функтором является лексическая единица *семьдесят*, которая относится к двум референтным ситуациям: 1) правила дорожного движения (завышенная скорость - 70 км/час); 2) возраст водителя (70 лет). Асимметризация двух предметных ситуаций в одной функторной единице приводит к многозначности самого высказывания. Женщина-водитель, желая замаскировать факт превышения ею скорости движения на шоссе, создает комическую ситуацию, притворяясь, что не понимает о чем идет речь.

-Его Величество приглашает Скива-мага явиться ко двору Поссилтума, дабы установить там, годен ли он занять должность придворного мага.

-Я вообще-то не чувствую себя достойным судить о том, годен ли король быть придворным магом, - скромно отозвался Ааз, внимательно разглядывая всадника. - Разве он не доволен должностью просто короля? (Асприн 1992б, с.195)

Структурная многозначность выделенного высказывания возникает за счет местоимения-функтора *он*, который может относиться либо к *его Величеству*, либо к *Скиву-магу*, что позволяет адресату по-своему трактовать высказывание, преследуя свою цель и создавая комическую ситуацию.

3) **Смех как преодоление.** Этот вид смеха направлен на то, чтобы изменить ситуацию, сделать ее такой, чтобы она соответствовала идеальному образу ситуации; через смеховое воздействовать на тот объект (субъект), который вызывает неудовольствие.

Patient: Do you pull teeth painlessly?

Dentist: Not always - the other day I nearly dislocated my wrist (Шутки и смешные рассказы 1993, с.33).

-Вы удаляете зубы безболезненно?

-Не всегда - на днях я чуть не вывихнул себе запястье.

Многозначным высказыванием является *Do you pull teeth painlessly?* Функтором является синтаксическая единица *pull teeth painlessly*, которая связана с проекциями-излучениями следующих планов: 1) безболезненное удаление зубов связано с деятельностью субъекта 'Удаляете ли вы зубы безболезненно?'; 2) безболезненное удаление зубов связано с самим субъектом 'Не испытываете ли вы сами боль, когда удаляете зубы пациенту?'. Удаление зубов может вызывать у людей как положительные эмоции (удалить без боли), так и отрицательные (несмотря даже на безболезненную процедуру удаления зубов, пациент может испытывать дискомфорт). Функторная единица *pull teeth painlessly* взаимодействует с другой лексической единицей *dislocated*. В

результате этого в анализируемом высказывании сталкиваются два смыслообраза: 1) я (т.е. дантист) удаляю зубы пациенту безболезненно, не причиняя себе боли, 2) я удаляю зубы пациенту безболезненно, причиняя себе боль. При асимметризации этих смыслообразов возникает имплицитный смысл: "Я буду единственным, кто пострадает от этой процедуры". Таким образом, с помощью смеха адресант "маскирует" слабость пациента (страх пациента при удалении зубов).

First artist: Well, old man, how's business?

Second artist: Oh, splendid. Got a commission this morning from a millionaire. Wants his children painted very badly.

First artist: Well, my boy, you are the very man for this job (Шутки и смешные рассказы 1993, с.24).

-Ну что, дружище, как идут дела?

-О, великолепно. Этим утром я получил заказ от одного миллионера. Он очень хочет, чтобы я нарисовал его детей (или он хочет, чтобы я плохо нарисовал его детей).

-Ну, мой друг, для такой работы ты - именно то, что ему нужно.

Выделенное предложение является многозначным. Функторная единица *very badly*, входящая в состав данного предложения, может иметь двойную синтаксическую связь. Она может сочетаться либо с *want (smth)*, означая очень хотеть (чего-либо), либо с *painted*, означая очень плохо рисовать. Структурная многозначность высказывания *Wants his children painted very badly* позволяет первому художнику (*first artist*) в замаскированном виде обнажить недостатки своего собеседника, а именно, отсутствие у него (собеседника) художественного таланта.

There was a wealthy man who was proud of his skill in landscape painting but he was a very bad artist. Once he invited several critics to look at his pictures. One of his visitors stopped in front of one of the pictures.

*"Here's one you ought to call '**Home**'", he said.*

"Why?" asked the painter.

"Because there's no place like it", said the critic (Шутки и смешные рассказы 1993, с.18).

Один богатый мужчина гордился тем, как он рисует пейзажи. Но он был очень плохим художником. Однажды он пригласил несколько критиков оценить его картины. Один из посетителей остановился около одной из его картин.

"Вот эту картину вы должны назвать 'Дом'", - сказал критик.

"Почему?", - спросил художник.

"Потому что нет ничего ему подобного ", - ответил критик.

Функтором является лексическая единица *home*, которая тесно связана с семантическим содержанием высказывания *there's no place like it*. В данном примере обыгрывается английская поговорка *There's no place like home* 'Нет места подобного дому', имея в виду, что дом является тем самым местом, где человек чувствует себя счастливым. В выделенном высказывании симметризируются две предметные ситуации: *there's no place like it* и *there's no place like home*, т.е., во-первых, то, что нарисовано на картине, является домом самого художника, и только он чувствует себя хорошо, глядя на нее; во-вторых, то (а именно пейзаж), что художник нарисовал ни на что не похоже. Семантическое содержание импликации носит отрицательный характер. На это указывает лексическая единица *bad* (плохой) в сочетании с другой лексической единицей *artist* (художник). В результате совмещения двух предметных ситуаций с отрицательной оценкой имплицуруется несколько новых смыслов: 1) художник, нарисовавший картину, бездарный; 2) только сам художник думает, что его картина хороша и достойна внимания.

4) **Смех как высмеивание.** Этот вид смеха направлен на осмеяние недостатков конкретного описываемого лица или объекта в форме тонкой, скрытой насмешки (ирония). Такие высказывания говорящим используются преднамеренно для утверждения противоположного тому, что он думает о лице:

*Gwendolen: ...Cecily, mamma, whose views on **education** are remarkably **strict**, has **brought me up** to be extremely **short-sighted**; it is part of her system; so do you mind my looking at you through my glasses?*

Cecily: Oh! not at all, Gwendolen. I'm very fond of being looked at (Wilde 1960, p.57).

-Моя мама, которая смотрит на воспитание крайне сурово, развила во мне большую близорукость: это входит в ее систему. Так что вы не возражаете, Сесили, если я буду смотреть на вас в лорнет?

-Нет, что вы, Гвендолен, я очень люблю, когда на меня смотрят!

В данном примере многозначным высказыванием является ...*Cecily, mamma, whose views on education are remarkably strict, has brought me up to be extremely short-sighted; it is part of her system; so do you mind my looking at you through my glasses?* Здесь присутствуют две предметные ситуации. В первую ситуацию входят такие функторные единицы, как *education* (a system of teaching or instruction (воспитание); the knowledge and abilities developed through teaching and training (образование)); *strict* (severe, stern (строгий, суровый)); *bring up* (look after during childhood; educate (воспитывать, образовывать)); во вторую - *short-sighted* (one who must have objects unusually near to see them clearly (близорукий)). Они транспонируются друг на друга, в результате чего возникает явный (1) и скрытый (2) смысл:

1) Воспитание мамы было настолько строгим, что я стала близорукой, неспособной хорошо видеть;

2) Меня воспитали не замечать, что происходит вокруг.

-Дали бы мне три дня молодости, - повторяет дедушка с полным ртом, - я бы показал, что сделать с этим буйволом.

-Ну, ты у нас герой, - говорит дядя насмешливо. Я знаю, на что он намекает (Искандер 1974, с.105).

Многозначным высказыванием является *Ну, ты у нас герой*. Функтором выступает лексическая единица *герой*. Смысловая структура этой функторной единицы включает компоненты предметного и оценочного планов. В предметном плане доминируют следующие компоненты: 1) человек, совершивший (совершающий) подвиги мужества, доблести, самоотверженности; 2) лицо, чем-либо отличившееся и привлекающее к себе

внимание; 3) лицо, являющееся для кого-либо предметом поклонения, восхищения, образцом для подражания (Словарь русского языка 1999, т.1, с.307). В оценочном плане происходит асимметризация двух компонентов: 1) положительное отношение к герою; 2) пренебрежительно-насмешливое отношение к герою (об этом свидетельствует фраза *говорит дядя насмешливо*). Компоненты предметного плана отступают на второй план, но не исчезают. Они создают базу для возникновения ироничного смысла высказывания, который непосредственно связан с компонентами оценочного плана. В результате возникает имплицитный смысл "куда уж тебе; вряд ли ты на это способен".

"This is Willie Stark, gents. From up home at Mason City. Me and Willie was in school together. Yeah, and Willie, he was a bookworm, he was teacher's pet. Wuzn't you, Willie?" And Alex whickered like a stallion in full appreciation of his own delicious humor (Warren 1979, p.123).

"Это Билли Старк, джентельмены. Из Мейсон Сити. Билли и я учились вместе в школе. Билли был книжным червем и любимчиком учителей. Не так ли, Билли?" - и Алекс заржал как жеребец над своей изысканной шуткой.

Многозначным высказыванием является *And Alex whickered like a stallion in full appreciation of his own delicious humor*. Функтором выступает синтагма *delicious humor*, которая является носителем иронического смысла. *Delicious* содержит компонент положительно эмоциональной окраски (giving pleasure to the sense or the mind (доставлять удовольствие чувству и разуму)). *Humor* имеет также положительный эмоциональный компонент (the capacity to see and appreciate funny and amusing things (способность понять и оценить шутку)). В контексте данная функторная единица положительной семантики, взаимодействуя с лексическими единицами *whickered* (заржал) и *stallion* (жеребец), обретает прямо противоположное значение "отсутствие чувства юмора, грубость".

-Ну чего ты вертишь этот дурацкий апельсин. - Да вот, хочу почистить для тебя. - Спасибо! **Галантный кавалер!** (Чулаки 1984, с.352).

Выделенное высказывание является многозначным. Здесь функторная единица *галантный кавалер* имеем прилагательное *галантный* с положительным эмоциональным компонентом (изысканно вежливый, любезный) и эмоционально нейтральное устаревшее существительное *кавалер* (поклонник, ухажер). В контексте оно приобретает прямо противоположное значение "не знающий как себя вести, неумелый, неловкий мужчина; недотепа).

*Cecily: Do you suggest, Miss Fairfax, that I entrapped Ernest into an engagement? How dare you? This is no time for wearing the shallow mask of manners. **When I see a spade I call it a spade.***

Gwendolen: I am glad to say that I have never seen a spade. It is obvious that our social spheres have been widely different (Wilde 1960, p.60).

-Не меня ли вы обвиняете мисс Ферфакс, в том, что я вынудила у Эрнеста признание? Как вы смеете? Теперь не время носить маску внешних приличий. Если я вижу лопату, я называю ее лопатой.

-Рада довести до вашего сведения, что я никогда в жизни не видела лопаты. Совершенно ясно, что мы вращаемся в различных социальных сферах.

Выделенное высказывание является многозначным. Функтором выступает само предложение-высказывание *When I see a spade I call it a spade*, которое имеет два значения 1) буквальное *Когда я вижу лопату, я называю ее лопатой*; 2) метафорическое *Я называю вещи своими именами*. Намеренно расшифровывая данное высказывание как *Я в жизни никогда не видела лопаты*, говорящий подчеркивает свой социальный статус и статус собеседника.

-Ба! Да ведь это писательский дом. Знаешь, Бегемот, я очень много хорошего и лестного слышал про этот дом. Обрати внимание, мой друг, на этот дом! Приятно думать о том, что под этой крышей скрывается и вызревает целая бездна талантов.

-**Как ананасы в апельсерах**, - сказал Бегемот и... (Булгаков 1988, с.355).

В данном примере референциально многозначно выделенное высказывание. Бегемот иронизирует по поводу писательского дома, сравнивая его с оранжереей, а его обитателей с ананасами. Оранжерея - это теплица, помещение для культуры растений, которые, в открытом грунте данной местности расти *не могут* (Словарь русского языка 1999, т.2, с.636). Т.е. необходимы определенные условия, чтобы родился талант в стенах грибоедовского дома. Ананасы в оранжереях, как правило, не выращивают. Это что-то искусственное. Следовательно, иронизируя по поводу писательского дома, Бегемот тем самым хотел сказать, что произведения писателей этого дома слишком надуманные и лишены таланта.

Итак, контрадиктно-синергетический анализ и интерпретация фактического материала показывают, что в создании "комических" высказываний как в английском, так и русском языках участвуют лексические, синтаксические и коммуникативные факторы, предопределяющие многозначность высказывания и приращения смысла. Ведущую роль в создании юмористического эффекта в английском и русском высказывании играют лексические факторы в силу распространенности приема языковой игры, основанной на омонимии и многозначности слова. Коммуникативные факторы значимы при порождении иронии, так как интерпретация иронического высказывания предполагает соотнесением высказывания с изображаемой в нем действительности.

3.5.2. СЕРЬЕЗНОЕ КАК КРИТЕРИЙ ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ МНОГОЗНАЧНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

В область прагматики входят не только высказывания, вызывающие смех, но и высказывания, отличающиеся строгостью своих мыслей. "Серьезные" высказывания подразделяются на непреднамеренно и преднамеренно созданные. Непреднамеренно созданные многозначные высказывания, как правило, возникают из-за стремления говорящего экономно выразить свою

мысль. Преднамеренно созданные многозначные высказывания подразделяются на два модуля: а) стремление скрыть свое желание, б) стремление скрыть свою мысль.

I. Непреднамеренное создание многозначности высказывания.

Стремление экономно выразить свою мысль. Недостаточное, неполное, неточное описание предмета, субъекта разговора или ситуации ведет к многозначности высказывания и приводит к возникновению проблемной коммуникативной ситуации. Многозначность высказывания в этом случае может порождаться

1. Многозначными или омонимичными словами:

*-I managed to jump over the **horse** today.*

-What?

-The wooden horse, Father, in the gymnasium. I managed to jump over it (Bailey 1987, p.68).

-Мне удалось перепрыгнуть через коня.

-Что ты сказал?

- Через деревянного коня, отец, в спортзале. Мне удалось перепрыгнуть через него.

Указанное предложение становится многозначным вследствие наличия в нем многозначного слова *horse*, означающего: 1) an animal (животное); 2) a wooden framework with legs, used for jumping over in a gymnasium (гимнастический снаряд) (Hornby 1992, v.2, p.102).

*Walt: I'm afraid this is **corked**.*

Basil: I just uncorked it. Didn't you see me?

Walt: What?

Basil: (shows him the cork on the end of the corkscrew) Look.

Walt: No, no...

Basil: No? you see, I took it out of the bottle - that's how I managed to get the wine out of the bottle into your glass.

Walt: I don't mean that. I mean the wine has reacted with the cork.

Basil: I'm sorry?

Walt: The wine has reacted with the cork and gone bad (Cleese, Booth 1991, p.90).

-Боюсь, оно отдает пробкой (или закупорено).

-Я только что откупорил ее. Ты разве не видел, как я это делал?

-Что ты имеешь в виду?

-(показывает ему пробку на штопоре) Посмотри.

-Нет, нет...

-Нет? Видишь, я снял ее с бутылки - вот, как мне удалось налить вино в твой бокал.

-Я не это имею в виду. Я думаю, что вино вступило в реакцию с пробкой.

-Я не понимаю.

-Вино вступило в реакцию с пробкой и утратило свои вкусовые качества.

Выделенное высказывание является многозначным. В зависимости от того, что оба участника понимают под многозначным словом *corked*, определяется значение всего предложения. Первый участник под *corked* понимает отдающее пробкой вино, так как, очевидно, что он уже его распробовал. Для второго участника *corked* означает закупоренную (бутылку вина), так как из ситуации видно, что именно он открывал бутылку и, вероятно, еще не успел попробовать вино.

Ellen: No, you are a vampire!

Kreton: A vampire? You mean I drink blood? Ugh!

Ellen: No, you drink emotions, our emotions. You'll sacrifice us all for the sake of your...your vibrations! (Vidal 1965, p.169)

Элен: Нет, ты вампир!

Кретон: Вампир? Ты думаешь, я пью кровь?

Элен: Нет, ты питаешься нашими эмоциями. Ты принесешь нас в жертву ради своих...своих флюидов.

Из-за многозначности слова *vampire* выделенное высказывание может быть осмыслено двояко. Элен считает Кретона энергетическим вампиром, так как, возможно, она чувствует эмоциональный упадок сил после их разговоров. Кретон же не понимает этого и считает, что о нем говорят как о вампире, пьющем чужую кровь. Сама фраза *drink blood* 'пить кровь' имеет многозначный

характер: 1) пить настоящую кровь, например, человека или животного; 2) "высасывать" все силы; 3) "высасывать" деньги. В результате этого ситуация становится дважды многозначной, и остается не ясно, кто кого не понял - либо Кретон Элен, либо Элен Кретона. Само же предложение *No, you are a vampire!* имплицитно означает: "Мне неприятно с тобой встречаться".

Кроме олимпийского золота, он выиграл всевозможные награды (реклама на ОРТ, 14.08.2000).

Двойное осмысление этого высказывания основано на многозначности слова *кроме*. Оно может означать 1) Вдобавок к олимпийскому золоту...; 2) Исключая олимпийское золото...

-Брось, Фрумпель... Теперь твоя очередь. Просто восстанови мои способности и мы отправимся своей дорогой.

-Я не могу этого сделать! - воскликнул он.

-Что?

Рука Ааза шевельнулась и в ней, словно по волшебству, появился нож.

-Вы не понимаете...- взмолился Фрумпель. - Я не говорю, что не стану возвращать вам ваши способности. Я хочу сказать, что не могу. Я не знаю, что с вами произошло и как этому можно противодействовать (Асприн 1992а, с.115).

За счет наличия многозначного модального глагола *не могу* высказывание становится неоднозначным и может трактоваться 1) по какой-то причине Фрумпель не может сделать то, о чем его просят; 2) он не в состоянии этого сделать.

-А в чем дело?

-Бабки! - проорал он и исчез из виду.

С ума сойти!

Напротив стопы к кабинету Гримбла (казначей - О.Г.), я невольно ощутил смутное раздражение. При всех моих заботах с дамами и девицами не хватало мне еще только обсуждать с Гримблом каких-то бабушек! (Асприн 2002, с.321-322)

Наличие слова-омонима *бабки* делает высказывание многозначным. *Бабки*: 1) сленг деньги; 2) мн.ч. слова бабка. Для наблюдателя данная ситуация может показаться смешной.

2. Разными сценариями (разным развитием ситуации):

-How do you want to be treated?

-Like other men treat their wives.

-Knock you about, you mean?

-Don't be absurd. Why must you make a joke of everything? (Maurier 1975, p.211)

-Как ты хочешь, чтоб с тобой обращались?

-Как все мужья обращаются со своими женами.

-Ты имеешь в виду, поколачивать тебя?

-Не будь смешным. Почему ты все превращаешь в шутку?

Выделенное нами высказывание многозначно. Так как в функторной единице *treat* (обращаться с кем-либо) содержатся компоненты положительной и отрицательной оценки (например, обращаться хорошо и обращаться плохо, жестоко), то возможно несколько сценариев развития данной ситуации: 1) носить "на руках", говорить комплименты, дарить цветы, подарки, обращаться как со взрослым человеком, с уважением; 2) не обращать внимания, поколачивать, ругать, обвинять и т.д.

(Флибустьер швейцару)

-Смотри, Николай! Это в последний раз. Нам таких швейцаров в ресторане даром не надо. Ты в церковь сторожем поступи. - Проговорив это, командир скомандовал точно, ясно, быстро: - Пантелея из буфетной. Милиционера. Протокол. Машины. В психиатрическую. - И добавил: - Свисти! (Булгаков 1988, с.76).

В силу недостаточной информации о данных субъектах и предметах выделенные курсивом высказывания являются референциально многозначными и могут быть поняты неоднозначно:

-а) Пантелея из буфетной - позови, спроси, призови на помощь и т.д.

б) Пантелей работает в буфете или же Пантелей отдыхает, пьет, ест и т.д. в буфете.

-Милиционера - позови, позвони, вызови и т.д.

-Протокол - составь, принеси.

-Машину - подгони, отправь, закажи и т.д.

-В психиатрическую - еду сам, отвези кого-либо.

-А борова к поварам!

-Зарезать? - испуганно вскрикнула Маргарита...

-Помилуйте, сказал Воланд, - на какой черт и кто станет его резать? Пусть посидит вместе с поварами, вот и все! (Булгаков 1988, с.265).

Из контекста видно, что выделенное высказывание является референциально многозначным. По сюжетной линии боров - это Николай Иванович, превращенный в борова на кануне бала. И Маргарита, и Воланд знали об этом. Однако для Маргариты предложение *А борова к поварам* имеет сценарий "зарезать борова", а для Волонда - "изолировать борова от их общества на время бала". Заметим, что для наблюдателя данная ситуация может показаться комичной.

Я заметил, что он вытягивает шею под разными углами, стараясь осмотреть мою собственную шею со всех сторон.

-Я просто смотрю, нет ли следов, - пояснил он.

-Да что ты, Ааз, никакой опасности не было. Прошлой ночью она пила кровь, но из стакана.

-Я не те следы искал, - ухмыльнулся он. - У женщин-вамп репутация очень страстных (Асприн 2002, с.280).

В выделенном референциально многозначном высказывании подразумеваются следы, оставленные женщиной-вампиrom. Для собеседников выражение "следы вампира" понимается по-разному. Ааз, считая вампиров страстными женщинами (в своей речи он говорит не женщина-вампир, а женщина-вамп, что имеет совсем другую оценочную окраску), ищет на шее своего собеседника следы от поцелуев, в то время, как главный герой считает, что Ааз ищет следы от укуса женщины-вампира.

-А как насчет взяток? - спросил он.

Гримбл нахмурился.

-Для служащего короля немислимо принимать взятку, не говоря уж о том, чтоб рассчитывать на нее, как на часть своего дохода.

-Не брать взятки, Гримбл, - зарычал Ааз. - Давать их (Асприн 1992б, с.233).

Слово *взятка* может иметь два сценария *брать* и *давать*. Отсутствие данных глаголов в высказывании делает его референциально многозначным.

3. Разными глубинными структурами:

-I've been in the Tate, - Fleur said. - I do think it's touching.

-Touching? - queried Soames with a sniff.

-Fleur means, sir, that to see so much old English art is like looking at a baby show (Galsworthy 1953, p.39).

-Я была в галерее Тейт, - сказала Флер. - Я думаю, это так трогательно.

-Трогательно? - спросил Соумс, фыркая.

-Флер хочет сказать, сэр, что посмотреть так много древних полотен английских художников - это как посмотреть детское представление.

Высказывание *I do think it's touching* приводит Соумса в замешательство, так как данное предложение содежит несколько глубинных структур: 1) трогательно, что Флер сходила в галерею; 2) просмотр древних полотен английских художников - трогательный процесс, так как он напоминает детское представление; 3) вид галереи трогателен.

На королеве было простое оранжевое платье, и это действительно была приятная новость... Первый раз, когда королева принимала меня в своих покоях, она открыла мне дверь совершенно голая, что поставило меня в невыгодное и неудобное положение при разговоре (Асприн 2002, с.337).

Выделенное многозначное высказывание имеет две глубинных структуры: 1) приятная неожиданность состоит в том, что платье королевы простое оранжевое; 2) приятная неожиданность в том, что на королеве было надето платье.

*Для тех из вас, кто никогда не был на Лимбо (что, думаю, относится к большинству читателей), должен сказать: **что это такое измерение, где смотреть особенно не на что.** Да и вообще трудно что-нибудь увидеть, потому что там ТЕМНО. И когда я говорю "темно", я имею в виду, что там ТЕМНО!!! (Асприн 2002, с.247)*

В данном многозначном высказывании присутствует две глубинных структуры: 1) это такое измерение, где ничто и никто не привлекает вашего внимания; 2) это такое измерение, где ничего не видно из-за постоянной темноты.

II. Преднамеренное создание многозначности высказывания.

1. Скрыть свое желание. В таких случаях в силу каких-либо обстоятельств, причин говорящий не решается сказать то, что он действительно хочет сказать. Такие высказывания содержат, как правило, косвенные смыслы.

Billy: ...are you free this evening?

Betty: What d' u' want to know for?

Billy: Well, I fancy something to eat. I could just do with a steak right now.

Betty: You mean you want to go out to a restaurant?

Billy: Yeah, that's right (Owen 1961, p.36).

-...ты свободна сегодня вечером?

-Тебе это зачем знать?

-Ну, хотелось бы что-нибудь съесть. Я прямо сейчас бы мог проглотить целый стейк.

-Ты хочешь сказать, что не против поесть в ресторане?

-Именно.

В данном примере референциально многозначно высказывание *...are you free this evening?* С одной стороны, высказывание означает "если у тебя сегодня вечером свободное время?". С другой стороны, имплицитруется смысл "давай сходим сегодня куда-нибудь".

Her voice broke, but she didn't cry.

*-I don't want to be unreasonable. Heaven knows, I don't want to be unkind. **Guy, will you give me time?***

-I don't know quite what you mean.

-I just want you to leave me alone. I'm frightened by the feelings that I have (Maugham 1996, p.30).

Ее голос дрогнул, но она не заплакала.

-Я не хочу показаться жестокой и неблагоразумной. Ты дашь мне немного времени?

-Я не совсем понимаю, что ты имеешь в виду.

-Я только хочу, чтобы ты оставил меня одну. Я боюсь своих чувств.

Здесь мы наблюдаем референциальную многозначность высказывание *Guy, will you give me time?* С одной стороны, высказывание означает "не дашь ли ты мне немного времени?". С другой стороны, высказывание имеет иллокутивную силу просьбы оставить ее одну, чтобы она смогла подумать о своих чувствах.

*Mother: **You are leading a clean life?***

Albert: A clean life?...What are you talking about?

Mother: You are not messing about with girls, are you? (Pinter 1980, p.207)

-Ты ведешь непорочную жизнь?

-Непорочную жизнь? О чем это ты?

-Ты не путаешься с девками, не так ли?

В данном примере референциально многозначно высказывание *You are leading a clean life?* С одной стороны, оно означает "ты ведешь праведную жизнь?". С другой стороны, автор маскирует подразумеваемый смысл "надеюсь, ты не ведешь разгульную жизнь".

Blanche: No, honey, that's the key to my trunk which I must soon be packing.

Mitch: You mean you are leaving here soon?

Blanche: I've overstayed my welcome (Williams 1959, p.72)

-Нет, милый, это ключ от моего чемодана, который я скоро должна упаковать.

-Ты хочешь сказать, что скоро уезжаешь?

-Я задержалась здесь.

В данном случае наблюдается референциальная многозначность выделенного высказывания. С одной стороны, оно имеет буквальное значение. С другой стороны, оно подразумевает "меня здесь больше ничего не держит" или "намек на желание выйти замуж за любимого человека".

Philip leaned back and smiled at Lara.

-This is perfect, isn't it? It can always be this way, Philip.

-What do you mean?

-We could get married (Sheldon 1992, p.285).

Филипп наклонился назад и улыбнулся Ларе.

-Превосходно, не так ли? Может всегда так быть, Филипп.

-Что ты хочешь этим сказать?

-Мы могли бы пожениться.

В данном случае высказывание *This is perfect, isn't it? It can always be this way, Philip* является референциально многозначным и имплицитно означает "нам хорошо вместе, почему бы нам не пожениться".

Atticus was back behind his table, and he emphasized his words by tapping his knuckles on it. "-do you wish to reconsider any of your testimony?"

"You want me to say something that didn't happen?"

"No ma'am, I want you to say something that did happen." (Lee 1977, p.190)

Аттикус сидел за столом, и он делал особое ударение на своих словах, постукивая пальцами по столу. "-не хотели бы вы пересмотреть свои показания?"

"Вы хотите, что бы я сказала о том, что не произошло?"

"Нет, мэм, я хочу, чтобы вы рассказали о том, что произошло."

Выделенное высказывание является референциально многозначным. В данном высказывании автор искусно маскирует подразумеваемый смысл "вы что-то утаиваете, не договариваете".

Judith:...The time has come for the dividing of the ways.

Myra: What on earth do you mean?

Judith: I mean that I'm not the sort of woman to hold a man against his will (Coward 1974, p.187).

-Время пришло, чтобы развести наши мосты.

-Что в конце концов ты хочешь этим сказать?

-Я хочу сказать, что я не та женщина, которая будет удерживать мужчину против его воли.

Здесь мы наблюдаем референциальную многозначность высказывания *The time has come for the dividing of the ways*. В данном высказывании буквальное значение неоднозначно соотносится с подразумеваемым метафорическим смыслом "пришло время расстаться".

Rogers: I thought we were going to discuss this matter rationally.

Kit: Yes, but when you begin with a flagrant misrepresentation of the facts -

Rogers: You mean, I'm a liar? (Raddigan 1950, p.147)

Роджерс: Я думал, мы собирались обсудить это дело разумно.

Кит: Да, но когда ты начал с вопиющего искажения фактов...

Роджерс: Ты думаешь, я лжец?

Выделенное высказывание является референциально многозначным. С одной стороны, высказывание имеет буквальное значение. С другой стороны, автор данной реплики искусно маскирует подразумеваемый смысл "я не хочу обсуждать с тобой этот вопрос, так как ты лжец".

2. Стремление скрыть свою мысль. Говорящий не всегда желает, чтобы слушающий понял действительное значение его высказывания. В этом случае он пытается завуалировать свою идею, чтобы ввести кого-либо в заблуждение или обмануть, заставить кого-либо задуматься над чем-либо и т.д.

*Древние греки, готовясь к какому-либо серьезному походу, вопрошали богов обращаясь к ним за советом. Они отправлялись в Дельфы, в храм Аполлона и оракул сообщал им волю бога. Так могущественный лидийский царь Крез, который владел великими богатствами и повелевал множеством людей, задумал пойти войной против персов, отправил в Дельфу послов и они спросили оракулов: "Крез, царь лидийцев и других народов, считая что здесь он получил ранее единственно правдивые на свете прорицания послал вам эти дары: теперь царь спрашивает вас; выступать ли ему в поход на персов и искать ли для этого союзников." Рассказывая об этом Геродот пишет: "Так вопрошали послы, а оба оракула дали одинаковый ответ и объявили Крезу: **"Если царь пойдет войной на персов, то сокрушит великое царство."** Теперь Крез твердо уповал, что сокрушит царство Кира. Но он проиграл битву. Кир помиловал Креза. Когда послы Креза спросили у оракулов, как могли боги так жестоко обмануть его, они ответили, что предсказание сбылось точно. "Крез не спросил, какое именно царство разумеет бог, его, Креза или Кира. Но так как Крез не понял изречения оракулов и вторично не попросил их, то пусть винит самого себя" (Одинцов 1988, с.141-142).*

Структурная многозначность высказывания *Если царь пойдет войной на персов, то сокрушит великое царство* обусловлена двумя глубинными структурами, а именно сочетаемостью слова *царство* со словом *царь* и словом *персов*.

Цель скрыть мысль может преследоваться и при составлении юридических документов, когда использование неоднозначных высказываний необходимо для защиты своих интересов. Например, *Developer guarantees that there is not any intentional malicious code or virus program within game programs.*

If any such programs or code is found then Developer will indemnify Publisher from any litigation and any physical damages caused by malicious program code.

Разработчик гарантирует, что в игровой программе нет умышленного злонамеренного кода или вирусной программы. Если такая программа или код найдены, то тогда Разработчик должен Издателю возместить убытки судебного процесса и/или любого физического повреждения, вызванного злонамеренным программным кодом.

Использование прилагательного "умышленный" позволяет Разработчику толковать данное высказывание как "существует умышленное действие" и "существует неумышленное действие, за которое он не несет ответственность".

Многозначность высказывания в таких случаях может достигаться за счет

а) разных глубинных структур; б) за счет разного объема слова.

а) Из договора уступки права требования:

КРЕДИТОР передает, а новый КРЕДИТОР принимает принадлежащее КРЕДИТОРУ право требования суммы оплаты оборудования по договору купли-продажи...

Что передает КРЕДИТОР - право требования оплаты оборудования или право требования суммы по договору?

б) Из закона о едином налоге:

Налог платится с одного работающего в сфере бытового обслуживания
(Капитал 2002, с.2).

Но с одного работающего какого? Парикмахера или продавщицы, работающей по трудовому контракту.

Или

Налог с транспортных предприятий платится по числу используемых машин
(Капитал 2002, с.2).

Но что такое используемые машины? Они в один день могут использоваться, а в другой - нет.

Анализ фактического материала показывает, что многозначность "серьезных" высказываний как в английском, так и в русском языках, обусловлена рядом факторов, к числу которых относятся лексические,

синтаксические и коммуникативные. Лексические факторы занимают основное место при порождении непреднамеренно созданных многозначных высказываний в английском и русском языках, так как по своей природе практически каждое слово является многозначным и обладает в предложении "относительно различной семасиологической самостоятельностью" (Трнка 1967, с.274). Это свидетельствует о множественности интерпретаций слова, даже при наличии контекста. Роль лексических факторов при преднамеренном создании многозначности высказывания, согласно нашим данным, не так велика и, как правило, возможна благодаря значительному семантическому объему слова. Ведущая роль в преднамеренном создании многозначности высказывания отводится коммуникативным факторам. Это объясняется тем, что, когда говорящий стремится скрыто выразить свое желание или мысль, он порождает высказывание, семантика и прагматика которого не совпадают.

Итак, анализ фактического материала выявил значимость лексических, синтаксических и коммуникативных факторов для создания "серьезных" многозначных высказываний как в английском, так и в русском языках. При этом лексические факторы являются ключевыми при порождении непреднамеренно созданной многозначности высказывания. При преднамеренно созданной многозначности высказывания ведущими являются коммуникативные факторы вследствие обусловленности многозначности целями говорящего.

ВЫВОДЫ

1. Коммуникативно-прагматическое исследование предложения-высказывания обусловлено многоаспектностью речевого акта, ведущего к неоднозначности самого предложения-высказывания. Коммуникативно обусловленные многозначные высказывания отражают не только действительность, но и выражают эмоции, отношения, идеи, а также реализуют цели говорящего.

2. Многозначные высказывания выполняют ряд коммуникативно-прагматических функций: маскировочная, когда на первое место выходит не содержание описываемого, а отношение между говорящим и адресатом; "обнажающая", когда на первый план выходит отношение говорящего к объекту описания, к адресату, а также к самому высказыванию.

3. На основании целенаправленности многозначных высказываний и их прагматических аспектов коммуникативно-прагматическое содержание делится на два типа: "комическое" и "серьезное".

4. Контрадиктно-синергетическая интерпретация взаимодействия данных анализа семантико-структурного и коммуникативно-прагматического смысла высказывания выявило различие в уровнях приращения смысла в разных коммуникативно-прагматических типах высказывания. В комическом, направленном на реализацию интенции рассмешить, развеселить, приращение юмористического содержания осуществляется благодаря языковой игре, основанной на омонимии и полисемии слова, а в комическом, направленном на реализацию интенции высмеять - благодаря имплицитности, возникающей при соотнесении высказывания с изображаемой в нем действительности.

В серьезном реализация интенции скрыто выразить свое желание или мысль возможна благодаря значительному семантическому объему слова, различным глубинным структурам и множеству коммуникативных заданий, присущих высказыванию.

5. В создании комических и серьезных многозначных высказываний участвуют одни и те же факторы, предопределяющие многозначность высказывания. В создании многозначности комических высказываний основное место занимают лексические факторы, а в создании многозначности серьезных высказываний - лексические и коммуникативные факторы. Ведущая роль тех или иных факторов в комических и серьезных многозначных высказываниях предопределена коммуникативными намерениями говорящего - вызвать смех или скрыто выразить желание/мысль. Синтаксические факторы, как правило, играют вспомогательную роль при порождении многозначности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Комплексное исследование и описание коммуникативно-прагматического и системно-семантического аспектов многозначности высказывания осуществлено с позиций контрадиктно-синергетического подхода, который позволяет раскрыть природу асимметрии языкового знака в условиях его функционирования. Тем самым получает развитие представление об естественном языке как о многоуровневой знаковой системе, отличительной чертой которой является асимметрия языкового знака, проявляющаяся в отсутствии полного соответствия между означающим и означаемым, между планом содержания и планом выражения, что находит проявление в явлениях многозначности.

Исследование многозначности высказывания позволяет сделать следующие выводы:

1) Многозначность - это универсальная лингвистическая категория, которая может рассматриваться как на уровне языка, так и на уровне речи. Это дает нам возможность исследовать высказывание в языке и речи. Переходя с уровня языка на уровень речи, высказывание претерпевает некоторые качественные изменения внутреннего плана. Переосмысление, видоизменение значений может проявляться в явлениях полисемии, омонимии, амбигуэнтности и т.д.

2) Многозначное высказывание имеет статус единицы речи. Для определения многозначного высказывания необходимо учитывать не только его лексическую и грамматическую наполняемость, но и его коммуникативное задание, условия реализации высказывания в коммуникативно-прагматической ситуации. Прагматические условия реализации коммуникативной ситуации связаны с коммуникативными целями говорящего, ролью, которую он принимает с учетом адресованности его высказывания, тактики воздействия на адресата, эмоционального состояния и сопричастности к описываемому событию.

3) Контрадиктно-синергетический подход обладает достаточной эвристической и объяснительной силой для процессов приращения и порождения смысла в многозначном высказывании.

4) Преимущество контрадиктно-синергетического подхода состоит в том, что он направлен не просто на констатацию реализации нескольких значений языковой единицы в высказывании, а на выявление веера возможных путей развития смысла вследствие актуализации нескольких значений в точках ветвления смысла. В рамках контрадиктно-синергетического подхода предложение-высказывание предстает как динамическая, саморазвивающаяся система, стремящаяся к реализации определенной цели. Самодвижение высказывания обнаруживает себя в процессах функторизации и симметризации-асимметризации. Поэтому важнейшими понятиями анализа и интерпретации многозначного высказывания являются функтор и функторизация, симметрия-асимметрия и симметризация-асимметризация, смысловая сфера-мир.

5) Под функтором понимаются любые средства создания многозначности высказывания, которые служат для транспонирования одних множеств языковых единиц в другие множества единиц, обеспечивая при этом выявление веера возможных смыслов высказывания. Функторными свойствами обладают прежде всего единицы с неопределенной расплывчатой, многозначной семантикой. Функторами могут быть слово, словосочетание и само предложение-высказывание. Смысловая сфера-мир - это динамическое интегративное образование, репрезентирующее миры субъектов. Их динамика выявляется через процессы симметризации-асимметризации и функторизации, которые выявляют, приращивают и порождают скрытые смыслы высказывания.

6) Смысл высказывания - это многоуровневое образование, включающее следующие уровни:

а) предметно-событийный - это способность в зависимости от опыта говорящего выражать отношение к предмету, событию;

б) интеллектуальный - это способность выражать отношение к идеям;

в) оценочный - это способность выражать оценочное отношение к предмету/событию, идеям; отметим, что оценочный и гедонистический уровни часто контаминируют, что послужило основанием для их объединения в одном - оценочном (оценочно-гедонистическом) - уровне.

г) коммуникативно-прагматический, или речевой, - это способность выражать отношение к речевой действительности;

д) системно-семантический - это способность сочетаться с другими языковыми единицами в зависимости от намерений говорящего.

Многоплановость смысла обусловлена сложным строением действительности, получившей отображение в высказывании. В высказывании репрезентируются не только предметы и явления объективной действительности, но также явления субъективной и речевой действительности.

7) Изучение коммуникативно-прагматического содержания многозначного высказывания базируется на выводе косвенных и скрытых смыслов из прямого значения высказывания, при этом учитываются тип глубинной структуры, контекст, прагматическая ситуация, пресуппозиции, подтекст и цели (интенция) говорящего, так как смысл, который говорящий имеет в виду, может включать нечто большее, чем буквальное значение предложения, может отклоняться от буквального значения и даже быть противоположным ему.

8) К объективным причинам, обуславливающим многозначность высказывания, отнесены: а) множественность целей, которые реализуются высказыванием; б) многоаспектность и многоплановость высказывания, возникающие вследствие того, что высказывание выступает и как некая коммуникативная форма с определенным наполнением, и как репрезентант отображаемого фрагмента события или ситуации; в) особенности функционирования высказывания, выражающиеся в том, что высказывание окружено ценностно-смысловым контекстом.

Возникновение многозначности в исследуемых высказываниях обусловлено лексическими, синтаксическими и коммуникативными факторами.

С помощью одних и тех же средств создания многозначности в высказывании можно реализовать разные намерения, цели, раскрытие которых достигается применением методики контрадиктно-синергетической интерпретации высказывания.

9) В процессе коммуникации преобразование смысла высказывания происходит через многомерное и многоплановое взаимодействие субъектов коммуникации: адресанта и адресата. При этом возможно присутствие наблюдателя, оценивающего ситуацию со своих позиций.

10) Любое высказывание стремится реализовать какие-либо цели, поэтому устремление высказывания к цели - его неотъемлемое свойство и способность. Целевое устремление высказывания выявляется в его устремлении к раскрытию предметной и коммуникативной ситуаций, что обуславливает множественность реализуемых целей.

11) В проведенном исследовании описано коммуникативно-прагматическое содержание многозначных высказываний, в результате чего создана функционально-прагматическая типология многозначных высказываний на основании их целенаправленности с учетом прагматических аспектов. В рамках данной типологии многозначные высказывания делятся на два типа по критерию оппозитивных признаков "комическое" - "серьезное". В комическом выделяются следующие модули: 1) смех как балагурство, 2) смех как защита, 3) смех как преодоление, 4) смех как высмеивание. В серьезном учитываются классификационные критерии "преднамеренное создание многозначности" - "непреднамеренное создание многозначности". В сфере преднамеренного выделяются два модуля: 1) стремление скрыть свое желание, 2) стремление скрыть свою мысль.

12) Контрадиктно-синергетическая интерпретация многозначного высказывания имеет практическую значимость, так как может быть использована для анализа текстов с целью выявления неоднозначных текстовых единиц.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аветян Э.Г. Семиотика и лингвистика. - Ереван: Изд-во Ереванского ун-та, 1989. - 288 с.
2. Авраменко С.Р. Интерпретация текста и подтекст // Понимание как усмотрение и построение смыслов // Сб. научных трудов. - Тверь, 1996. - Ч.2. - С.95-110.
3. Адмони В.Г. Система форм речевого высказывания. - СПб.: Наука, 1994. - 154 с.
4. Аллен Дж.Ф., Перро Р. Выявление коммуникативного намерения, содержащегося в высказывании // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.17. Теория речевых актов. - М.: Прогресс, 1986. - С.322-362.
5. Апресян Ю.Д. Дистрибутивный анализ значений и структурные семантические поля // Лексикографический сборник. - М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1962. - Вып.5. - С.52-72.
6. Апресян Ю.Д. Синтаксис и семантика в синтаксическом описании // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. - М.: Наука, 1969. - С.302-306.
7. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. - М.: Наука, 1974. - 367 с.
8. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. 2-е изд. - М.: Шк. "Языки русской культуры", Изд.фирма "Восточная лит-ра", РАН, 1995. - Т.1. - 472 с.
9. Апресян Ю.Д. Отечественная теоретическая семантика в конце XX столетия // Известия АН. Сер. лит. и яз. - М.: Наука, 1999. - № 4. - С.39-53.
10. Аракин В.Д. Омонимы в английском языке // Иностранные языки в школе. - 1958. - № 4. - С.3-11.
11. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. - Л.: Просвещение, 1973. - 304 с.

12. Арсеньева М.Г., Строева Т.В., Хазанович А.П. Многозначность и омонимия. - Л.: ЛГУ, 1966. - 130 с.
13. Арутюнова Н.Д. Глубинные структуры и неоднозначность предложения // Тезисы научной конференции "Глубинные и поверхностные структуры в языке", 20-21 декабря 1972 г. - М.: МГПИИЯ им.М.Тореза, Институт языкознания АН СССР, 1972. - С.3-5.
14. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. - М.: Наука, 1976. - 384 с.
15. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. - М.: Наука, 1988. - 341 с.
16. Архипов И.К. Традиционные подходы к лексической полисемии в свете прототипической семантики // Когнитивная семантика: Материалы Второй Междунар. шк.-семинара по когнитивной лингвистике. - Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2000. - Ч.2. - С.21-23.
17. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. - М., 1957. - 295 с.
18. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. - М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1955. - 416 с.
19. Балли Ш. Французская стилистика. - М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1961. - 394 с.
20. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику: Учебное пособие. - М.: Эдиториал УРСС, 2001. - 360 с.
21. Бархударов Л.С. К вопросу о поверхностной и глубинной структуре предложения // Вопросы языкознания. - 1973. - № 3. - С.50-61.
22. Бархударов Л.С. О поверхностном и глубинном синтаксисе // Иностранные языки в школе. - М.: Просвещение, 1974. - № 1. - С.25-34.
23. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. - М.: Худ. лит-ра, 1965. - 527 с.
24. Бахтин М.М. Работы 20-х годов. - Киев: Next, 1994. - 384 с.

25. Белошапкова В.А. Современный русский язык. - М.: Наука, 1997. - 603 с.
26. Болдырев Н.Н. Перекатегоризация глагола как способ формирования смысла высказывания // Известия АН. Сер. лит. и яз. - М.: Наука, 2001. - № 2. - С.40-55.
27. Бондарко А.В. Синтаксическая семантика и речевой смысл // Проблемы синтаксической семантики. - М.: Изд-во МГПИИЯ им. М.Тореза, 1976. - С.13-17.
28. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. - Л.: Наука, 1978. - 176 с.
29. Боров Ю.Б. О комическом. - М.: Искусство, 1957. - 232 с.
30. Будагов Р.А. Некоторые проблемы сравнительно-исторического изучения синтаксиса романских языков // Вопросы языкознания. - 1955. - № 3. - С.3-21.
31. Букирева Т.А. Аспекты языковой игры: аномальность и парадоксальность языковой личности С.Довлатова: Дис. ...канд. филол. наук. - Краснодар, 2000. - 145 с.
32. Вейнрейх У. Опыт семантической теории // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.10. Лингвистическая семантика. - М.: Прогресс, 1981. - С.50-177.
33. Венскович М.С. Грамматическая структура и смысл высказывания: Автореф. ...дис. канд. филол. наук. - М., 1976. - 27 с.
34. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. - М.-Л.: Учпедгиз, 1947. - 784 с.
35. Виноградов В.В. Об омонимии и смежных явлениях // Вопр.языкознания. - 1960. - № 5. - С.3-17.
36. Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. - М.: Наука, 1975. - 453 с.
37. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. - М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1958. - 133 с.
38. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. - М.: Наука, 1980. - 340 с.

39. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6 т. - М.: Педагогика, 1982. - Т. 2. - 486 с.
40. Гак В.Г. К проблеме синтаксической семантики (семантическая интерпретация "глубинных" и "поверхностных" структур) // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения (доклады на конференции по теоретическим проблемам синтаксиса). - М.: Наука, 1969. - С.77-86.
41. Гак В.Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. - М.: Наука, 1972. - С.349-372.
42. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков). - М.: Международные отношения, 1977. - 260 с.
43. Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация (Общие вопросы). - М.: Наука, 1977а. - С.230-293.
44. Гальперин И.Р. Информативность единиц языка. - М.: Высшая школа, 1974. - 175 с.
45. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. - М.: Новое литературное обозрение, 1996. - 352 с.
46. Гвенцадзе М.А. Прагматические аспекты классификации и структурирования текстов: Автореф. ...дис. докт. филол. наук. - Тбилиси, 1986. - 49 с.
47. Гегель Г. Собрание сочинений. - М.: Соцэклиз, 1937. - Т.5.- 716 с.
48. Гетман И.М. Лексико-семантические средства создания амбивалентности: Автореф. ...дис. канд. филол. наук. - М., 1975. - 23 с.
49. Гладров В. В.В.Виноградов и формирование современной концепции синтаксиса русского языка // Вестник Московского Университета. Сер.9. Филология. - М.: Изд-во Московского Университета, 2002. - № 1. - С.22-33.
50. Голякова Л.А. Подтекст как полидетерминированное явление. - Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1999. - 208 с.
51. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.16. Лингвистическая прагматика. - М.: Прогресс, 1985. - С.217-237.

52. Гулыга Е.В. Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке. - М.: Высшая школа, 1971. - 127 с.
53. Давыдов И.И. Опыт о порядке слов // Труды Общества любителей российской словесности. - М., 1816. - Ч.5. - 123 с.
54. Девкин В.Д. Занимательная лексикология. - М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1998. - 312 с.
55. Делез Ж. Логика смысла.-М.: Издательский Центр "Академия", 1995. - 299 с.
56. Демьянова Н.В. К проблеме соотношения формы предложения и содержания высказывания // Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР.- 1990. - 13 с.
57. Дземидок Б.О. О комическом. - М.: Прогресс, 1974. - 223 с.
58. Долинин К.А. ИмPLICITное содержание высказывания // Вопросы языкознания. - 1983. - № 6.- С.37-47.
59. Долинин К.А. Интерпретация текста: Учебное пособие для студентов по спец. № 2103 "Иностранный язык". 2-е изд. - М.: Просвещение, 1985. - 288 с.
60. Долинина И.Б. Системный анализ предложения (на материале английского языка): Учебное пособие. - М.: Высшая школа, 1977. - 176 с.
61. Дорошенко А.В. Побудительные речевые акты в косвенных контекстах // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. - М.: Наука, 1989. - С.76-91.
62. Дрейзин Ф.А. О выборе правильного по смыслу синтаксического анализа из нескольких формально возможных при автоматическом анализе русских текстов // Машинный перевод и прикладная лингвистика. - М., 1966. - Вып.10. - С.3-20.
63. Задорожный М.И. О границах полисемии и омонимии. - М.: Изд-во МГУ, 1971. - 71 с.
64. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. - М.: Изд-во Московского Университета, 1976. - 308 с.
65. Зеленщиков А.В. Пропозиция и модальность. - СПб.: Наука, 1997. - 260 с.

66. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка: Учебник. - М.: Высшая школа, 1981. - 285 с.
67. Иорданская Л.Н. Автоматический синтаксический анализ. - Новосибирск: Наука Сиб. отд-ние, 1967. - Т.1. - 231 с.
68. Калечиц Е.П. Переходные явления в области частей речи. - Свердловск, 1977. - 78 с.
69. Карачина О.Е. Актуализация комического эффекта посредством использования книжной лексики и книжного стиля в двуязычной ситуации общения (на материале сравнения русского и английского языков): Автореф. ...дис. канд. филол. наук. - М., 2000. - 23 с.
70. Карри Х. Основания математической логики. - М.: Мир, 1969. - 568 с.
71. Карцевский С. Об асимметричном дуализме языкового знака // В.А.Звегинцев. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. - М.: Просвещение, 1965. - Ч.2. - С.85-90.
72. Катц Дж. Семантическая теория // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.10. Лингвистическая семантика. - М.: Прогресс, 1981. - С.33-49.
73. Кацнельсон С.Д. Послесловие. Семантико-грамматическая концепция У.Л.Чейфа // У.Л.Чейф. Значение и структура языка. - М.: Прогресс, 1975. - С.407-427.
74. Клаус Г. Сила слова. Гносеологический и прагматический анализ языка. - М.: Прогресс, 1967. - 215 с.
75. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учебное пособие. - М.: Эдиториал УРСС, 2000. - 352 с.
76. Ковалева Л.М. Многозначность предложения и контекст (К вопросу о вариативности семантико-синтаксических функций актантов и семантических структур предложения) // Вопросы грамматики и лексикологии германских и романских языков. - Иркутск, 1974. - С.3-27.

77. Ковалик Ю.Н. Компонентный анализ как метод исследования сигнификативного значения: На материале английского языка: Автореф. ...дис. канд. филол. наук. - Л., 1978. - 20 с.
78. Ковтунова И.И. Грамматическая многозначность в языке и речи // Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование / Отв. ред. Ю.Н.Караулов. - М.: Наука, 1988. - С.166-175.
79. Колесников Н.П. Порядок слов в русском предложении и синтаксическая омонимия. - Ростов: Изд-во Ростовского Университета, 1984. - 48 с.
80. Колшанский Г.В. Предложение как универсальная единица языка // Сб. научных трудов МГПИИЯ им. М.Тореза. Вып.91. Вопросы романо-германской филологии. - М., 1975. - С.141-146.
81. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. - М.: Наука 1984. - 176 с.
82. Кубрякова Е.С., Кизюкевич А.А. Некоторые особенности процесса транспозиции прилагательных в существительные со словообразовательной точки зрения // Продуктивность, частотность и валентность деривационных моделей. - Владивосток, 1988. - С.52-58.
83. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. - М.: Наука, 1997. - 198 с.
84. Кузьменко Н.А. Роль лексических объяснительных трансформаций в выявлении семантических омонимов // Семантика языковых единиц разных уровней. - Ростов-на-Дону, 1987. - С.136-144.
85. Курилович Е.Р. Заметки о значении слова // Вопросы языкознания. - 1955. - № 3. - С.73-81.
86. Курилович Е.Р. Очерки по лингвистике. Сборник статей. - М.: Изд-во иностр. лит., 1962. - 456 с.
87. Кухаренко В.А. Типы и средства выражения импликации в английской художественной речи (на материале прозы Э.Хемингуэя) // Научные доклады

- высшей школы. Философские науки. - М.: Высшая школа, 1974. - № 1. - С.72-80.
88. Левицкий Ю.А. От высказывания - к предложению. От предложения - к высказыванию. - Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1995. - 196 с.
89. Лейкина Б.М. Несколько задач по решению неоднозначности и экспликации имплицитных связей // Вычислительная лингвистика. - М.: Наука, 1976. - С.81-107.
90. Леонтьев А.А. Психологическая структура значения // Семантическая структура слова. - М., 1971. - С.1-11.
91. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. - М.: Политиздат, 1975. - 304 с.
92. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. - М.: МГУ, 1981. - 584 с.
93. Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. - Л.: Наука, 1984. - 296 с.
94. Литвин Ф.А. Многозначность слова в языке и речи: Учебное пособие для пед. ин-тов по спец. № 2103 "Иностр. яз.". - М.: Высш. шк., 1984. - 119 с.
95. Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию // Полное собрание сочинений. - М., 1952. - Т.7. - 243 с.
96. Ломтев Т.П. Синтаксические отношения // НДВШ. Филологические науки. - М.: Высшая школа, 1973. - № 3. - С.5-19.
97. Лосев А.Ф. Философия имени. - М.: МГУ, 1990. - 269 с.
98. Лосев А.Ф. Динамика художественной формы // А.Ф.Лосев. Форма - Стиль - Выражение. - М.: Мысль, 1995. - С.6-296.
99. Малаховский Л.В. Теория лексической и грамматической омонимии. - М.: Наука, 1990. - 240 с.
100. Малинович Ю.М. Онтология языковых форм и онтология смысла коммуникативных значимых единиц // Проблемы семантического описания единиц языка и речи: Материалы докладов Международной научной

- конференции. В 2-х частях. Минск / Беларусь 10-12 ноября 1998. - Минск: МГЛУ, 1998. - Ч.1. - С.48-50.
101. Марков В.М. О семантическом способе словообразования в русском языке. - Ижевск, 1981. - 29 с.
102. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. - М.: Высшая школа, 1975. - 328 с.
103. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей "Смысл \Leftrightarrow Текст". Семантика. Синтаксис. - М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1974. - 314 с.
104. Мороховский А.Н., Воробьева О.П., Лихошерст Н.И., Тимошенко З.В. Стилистика англ. языка: Учебник. - К.: Выща шк., 1991. - 272 с.
105. Мучник Б.С. Человек и текст. Основы культуры письменной речи. - М.: Книга, 1985. - 252 с.
106. Мышкина Н.Л. Динамико-системное исследование смысла текста. - Изд-во Краснояр. ун-та, 1991. - 212 с.
107. Мышкина Н.Л. Внутренняя жизнь текста: механизмы, формы, характеристики. - Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. - 152 с.
108. Мышкина Н.Л. Лингводиnamика текста: контрадиктно-синергетический подход: Автореф. ...дис. докт. филол. наук. - Уфа, 1999. - 43 с.
109. Назаренко Л.В. Семантика английских имен существительных с суффиксом -ing и проблемы словообразовательной омонимии: Автореф. ...дис. канд. филол. наук. - М., 1987. - 15 с.
110. Назарова И.А. О явлении синтаксической многозначности (на материале английского языка): Дис. ...канд. филол. наук. - Калинин, 1972. - 198 с.
111. Найда Ю.А. Процедуры анализа компонентной структуры референциального значения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.16. Проблемы и методы лексикографии. - М.: Прогресс, 1983. - С.61-74.
112. Налимов В.В. Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Наука, 1979. - 304 с.

113. Нефедова Л.А. Когнитивно-типологический аспект имплицативной коммуникации (на материале французских текстов и их переводов на рус. язык): Автореф. ...дис. докт. филол. наук. - Екатеринбург, 2001. - 41 с.
114. Никитин М.В. Лексическое значение слова. - М.: Высшая школа, 1983. - 127 с.
115. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения: Учебное пособие. - М.: Высшая школа, 1988. - 168 с.
116. Николаев Д.П. Смех - оружие сатиры. - М.: Искусство, 1962. - 221 с.
117. Новиков Л.А. Об одном из способов разграничения полисемии и омонимии // Русский язык в школе. - 1960. - № 3. - С.10-14.
118. Новиков А.Л. Когнитивный аспект контекстуальной полисемии // Когнитивная семантика: Материалы Второй Международной шк.-семинара по когнитивной лингвистике. - Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2000. - Ч.1. - С.71-72.
119. Одинцова И.В. Структурно-коммуникативные модели с причинной семантикой в простом предложении // Вестник Московского Университета. Сер.9. Филология. - М.: Московского Университета, 2002. - № 1. - С.49-72.
120. Ольшанский И.Г., Скиба В.П. Лексическая полисемия в системе языка и тексте (на материале немец. языка). - Кишнев: Штиинца, 1987. - 128 с.
121. Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка / Под ред. Н.Ю.Шведовой. - М., 1966. - 402 с.
122. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). - М.: Наука, 1985. - 271 с.
123. Перцов Н.В. О неоднозначности в поэтическом языке // Вопросы языкознания. - 2000. - № 3. - С.55-82.
124. Плотников Б.А. Основы семасиологии. - Минск: Вышэйшая школа, 1984. - 223 с.
125. Походня С.И. Языковые виды и средства реализации иронии. - Киев: Наукова думка, 1989. - 128 с.
126. Почепцов Г.Г. Язык и юмор. - К.: Выща школа, 1990. - 327 с.

127. Пузырев А.В. Анаграммы как явления языка: Опыт системного осмысления. - М.: Пенза: Институт языкознания РАН, ПГПУ им. В.Г.Белинского, 1995. - 378 с.
128. Реформатский А.А. Введение в языкознание. - М., 1967. - 392 с.
129. Реформатский А.А. Введение в языкознание. - М.: Аспект Пресс, 2000. - 536 с.
130. Родионова М.М. Лингвистические аспекты иронии // Семантика языковых единиц. - М., 1998. - Т.2. - С.153-167.
131. Русская грамматика. - М.: Наука, 1980. - Т.2. - 709 с.
132. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. - М.: Языки рус. культуры, 1999. - 544 с.
133. Сельдмяз И.Я. Значение и смысл. - М.: Наука, 1980. - 12 с.
134. Сергиенко А.В. Ироническая текстовая структура с психолингвистической точки зрения // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты. Материалы Всероссийской научной конференции. - Москва-Пенза, 2001. - С.215-216.
135. Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.17. Теория речевых актов. - М.: Прогресс, 1986. - С.170-194.
136. Сильман Т.И. Под текст как лингвистическое явление // НДВШ ФН, 1969. - № 1. - С.12-18.
137. Синицын М. Об уровне более глубинном, чем семантическая репрезентация // Сб. научных работ (краткие сообщения). - Тарту, 1973. - С.25-31.
138. Скребнев Ю.М. Основы стилистики английского языка: Учебник для вузов по специальности "Английский язык и литература". - М.: Высшая школа, 1994. - 238 с.
139. Слюсарева Н.А. Смысл как экстралингвистическое явление // Как подготовить интересный урок иностранного языка. - М.: Наука, 1963. - С.185-199.

140. Слюсарева Н.А. Проблемы лингвистической семантики // Вопросы языкознания. - М.: Наука, 1973. - № 5. - С.13-23.
141. Слюсарева Н.А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. - М.: Наука, 1981. - 206 с.
142. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. - М.: Наука, 1957. - 118 с.
143. Солнцев В.М. К вопросу о глубинной структуре и порождении смысла предложения // Теория языка. Англистика. Кельтология. - М.: Наука, 1976. - С.114-124.
144. Сотникова Е.С. Онтология формы и смысла многозначных предложения в современном немец. языке: Автореф. ...дис. канд. филол. наук. - Иркутск, 1999. -18 с.
145. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания: Учебное пособие для студентов филол. спец. пед. ин-тов. 2-е изд-во, перераб. - М.: Просвещение, 1975. -271 с.
146. Степанов Ю.С. Семиотика: Антология. - М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001а. - 702 с.
147. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. 2-е изд. - М.: Эдиториал УРСС, 2001б. - 312 с.
148. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. - Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985. - 172 с.
149. Стивенсон Ч. Некоторые прагматические аспекты значения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.16. Лингвистическая прагматика. - М., 1985. - С.129-154.
150. Тимофеев Л.И. Теория литературы. - М.: Учпедгиз, 1948. - 382 с.
151. Торсуева И.Г. Интонация и смысл высказывания. - М.: Наука, 1979. - 112 с.
152. Трнка Б. Замечания об омонимии // Пражский лингвистический кружок: Сб. статей. - М.: Прогресс, 1967. - С.272-276.
153. Тышлер И.С. Омонимия в современном английском языке. - Саратов: Изд-во СарГУ, 1988. - 158 с.

154. Уилкс Й. Анализ предложений английского языка (Часть II) // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.12. Прикладная лингвистика. - М.: Радуга, 1983. - С.318-372.
155. Ульманн С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. - М., 1970. - Вып.5. - С.250-299.
156. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. - М.: Наука, 1968. - 272 с.
157. Уфимцева А.А. Лексическое значение. - М.: Наука, 1986. - 240 с.
158. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.23. Когнитивные аспекты языка. - М.: Прогресс, 1988. - С.52-92.
159. Фреге Г. Избранные работы. - М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1997. - 160 с.
160. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. - М.: МГУ, 1972а. - 259 с.
161. Хомский Н. Язык и мышление. - М.: МГУ, 1972б. - 122 с.
162. Хэррис З.С. Метод структурной лингвистики // История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. - М.: Просвещение, 1965. - Ч.2. - С.113-220.
163. Цоллер В.Н. К проблеме сохранения словом многозначности в речи // Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР. УДК № 882-3.14. - М., 1988. - 16 с.
164. Чейф У. Значение и структура языка. Пер. с англ. - М.: Прогресс, 1975. - 431 с.
165. Черняховская Л.А. Перевод и смысловая структура. - М.: Международные отношения, 1976. - 264 с.
166. Шендельс Е.И. Многозначность и синонимия в грамматике (на материале глагольных форм современного немецкого языка). - М.: Высшая школа, 1970. - 207 с.
167. Шендельс Е.И. Имплицитность в грамматике // Сб. научных трудов. Вып.112. Вопросы романо-германской филологии. Синтаксическая семантика. - М., 1977. - С.109-120.

168. Шмелев Д.Н. О значении синтаксических единиц // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения (доклады на конференции по теоретическим проблемам синтаксиса). - М.: Наука, 1969. - С.156-163.
169. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). - М.: Наука, 1973. - 280 с.
170. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. - М.: Просвещение, 1977. - 335 с.
171. Шубин Э.П. О структуре предложения // Сб. докладов и сообщений лингвистического общества КГПИ. - Калинин, 1969. - Ч.1. - Вып.2. - С.107-110.
172. Щедровицкий Г.П. Избранные труды. - М., 1995. - 760 с.
173. Щепин А.Г. Контекстная омонимия в русском языке (речевые созвучия): Автореф. ...дис. канд. филол. наук. - Иркутск, 1963. - 23 с.
174. Щербина А.А. Сущность и искусство словесной остроты (каламбура). - Киев: Изд-во Академии наук Украинской ССР, 1958. - 68 с.
175. Энквист Н. Некоторые показатели, помогающие устранять неоднозначность соотнесенности местоимений в косвенной речи // Теория языка. Англистика. Кельтология. - М.: Наука, 1976. - С.243-250.
176. Ярцева В.Н. Пределы развертывания синтаксических структур в связи с объемом информации // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения (доклады на конференции по теоретическим проблемам синтаксиса). - М.: Наука, 1969. - С.163-178.
177. Attardo S. and Raskin V. Script theory revis(it)ed: Joke similarity and joke representational model // Humour: International Journal of Humour Research. - 1991. - Vol.4. - P.293-347.
178. Attlas J.D. Philosophy without ambiguity: A logico-linguistic essay. - Oxford: Oxford University Press, 1989. - 120 p.
179. Austin J.L. How to do things with words. - Cambridge (Mass.) Harvard univ. press, 1962. - 167 p.

180. Ballstaedt S.P. Das Verstehen von Witzen: wie zuendet die Pointe? // Wie verstehen wir Fremdes? - Muenchen, 1989. - S.96-109.
181. Bellert I. On the logico-semantic structure of utterances. - Wroclaw etc., "Ossolineum", 1972. - 108 p.
182. Bloomfield L. Language. - New York, Holt, 1933. - 564 p.
183. Bußmann H. Lexikon der Sprachwissenschaft. - 2., vollig neu bearbeitete Auflage. - Stuttgart: Kroner, 1990. - 904 s.
184. Collins H.M. Humans, machines and the structure of knowledge // SEHR. 1995. Vol. 4(2) // <http://shr.stanford.edu/shreview/4-2/text/collins.html>
185. Foss D. / Hakes D. Psycholinguistics: An Introduction to the Phychology of language. - New Jersey, 1978. - 434 p.
186. Fricke Ch. Falaty, amiguity and metaphors. Heidelberg University, 1997. - 235 p.
187. Fries Ch. The Structure of English. An Introduction to the Construction of English Sentences. - New York, Harcourt, Brace, 1952. - 304 p.
188. Gorfein D.S. Resolving Semantic Fmbiguity. - Springer-Verlag, New York, Berlin, Heidelberg, London, Paris, Tokyo, 1989. - 338 p.
189. Grewendorf G. Sprache als Organ - Sprache als Lebensform. - Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1995. - 255 s.
190. Jespersen O. Essentials of English Grammar. 6th impression. - London, 1946. - 387 p.
191. Kent B. Conversational impicture // Mind and Language. - 1994. - Vol. 9. - P.124-162.
192. Kent B. Form of ambiguity: A short insight. 1997 // <http://www.ozcomedy.com/bach.html>
193. Lyons J. Language and Linguistics. An introduction. - Cambridge, 1981. - 356 p.
194. Miall D.S. and Kuiken D. Forms of reading: Recovering the self-as-reader. 1996 // <http://www.ualberta.ca/dmial/formalism.html>
195. Minsky M. Framework for Representing Knowledge. - In: "The Psychology of Computer Vision" (Winston) (ed.). - New York, McGraw-Hill, 1975. - P.211-277.

196. Pepichello W.Y., Green Th.A. The Language of riddles. - Ohio State University, 1984. - 176 p.
197. Pocheptsov G.G. Language and humor. - Kiev, 1974. - 317 p.
198. Saarinen E. Ambiguities in Intensional Contexts. - D.Reidel Publishing Company Dordrecht: Holland / Boston: U.S.A. / London: England, 1981. - Vol.12. - 286 p.
199. Schippan Th. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. - Leipzig, 1984. - 304 p.
200. Searle J. Speech acts: An essay in the philosophy of language. - Cambridge (Mass.), 1976. - 245 p.
201. Simon H. Literary criticism: A cognitive approach // SEHR. 1995. Vol. 4 (1) // [http:// shr.stansford.edu/shreview/4-1/simon 1.html](http://shr.stansford.edu/shreview/4-1/simon1.html)
202. Stevenson Ch.L. Facts and values: (Studies in ethical analysis) - Yale UP. New Haven; L., 1964. - 233 p.
203. Taylor J.R. On running and jogging // Cognitive linguistics. - Oxford: Clarendon, 1996. - V.7. - P.21-34.
204. Todorov Tz. Symbolisme et interpretation. - Paris: Ed.du Seuil, 1978. - 170 p.
205. Turner G.W. Stylistics. - Harmondsworth: Penguin books LTD, 1975. - 256 p.
206. Turner M. Cognitive science and literary theory // SEHR. 1995. Vol.4 (1) // [http: metaphor.uoregon.edu/turner.html](http://metaphor.uoregon.edu/turner.html)
207. Turner M. The literary mind. New York: Oxford University Press, 1996 // [http:// www.wam.umd.edu/~mturn/www/lmx.html](http://www.wam.umd.edu/~mturn/www/lmx.html)
208. Ullmann S. The Principles of Semantics. - Glasgow-Oxford, 1959. - 348 p.
209. Ullmann S. Words and Their Use. - London, 1951. - 110 p.
210. Vinograd R. Is there mind in the text? // SEHR. 1995. Vol.4 (1) // [http: // shr.standford.edu/shreview/4-1/text/vinograd.html](http://shr.standford.edu/shreview/4-1/text/vinograd.html)
211. Wierzbicka A. Lingua mentalis. - Sydney etc.: Acad.Press, 1980. - 367 p.
212. Zhang Q. Fuzziness - vagueness - generality - ambiguity // Journal of Pragmatics, 1996. - № 29. - P.13-31.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

1. Словарь иностранных слов. - М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. - 854 с.
2. Словарь русского языка. - М.: Русский язык. Полиграфресурсы, 1999. - Т.1. - 700 с.
3. Словарь русского языка. - М.: Русский язык. Полиграфресурсы, 1999. - Т.2. - 736 с.
4. Словарь русского языка. - М.: Русский язык. Полиграфресурсы, 1999. - Т.3. - 750 с.
5. Словарь русского языка. - М.: Русский язык. Полиграфресурсы, 1999. - Т.4. - 796 с.
6. Hornby A.S. The Advanced Learner's Dictionary of Current English. - Ставрополь: СПИИП "Сенгилей", 1992. - V.1. - 540 p.
7. Hornby A.S. The Advanced Learner's Dictionary of Current English. - Ставрополь: СПИИП "Сенгилей", 1992. - V.2. - 511 p.
8. Hornby A.S. The Advanced Learner's Dictionary of Current English. - Ставрополь: СПИИП "Сенгилей", 1992. - V.3. - 509 p.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Асприн Р. Еще один великолепный МИФ // Еще один великолепный МИФ. МИФо-толкования. МИФо-указания: Романы / Перев. с англ. яз. О.Колесникова. - М.: Компания ГРИФ-Ф Лтд., 1992а. - Т.2. - С.11-186.
2. Асприн Р. МИФо-толкования // Еще один великолепный МИФ. МИФо-толкования. МИФо-указания: Романы / Перев. с англ. яз. О.Колесникова. - М.: Компания ГРИФ-Ф Лтд., 1992б. - Т.2. - С.187-350.
3. Асприн Р. Сладостный МИФ, или МИФтерия жизни // Корпорация М.И.Ф. в действии. Сладостный МИФ, или МИФтерия жизни: Романы / Перев. с англ. яз. И.Шубиной. - М.: ООО "Издательство АСТ", 2002. - С.179-345.
4. Брукс Т. Продается волшебное королевство. - М.: Дет. лит., 1997. - 108 с.
5. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита: Роман. - Пермь: Кн. изд-во, 1988. - 399 с.
6. Вокруг смеха. - 2002. - № 25. - 24 с.
7. Горький М. Мещане // Пьесы. 6-е. изд. - М.: Дет. лит., 1978а. - С.27-116.
8. Горький М. Враги. Сцены // Пьесы. 6-е.изд. - М.: Дет. лит., 1978б. - С.187-256.
9. Душенко К.В., Манчха Г.П. Мысли, афоризмы и шутки выдающихся женщин. 5-е испр. изд., М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. - 640 с.
10. Зарецкий А.И. Материалы по занимательной грамматике русского языка. - М.: Учпедгиз, 1961. - 60 с.
11. Икандер Ф. Дедушка // Дерево детства: Рассказы и повесть. - М.: Советский писатель, 1974. - С.78-107.
12. Капитал. - 2002. - 6 с.
13. Кэрролл Л. Приключения Алисы в Стране Чудес // Приключения Алисы в Стране Чудес; Алиса в Зазеркалье: Сказки / Перев. с англ. яз. Н.Демурова; Стихи в переводе С.Маршака и др. - Мн.: Юнацтва; Ижевск: Урал-БиСи, 1992а. - С.9-92.
14. Кэрролл Л. Алиса в Зазеркалье // Приключения Алисы в Стране Чудес; Алиса в Зазеркалье: Сказки / Перев. с англ. яз. Н.Демурова; Стихи в переводе С.Маршака и др. - Мн.: Юнацтва; Ижевск: Урал-БиСи, 1992б. - С.93-195.

15. Лучшие анекдоты от "АиФ". - М.: АиФ-Принт, 2001. - № 7. - 32 с.
16. Лучшие анекдоты от "АиФ". - М.: АиФ-Принт, 2002. - № 6. - 32 с.
17. Маяковский В. Баня. Драма в шести действиях с цирком и фейерверком // Пьесы. - М.: Дет. лит., 1971. - С.171-237.
18. Музыканты смеются. Были, небылицы, шутки, анекдоты, афоризмы, рисунки. 2-е изд., допол. - Киев: Музична Україна, 1969. - 304 с.
19. Одинцов В.В. Лингвистические парадоксы // Книга для учащихся старших классов. 3-е испр. изд. - М.: Просвещение, 1988. - 172 с.
20. Программа на канале ОРТ "Поле чудес". - 28.06.2002.
21. Пушкин А.С. Пиковая дама // Сочинения. В 3 т. Проза. - М.: Худож. лит., 1987. - Т.3. - С.188-211.
22. Реклама на канале ОРТ. - 14.08.2000.
23. Санников В.З. Русский каламбур. 1200 каламбуров старых и современных. - М., 1996. - 176 с.
24. Семь дней. Семь тайн. Семь призов. - 2002. - № 46. - 8 с.
25. Скребнев Ю.М. Основы стилистики английского языка: Учебник для вузов по спец. "Англ. яз. и лит." - М.: Высшая школа, 1994. - 238 с.
26. Такова жизнь: Сб. юмора на английском языке / Сост. Э.Н.Муратов. - М.: ООО "Изд-во АСТ": ООО "Изд-во Астрель", 2001. - Вып.1. - 192 с.
27. Толстой Л.Н. Война и мир. Роман в четырех томах. - М.: Худож. лит., 1983. - Т.1-2. - 702 с.
28. Туссен Ж.-Ф. Фотоаппарат. Роман / Перев. с франц. И.Радченко // Иностранная литература, 2002. - № 1. - С.6-39.
29. Чулаки М. Вечный хлеб // Вечный хлеб: Повести. - Л., 1984. - С.323-559.
30. Шутки и смешные рассказы: Книга для чтения на английском языке в 5-11 кл. сред. шк. / Сост., адапт. и коммент. А.Л.Димент. - М.: Просвещение, 1993. - 160 с.
31. Anderson S. The Strength of God // American Story. - М.: Менеджер, 1996. - Р.3-13.
32. Bailey P. Gabriel's Lament. - L.: Penguin Books, 1987. - 331 p.

33. Cleese J., Booth C. The Hotel Inspector // The Complete Fawlty Towers. - Methuen: Mandarin, 1991. - P.77-105.
34. Coward N.P. Hay Fever // Modern Plays. - L.: Everyone's Library, 1974. - P.137-203.
35. Dickens Ch. The Posthumous Papers of Pickwick Club. - Moscow, 1949. - 894 p.
36. Galsworthy J. The White Monkey. - Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1953. - 299 p.
37. Lee H. To Kill a Mockingbird. - L.: Penguin Books, 1977. - 285 p.
38. Mansfield K. A Cup of Tea // English Story. - M.: Менеджер, 1996. - P.39-46.
39. Maugham W.S. The Force of Circumstances // Selected Short Stories. - M.: Менеджер, 1996. - P.3-39.
40. Maurier D.D. Rebecca. - L.: Sydney Pan Books, 1975. - 397 p.
41. Owen A. No Trams to Lime Street // Three TV Plays. - L.: Jonathan Cape, 1961. - P.11-59.
42. Pinter H. A Night Out // Plays: One. The Master Playwrights. - London, 1980. - P.189-256.
43. Rattigan T. French Without Tears // The Winslow Boy and Two Other Plays. - L.: Pan Books, 1950a. - P.11-166.
44. Rattigan T. Flare Path // The Winslow Boy and Two Other Plays. - L.: Pan Books, 1950b. - P.167-252.
45. Saroyan W. The Cocktail Party // American Story. - M.: Менеджер, 1996. - P.198-229.
46. Sheldon S. The Stars Shine Down. - N.Y., 1992. - 399 p.
47. Stoppard T. Albert's Bridge // Four Plays for Radio. - L.: Faber and Faber, 1969. - P.120-150.
48. The Activity Book of Riddles. - Moscow: Image, 1991. - 64 p.
49. Vidal G. Visit to a Small Planet // Modern American Drama. - N.Y.: The Macmillan Company, 1965. - P.141-179.
50. Warren R.P. All the King's Men. - Moscow: Progress Publ., 1979. - 448 p.

51. Wilde O. The Importance of Being Earnest. - Heinemann. London. Melbourne. Toronto, 1960. - 89 p.
52. Williams T. A Streetcar Named Desire and The Glass Menagerie. - L.: Penguin Books, 1959. - 208 p.
53. Wodehouse P.G. The Inimitable Jeeves // Life with Jeeves. - L.: Penguin Books, 1983. - P.180-320.